

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

На правах рукописи

Фэн Ишань

**ОБРАЗ РОДИНЫ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА 20–40-Х ГГ. XX В.**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Науч. руководитель
д. филол. н., проф. Забияко А.А.

Благовещенск 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Образ родины как константа этнической картины мира русских и китайцев (историко-литературный контекст)	24
1.1 <i>Формирование образа родины в русской этнической картине мира (историко-литературный контекст)</i>	25
1.2 <i>Формирование образа родины в китайской этнической картине мира (историко-литературный контекст)</i>	44
Глава 2. Формирование образа родины в литературе северо-восточных писателей Китая в 20–40-е гг. XX в.	57
2.1 <i>Культурно-исторические, этнопсихологические и социально-политические обстоятельства формирования образа родины в сознании китайских писателей-эмигрантов (Му Мутянь, Юй Дафу и др.)</i>	62
2.2 <i>Культурно-исторические, этнопсихологические и социально-политические обстоятельства формирования образа Родины в творчестве северо-восточных писателей периода антияпонского сопротивления (Сяо Хун, Дуаньму Хунлян и др.)</i>	86
Глава 3. Формирование образа родины в русской литературе Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.	107
3.1 <i>Религиозно-философские, социально-политические коннотации образа Родины в творчестве старшего поколения дальневосточной эмиграции (А. Ачаир, М. Колосова, А. Несмелов)</i>	109
3.2 <i>Этнокультурные, металитературные, социально-политические характеристики образа Родины в творчестве молодого поколения дальневосточных эмигрантов (Н. Щеголев, В. Перелешин, Ю. Крузенштерн-Петерец и др.)</i>	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	162

ВВЕДЕНИЕ

Образ родины в картине мира человека является базовой универсалией, формирующей скрепы этнического сознания и определяющей связанные с ним языковые, религиозные, политические фреймы. В понятии «родина» заключены пространственные, климатические, семейные, автостереотипные и гетеростереотипные установки этноса. В представлениях о родине пересекается индивидуальное и коллективное, соприкасаясь и взаимоотталкиваясь друг от друга. В годы стабильности представления о родине и соотнесение личности с этим понятием имманентно растворено в повседневном бытии, но в периоды социально-политических трансформаций чувство родины актуализируется и интенсифицируется в этническом сознании, становясь маркером не только этнической, но и национальной идентификации. Один из мощных стимулов интенсификации этничности – утрата родины.

В художественном творчестве данные процессы имеют непосредственное преломление, образ родины (родной земли, родины предков, родного дома, родной природы) возникает в самых древних жанрах фольклора, перетекая затем в литературу. Особенно яркие образы и связанные с ними сюжеты о родной земле формируются в художественном сознании этноцентричных и государство-центричных народов¹ в кризисные периоды.

В первой половине XX в. в результате сложных культурно-исторических, социально-политических, этнорелигиозных процессов русские и китайцы оказываются в типологически сходной ситуации. На территории дальневосточного фронта² происходит встреча двух миграционных волн: из внутреннего Китая и цен-

¹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999. 320 с.

² Забияко А.П. Русские и китайцы: встреча на рубеже культур // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2001. Вып. 4. С. 19–28; Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009. 412 с.

тральной России. *Порубежье* (пространственное, временное, этническое, культурное, религиозное)³ как экзистенциальная характеристика адаптации мигрантов на новых землях формирует особенное ощущение родины и создает уникальные стимулы для художественного творчества.

Естественные миграционные процессы усугубляются социально-политическими потрясениями, протекающими в русском и китайском обществах в ту эпоху. При этом русские и китайцы оказываются в ситуации тесных межэтнических контактов по линии КВЖД и на территории фронта в целом.

Две мощные этнические, культурные, религиозные, литературные традиции оказываются в ситуации, с одной стороны, тесного взаимодействия, с другой стороны – сложного самоопределения и самопознания. Универсальная аксиологическая ценность родины для русских и китайских писателей под воздействием типологически сходных условий обретает уникальные художественные формы. В этих образах преломляется традиционная культура этносов, их способность к самосохранению и адаптации на новых землях, их этническое самосознание и степень совместимости с другими культурами и народами.

Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к изучению концептуальных образов национальных литератур, сформированных базовыми универсалиями этнического сознания и оказавшихся в ситуации порубежного сосуществования и межэтнического взаимодействия. В нашем случае это взаимодействие определяется особенными пространственно-временными и ментальными координатами – дальневосточным фронтиром [порубежьем], сформировавшим фронтирную [порубежную] ментальность русских и китайских жителей Северной Маньчжурии. Миграционные процессы из Центрального Китая на данные территории («Прорыв в Гуаньдун») с середины XIX в., строительство КВЖД (1896 г. – первые десятилетия XX в.), восстание ихэтуаней, русско-японская

³ *Забияко А.П.* Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Благовещенск, 2010. С. 5–10; *Забияко А.П.* Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26–36.

война, Синьхайская революция 1911 г., революция в России 1917 г., Гражданская война и исход русских беженцев в Китай, образование Харбина как центра восточной ветви русской эмиграции, японская оккупация Маньчжурии в 1931 г., гражданская война в Китае 1920–40-х гг., демократические преобразования в китайской культуре и, наоборот, консервация ушедших в прошлое традиций в русской харбинской культуре – вот тот исторический контекст, в который в первой половине XX в. оказались втянуты представители двух древних этносов, ранее весьма далекие друг от друга.

Долгое время интерес исследователей ограничивался обращением к русской литературе восточной ветви и китайской литературе Северо-Востока первой половины XX в. как к отдельным феноменам. Однако современная российская трактовка категории порубежья и рождаемых им явлений фронта и фронтальной ментальности, пассионарности как психологической и культурной установки мигрантов, невзирая на их этническую принадлежность, китайская разработка понятий «Прорыв в Гуаньдун» и изучение литературы, рожденной в результате этих мощных этномиграционных процессов позволяет нам провести сравнительно-культурное и сравнительно-литературное исследование русской и китайской словесности дальневосточного фронта первой половины XX в.

Вынужденные адаптироваться на новых землях, в новых климатических и ландшафтных координатах, контактировать с представителями инокультуры и быть оторванными от родных могил – эти люди, по большому счету все мигранты, рефлектировали свое ощущение к родине параллельно процессам самоидентификации и восприятия «чужого». Исследование типологии и корреляции данных процессов, протекающих в творчестве русских и китайских писателей дальневосточного фронта на сегодняшний день представляется актуальным с точки зрения выявления базовых фреймов этнического сознания русских и китайцев, проявленных в художественной рефлексии образа родины, а также неких точек соотнесения художественного сознания русских и китайцев в их попытках адаптации и саморегуляции на чужих территориях.

Степень исследованности темы

Исследование категорий «картина мира», «образ мира», «модель мира», «видение мира», «представление мира» отражено в трудах Ю.Д. Апресяна⁴, О.Е. Баксанского⁵, Г.А. Брутяна⁶, А.Я. Гуревича⁷, Л.Г. Золотых⁸ и др.

Реконструкция лексико-сематического наполнения понятия «родина» производится с опорой на различные словари: В.И. Даля⁹, С.И. Ожегова¹⁰, Д.Н. Ушакова¹¹, З.Е. Александровой¹², М.Р. Львова¹³, Д.И. Арбатского¹⁴ и «Этимологического словаря» И.А. Мудровой¹⁵. Методология лексико-семантического анализа осуществляется на основе работ по логическому анализу языка¹⁶, анализу языковых концептов А.Д. Шмелева, Т.В. Булыгиной¹⁷.

Философское, культурологическое, литературоведческое наполнение категории «родина», отраженной в ментальности русского этноса, изучено Т. Коваль¹⁸,

⁴ Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю. Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2006. 912 с.

⁵ Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Моя картина мира. Как человек создает повседневную реальность. М., 2014. 576 с.

⁶ Брутян Г.А. Язык и картина мира // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1973. № 1. С. 84–112.

⁷ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. 350 с.

⁸ Золотых Л.Г. Картина мира – Модель мира – образ мира: проблема соотношения категорий в аспекте идиоматики // Гуманитарные исследования. 2006. № 3. С. 46–51.

⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2000.

¹⁰ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Л.И. Скворцова. М., 2020. 1376 с.

¹¹ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М., 2000.

¹² Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник / Под ред. Л.А. Чешко. М., 2001. 568 с.

¹³ Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. М., 1984. 384 с.

¹⁴ Арбатский Д.И. Основные способы толкования значений слова // Русский язык в школе. 1970. № 3. С. 26–31.

¹⁵ Словарь славянской мифологии / Сост. И.А. Мудрова. М., 2010. 240 с.

¹⁶ Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова [и др.]. М., 2000. 448 с.

¹⁷ Шмелев А.Д., Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. 576 с.

¹⁸ Коваль Т. Образ родины в значении «Родина-мать»: патриотический дискурс // Общество и этнополитика / Под ред. Л.В. Савинова. Новосибирск, 2009. С. 199–204.

О.В. Рябовым¹⁹, О.Ю. Балеевских²⁰, В.Н. Телия²¹ и др. Особенную значимость для исследования представляет реконструкция образа родины в древнерусском сознании, осуществленная А.П. Забияко²². Концептуально продуктивным является широкая и узкая концепция «Русской земли», данная исследователем²³. Именно этот архетипический образ, тесно связанный с картиной мира восточных славян, отражен в фольклорных текстах, воспроизводится в позднейших литературных рефлексиях с различными коннотациями. Концептуально значимым для исследования является разработка понятий *фронтир*, *порубежье* А.П. Забияко²⁴.

Родина для русского сознания – это духовные основы жизни человека, те ценности, которые являются для него священными и которыми он не может поступиться ни при каких условиях. Данный религиозный аспект понимания категории исследован в работе И.А. Ильина²⁵.

Этническая идентичность с точки зрения этнопсихологии изучена в работах Т.Г. Стефаненко²⁶. Специфику этнического сознания русских и китайцев автор

¹⁹ Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001. 202 с.

²⁰ Балеевских О.Ю. «Родина-Мать»: значение образа матери в формировании патриотизма // Сумма философии. 2007. № 7. С. 35–40.

²¹ Телия В.Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина» // Славянские этюды: сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 466–476.

²² Забияко А.П. Начала древнерусской культуры. М., 2002. 480 с.

²³ Там же. С. 251.

²⁴ Забияко А.П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации // Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 3–14.

²⁵ Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск, 1995. 511 с.

²⁶ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999. 320 с.; Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности: дис. ... д-ра. психол. наук. М., 1999. 528 с.

диссертации постигала с опорой на работы С.В. Лурье²⁷, А.П. Забияко²⁸, Ма Жуна²⁹.

В последние десятилетия этимология и происхождения слова «родина» активно исследуется китайскими учеными Хоу Цзяньхуем³⁰ и Пань Сянхуэем³¹.

К исследованию образа родины в русской литературе обращались М.В. Цветкова³², Н.А. Николина³³, Н.П. Михальская³⁴ и др. ученые.

Творчество дальневосточной эмиграции в контексте эмигрантской литературы изучено в работах В.В. Агеносова³⁵, Б. Кодзиса³⁶. В.В. Агеносов одним из

²⁷ Лурье С.В. Историческая этиология. М., 2004. 624 с.

²⁸ Забияко А.П. Этническое сознание и этнокультурные константы как фактор русско-китайских отношений // Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009. С. 124–140; Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Благовещенск, 2010. С. 5–10; Забияко А.П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26–36; Забияко А.П. Русские и китайцы: встреча на рубеже культур // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2001. Вып. 4. С. 19–28; Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017. 350 с.

²⁹ 马戎. 民族社会学——社会学的族群关系研究. 北京, 2004. 705 页. [Ма Жун. Этническая социология и социологические исследования этнических отношений. Пекин, 2004. 705 с.].

³⁰ 侯建会. 祖国”概念刍议 // 南师范学院学报. 1998. № 6. 页. 37–39 [Хоу Цзяньхуй. Исследование концепции Родины // Вестник вэйнаньского педагогического института. 1998. № 6. С. 37–39].

³¹ 潘祥辉. “祖国母亲”：一种政治隐喻的传播及溯源 // 人文杂志. 2018. № 1. 页. 92–102 [Пан Сянхуэй. Родина-мать: Распространение и след политической метафоры // Гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 92–102].

³² Цветкова М.В. Заглавие «Родина» в английской и русской поэтической традиции // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур / Под ред. О. Полякова. Киров, 2012. С. 65–79.

³³ Николина Н.А. Образ Родины в поэзии А. Ахматовой // Русский язык в школе. 1989. № 2. С. 72–79.

³⁴ Михальская Н.П. Образ России в английской литературе IX–XIX веков. М., 1995. 152 с.

³⁵ Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). М., 1998. 544 с.; Агеносов В.В. Литература русского зарубежья. 11 класс. М., 2007. 300 с.; Агеносов В.В., Выгон Н.С., Леденев А.В. История литературы русского зарубежья. Первая волна. М., 2022. 365 с. и др.

³⁶ Кодзис Б. Литературные центры русского Зарубежья 1918–1933: Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. Мюнхен, 2002. 318 с.

первых обратился к изучению категорий «свое» / «чужое» в литературе дальневосточной эмиграции³⁷. Концептуально значимым для исследования является разработка понятия *фронтир* в монографии «Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта», осуществленная А.П. Забияко³⁸.

Проблемы самоидентификации по отношению к Родине в китайской северо-восточной литературе первой половине XX в. исследованы Е.В. Сениной³⁹.

Детальное исследование разнообразных аспектов литературы русского Харбина осуществлено сотрудниками Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета⁴⁰.

³⁷ Агеносов В.В. Категории «свое/чужое» как выражение национальной идентичности в поэтическом сознании русских эмигрантов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 7: Мост через Амур. Благовещенск, 2006. С. 273–285.

³⁸ Забияко А.П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации // Забияко А.А., Забияко А.П., Лешко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. С. 3–14.

³⁹ Сенина Е.В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 246 с.; Сенина Е.В. Образ России и русских в «Путевых заметках о новой России» Цюй Цюбо // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 4. С. 158–166; Сенина Е.В. «Я скучаю по харбинской жизни»: социокультурные и этнокультурные процессы 1930–1950 гг. в сознании дальневосточных эмигрантов // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 7: Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах, воспоминаниях: сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2017. С. 11–17; Сенина Е.В. Образ русских в романе Сяо Цзюня «Третье поколение» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2017. С. 245–256; Забияко А.А., Сенина Е.В. Образ восприятия Китая и китайцев в русской дореволюционной литературе и публицистике XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV. Вып. 4. С. 212–219; Забияко А.А., Сенина Е.В. Образ восприятия Китая и китайцев в культуре и литературе дальневосточной эмиграции // Emigrantologia Słowian. 2018. Vol. 4. P. 5–14.

⁴⁰ Забияко А.А. Тропа судьбы А. Ачаира. Благовещенск, 2007. 250 с.; Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009. 352 с.; Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...»: художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск, 2008. 428 с.; Забияко А.А., Забияко А.П., Лешко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015. 462 с.; Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск, 2016. 437 с.; Zabayako A.A., Zinenko Ya.V., Kontaleva E.A., Tsymkal O.E. V. Han's Archive – A Source for Reconstruction of The Processes of Ethnocultural Identity of Russian Emigrants in China // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. Vol. 76. P. 3433–3439; Zabayako A.A., Zinenko Ya. V., Yishan Feng, Xinyu Zhou, Shi Liu. Frontier as an artistic concept // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2021. Vol. 102. P. 1172–1179; Забияко А.А., Цымыкал О.Е. Религиозные искания писателей дальневосточной эмиграции: метаморфозы этнокультурной идентификации // Религиоведение. 2018. № 4. С. 131–145; Зиненко Я.В., Цзюй Кунь. «Мы жили в Харбине, как при царской

В работах научного коллектива Института филологии СО РАН (Е.Ю. Куликовой, Е.В. Капинос и др.) осуществляются монографические исследования поэтики отдельных произведений поэтов и писателей дальневосточного зарубежья, что концептуально подтверждает и углубляет уже отмеченные закономерности расширяет пространство осмысления феномена этого крыла русской литературы⁴¹.

Труды ученых-филологов А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой, О.Е. Цмыкал и их коллег при изучении образа родины в литературе опираются на интеграцию этнографических, этнопсихологических и собственно филологических методов исследования (имманентный анализ художественного текста, стиховедческий анализ, интертекстуальный анализ и т.д.). Авторы обозначают поколенческую иерархию

России»: социокультурные и этнокультурные процессы 10–50-х гг. XX век в сознании дальневосточных переселенцев // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Вып. 11: Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2015. С. 363–371; *Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян*. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности // *Известия Иркутского государственного университета*. 2016. Т. 17. С. 109–125; *Забияко А.А., Землянская К.А.* «Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16. № 4. С. 8–17; *Землянская К.А.* «Смерть под маской. Святочная быль» Венедикта Марта: беллетристический опыт советского писателя // *Русский Харбин, запечатлённый в слове*. Вып. 8: Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2021. С. 161–171; *Кондалева Е.А.* Религиозно-синкретические основания ментальности русских эмигрантов (на примере художественно-этнографической прозы Н.А. Байкова и П.В. Шкуркина) // *Религиоведение*. 2020. № 3. С. 45–54; *Кондалева Е.А.* Религиозный синкретизм в культуре русской эмиграции в Харбине // *Любимый Харбин – город дружбы России и Китая*. Владивосток, 2019. С. 306–317; *Кондалева Е.А.* Особенности фронтальной ментальности в жизнестроительстве и творчестве русской эмиграции на северо-востоке Китая // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Вып. 13: Народы и культуры Северо-Восточного Китая / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2020. С. 402–409.

⁴¹ *Капинос Е.В., Полторацкий И.С.* Строфика А. Ачаира // *Русский Китай и Дальний Восток*. Поэзия, проза, свидетельства. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Силантьев, Е.В. Капинос, И.Е. Лоцилов. СПб., 2020. С. 138–156; *Капинос Е.В.* «Онегин» по-китайски: «Поэма без предмета» В. Перелешина // *Русский Китай и Дальний Восток*. Поэзия, проза, свидетельства. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Силантьев, Е.В. Капинос, И.Е. Лоцилов. СПб., 2020. С. 207–233; *Куликова Е.Ю.* Гумилевский след в повести шанхайского мариниста Б.Я. Ильвова «Летучий голландец» // *Русский Китай и Дальний Восток*. Поэзия, проза, свидетельства. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Силантьев, Е.В. Капинос, И.Е. Лоцилов. СПб., 2020. С. 257–267; *Куликова Е.Ю.* «Японские акварели» Виталия Рябинина: жанровые и строфические эксперименты // *Сибирский филологический журнал*. 2021. № 3. С. 100–112; *Куликова Е.Ю.* Баллада об Азии (Анна Ахматова, «Из цикла “Ташкентские страницы”») // *Русские поэты XX века: материалы и исследования*. Анна Ахматова (1889–1966) / Отв. ред. Г.В. Петрова. М., 2021. С. 188–198; *Куликова Е.Ю.* Об ахматовской балладности в лирике А. Ачаира («Серебряная рыба», «Призрак») // *Во власти культуры и текста: сборник научных трудов к юбилею доктора филологических наук, профессора Г.П. Козубовской*. Барнаул, 2021. С. 345–355.

русских писателей Харбина, обращаются к проблемам их этнической идентичности, изучают поэтику художественных текстов.

К интертекстуальному аспекту образа Родины в поэзии дальневосточной эмиграции обращено диссертационное исследование Цзан Юньмэй⁴².

Терминологическое наполнение понятий *Маньчжурия*, *Северо-Восточный Китай* изучают китайские учёные Ван Цзилун⁴³, Ли Хуасин⁴⁴, Гуань Цзисинь⁴⁵, Ван Ли⁴⁶.

Процесс движения «Прорыв в Гуаньдун» изучен китайскими историками⁴⁷, политологами и социологами⁴⁸. Литература «Прорыва в Гуаньдун» исследуется современными китайскими литературоведами Ван Синьжунем⁴⁹, Дуань Юлинем⁵⁰, Ли Чанхунем⁵¹.

⁴² Цзан Юньмэй. Образ Родины в поэзии русской эмиграции в Китае 1920–1940-х годов (интертекстуальный пласт): автореф. дис. ... филол. н. СПб., 2022. 23 с.

⁴³ 王子龙. 试析二十世纪“京津”与“东北”满族文学差异-以老舍与端木蕻良笔下女性形象为中心 // 呼伦贝尔学院学报. 2012. № 20(04). 页. 54–56 [Ван Цзилун. Анализ различий в литературе XX века «Пекин-Тяньцзинь» и «Северо-восток» Маньчжурии – в центре внимания женские образы, описанные Лао Шэ и Дуаньму Хунляном // Журнал Университета Хулунбуир. 2012. № 20(04). С. 54–56].

⁴⁴ 李华兴. 近代中国百年史辞典. 杭州: 浙江人民出版社, 1987. 773 页. [Ли Хуасин. Словарь столетней истории периода новой истории Китая. Ханчжоу, 1987. 773 с.].

⁴⁵ 关纪新. 老舍与满族文化. 沈阳: 辽宁民族出版社, 2008. 328 页. [Гуань Цзисинь. Лао Шэ и маньчжурская культура. Шэньян, 2008. 328 с.]; 关纪新. 满族对北京的文化奉献 // 北京社会科学. 2007. № 3. 页. 83–92 [Гуань Цзисинь. Культурный вклад маньчжуров в Пекин // Пекинские социальные науки. 2007. № 3. С. 83–92].

⁴⁶ 王丽. 清末民初黑龙江地区汉族生活民俗. 呼和浩特, 2006. 56 页. [Ван Ли. Народные обычаи ханьцев в провинции Хэйлуцзян во время поздней династии Цин и ранней Китайской Республики. Хух-Хото, 2006. 56 с.].

⁴⁷ 范立君. 闯关东历史与文化研究. 北京, 2016. 232 页. [Фань Лицзюнь. Исследование истории и культуры движения «Прорыв в Гуаньдун». Пекин, 2016. 232 с.].

⁴⁸ 李彧钦. 电视剧《闯关东》的社会学解读 // 中国特色社会主义: 理论·道路·事业. 2008. № 2. 页. 484–488 [Ли Юйцинь. Социологическая интерпретация телесериала «Прорыв в Гуаньдун» // Социализм с китайской спецификой: теория, методология, практика. 2008. № 2. С. 484–488].

⁴⁹ 王欣睿. «闯关东» 文学研究. 长春, 2016. 175 页. [Ван Синьжуй. Изучение литературы движения «Прорыв в Гуаньдун». Чанчунь, 2016. 175 с.].

⁵⁰ 段雨霖, 高志伟, 康香莹, 张婷. “闯关东”与东北文化流变 // 青年文学家. 2017. № 17. 页. 36–37 [Дуань Юлинь, Гао Чживэй, Кан Сяньин, Чжан Тин. Движение «Прорыв в Гуаньдун» и северо-восточные культурные изменения // Молодой литератор. 2017. № 17. С. 36–37].

⁵¹ 李长虹. 萨满文化精神与东北作家群的小说创作 // 东疆学刊. 2007. № 4. 页. 23–27 [Ли Чанхун. Дух шаманской культуры и творчество группы писателей Северо-Восточного Китая // Журнал Дунцзян. 2007. № 4. С. 23–27]; Забияко А.А., Чжоу Синьюй, Лю Ши, Е Янян. Движение «Переход в Гуаньдун» в русской и китайской литературоведческой парадигме XX–XXI в. // Россия и Китай

Исторический контекст формирования Северо-Восточного Китая рассматривается в работах Ляо Цзунлиня⁵², Ким Чжон Хона⁵³, Ли Фушэна, Сюэ Циляня⁵⁴, Янь Чанхуна⁵⁵, Жун Мэньюаня⁵⁶, Ян Сяоя⁵⁷ и др. Социально-экономические и культурно-исторические обстоятельства культурных миграций китайцев в первой половине XX в. исследованы в работах Цзинь Чуньхуна⁵⁸, Чжао Шоуляня⁵⁹ и др.

на дальневосточных рубежах. Вып. 14 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2022. С. 288–298.

⁵² 廖宗麟. 甲午清廷备战内幕述评 // 广西社会科学. 1986. № 4. 页. 228–245 [Ляо Цзунлинь. Комментарий к внутренней истории подготовки к суду Цин в период Цзяу // Социальные науки Гуанси. 1986. № 4. С. 228–245].

⁵³ 金 钟 洪. 甲午清廷备战内幕述评 // 广西社会科学. 1986. № 4. 页. 228–245 [Ким Чжон Хон. Японо-китайская война 1894–1895 гг. и судьба Кореи // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 106–113].

⁵⁴ 李夫生, 薛其林. 敢为人先: 辛亥长沙精神. 湖南, 2011. 218 页. [Ли Фушэн, Сюэ Цилянь. Не бойтесь быть первым, дух Синьхай Чанша. Хунань, 2011. 218 с.].

⁵⁵ 严昌洪. 辛亥革命与民初社会变迁 // 重庆师范大学学报 (哲学社会科学版). 2012. № 4. 页. 5–11 [Янь Чанхун. Революция 1911 года и социальные изменения в ранней Китайской республике // Журнал Чунцинского педагогического университета. Сер.: Философия и общественные науки. 2012. № 4. С. 5–11].

⁵⁶ 荣孟源. 五四运动 // 历史教学. 1952. № 12. 页. 28–33 [Жун Мэньюань. Движение четвертого мая // Преподавание истории. 1952. № 12. С. 28–33].

⁵⁷ 杨晓安. "九一八"事变 // 疏导. 1995. № 1. 页. 5–7 [Ян Сяоя. Инцидент «18 сентября» // Пути открытия. 1995. № 1. С. 5–7].

⁵⁸ 靳春泓. 浅析清末留日热潮形成的原因 // 西安电子科技大学学报 (社会科学版). 2003. № 1. 页. 78–82 [Цзинь Чуньхун. Анализ причин подъема обучения в Японии в период поздней династии Цин // Журнал Сидянского университета. Сер.: Общественные науки. 2003. № 1. С. 78–82].

⁵⁹ 赵寿莲. 清末留日热潮出现的原因及其影响 // 学术论坛. 1997. № 6. 页. 84–88 [Чжао Шоулянь. Причина и влияние всплеска обучения в Японии в период поздней династии Цин // Академический форум. 1997. № 6. С. 84–88].

Процессы формирования группы писателей Северо-Востока в первой половине XX в. изучены Цинь Чжихуа⁶⁰, Ван Пэйюанем⁶¹, Чжан Шаоши⁶², Сун Лином, Цзинь Мэнланем⁶³.

В работах Яо Жуньнань⁶⁴, Суо Жунчана⁶⁵, Мо Шаньшаня⁶⁶, Чжан Чана⁶⁷ исследуется процесс формирования образа родины в Северо-восточном Китае на материале художественных текстов.

Объект исследования – русская и китайская литература дальневосточного фронта первой половины XX в. в диахроническом и синхроническом контексте социокультурного, этнокультурного и этнорелигиозного развития.

Предмет исследования – образы родины, художественные коннотации этнических представлений о родине в лирических текстах дальневосточных эмигрантов (А. Ачаира, М. Колосовой, А. Несмелова, Н. Щеголева, В. Перелешина,

⁶⁰ 覃治华. 浅谈东北作家群 // 参花(下). 2014. № 7. 页. 159–160 [Цинь Чжихуа. Разговоры о Северо-восточной писательской группе // Женьшень. 2014. № 7. С. 159–160].

⁶¹ 王培元. 论东北作家群 // 学术月刊. 1991. № 5. 页. 60–66 [Ван Пэйюань. О группе писателей Северо-Востока // Академический ежемесячник. 1991. № 5. С. 60–66]; 王培元. 论东北作家群 // 中国现代文学研究丛刊. 1992. № 1. 页. 303–304 [Ван Пэйюань. О группе писателей Северо-Востока // Серия исследований современной китайской литературы. 1992. № 1. С. 303–304].

⁶² 章绍嗣. 试论“东北作家群” // 武汉教育学院学报 (哲学社会科学版). 1992. № 2. 页. 29–35 [Чжан Шаоши. О «группе писателей Северо-Востока» // Журнал Уханьского института образования Сер.: Философия и социальные науки. 1992. № 2. С. 29–35].

⁶³ 宋丽娜, 金梦兰. 论东北沦陷时期的爱国抗日文化运动 // 沈阳航空工业学院学报. 2005. № 6. 页. 7–9 [Сун Лина, Цзинь Мэнлань. О патриотическом антияпонском культурном движении в период оккупации Северо-Восточного Китая // Журнал Шэньянского института авиационной промышленности. 2005. № 6. С. 7–9].

⁶⁴ 姚润南. 故乡, 是一首凄婉的歌谣—读萧红《呼兰河传》 // 读与写 (教育教学刊). 2018. № 15(01). 页. 125–126 [Яо Жуньнань. Родина – это грустная и эвфемистическая баллада. Чтение «Сказания о реке Хулань» Сяо Хун // Чтение и письмо. Сер.: Образование и педагогика. 2018. № 15(01). С. 125–126].

⁶⁵ 索荣昌. 丰富的蕴涵有益的探索—穆木天早期象征派诗和他的《苍白的钟声》 // 名作欣赏. 1989. № 6. 页. 20–24 [Суо Жунчан. Обширная коннотация, полезные исследования – ранние символические стихи Му Мутяня и его «Бледные колокола» // Оценка шедевров. 1989. № 6. С. 20–24].

⁶⁶ 莫珊珊. 试论萧红《呼兰河传》中的“家园”书写 // 名作欣赏. 2017. № 12. 页. 69–70 [Мо Шаньшань. Обсуждение образа Родины в «Сказании о реке Хулань» Сяо Хун // Оценка шедевров. 2017. № 12. С. 69–70].

⁶⁷ 张畅. 共同的怀乡母题不同的文学书写 // 集美大学学报 (哲学社会科学版). 2012. № 15(02). 页. 99–104 [Чжан Чан. Общие мотивы ностальгии и разные литературные произведения // Журнал Университета Цзимей. Сер.: Философия и общественные науки. 2012. № 15(02). С. 99–104].

Ю. Крузенштерн-Петерец и др.) и в лирических и эпических произведениях китайских писателей дальневосточного фронта первой половины XX в. (Му Мутяня, Юй Дафу, Сяо Хун, Дуаньму Хунляна и др.).

Целью исследования является выявление типологических особенностей формирования представлений о родине и их образного воплощения в русской и китайской литературе в условиях дальневосточного фронта кризисной эпохи первой половины XX в.

Задачи исследования:

1. Исследовать лексико-семантические, этнокультурные, этнорелигиозные основы формирования образа родины в русской и китайской этнической картине мира.

2. Систематизировать и перевести на русский язык произведения китайских авторов дальневосточного фронта, наиболее репрезентативных с точки зрения запечатления в них образа родины.

3. Изучить и перевести на русский язык китайские исследования, обращенные к проблемам этнического сознания, изучения движения «Прорыв в Гуаньдун», формирования представлений о родине в литературе Северо-Востока Китая изучаемого периода, а также литературе дальневосточной эмиграции.

4. Выявить влияние дальневосточного фронта и миграционных процессов на особенности формирования образа родины в русском и китайском литературном сознании конца XIX – первой половины XX в.

5. Изучить лирическое и прозаическое наследие русских писателей дальневосточной эмиграции и северо-восточных писателей Китая первой половины XX в., в чьем творчестве запечатлены представления о родине.

6. Исследовать художественные способы выражения образа родины в русской и китайской литературе дальневосточного фронта, обусловленные культурно-историческими, этнопсихологическими, социально-политическими и металитературными обстоятельствами.

7. Определить все концептуальные и художественные коннотации, которые русские и китайские авторы вкладывали в понятие «родина». Изучить трансформации базовой дихотомии «отчизна/чужбина» в творчестве русских писателей дальневосточной эмиграции и северо-восточных писателей Китая в 20–40-е гг. XX в.

8. Изучить связь художественного образа с этнокультурной, этнорелигиозной и этносоциальной ориентацией русских писателей дальневосточной эмиграции и северо-восточных писателей Китая в 20–40-е гг. XX в.

Новизна диссертации состоит:

1. В анализе образа родины в русской и китайской литературе сквозь призму лексико-семантической, историко-этимологической и историко-литературной реконструкции понятия, отражающего этнопсихологические основы русского и китайского сознания.

2. В переводе и введении в научный оборот художественных текстов китайских писателей дальневосточного фронта первой половины XX в.

3. Во введении в научный оборот трудов китайских исследователей, обращенных к проблемам движения «Прорыв в Гуаньдун», его влияния на литературное творчество, а также исследований, посвященных формированию представлений о родине в китайском этническом сознании.

4. В выявлении специфики фронтального восприятия образа родины в русском и китайском литературном сознании конца XIX – первой половины XX в.

5. В сравнительно-историческом исследовании лирического и прозаического наследия русских писателей дальневосточной эмиграции и северо-восточных писателей Китая первой половины XX в., в чьем творчестве запечатлены представления о родине.

6. В выявлении специфики восприятия родины в сознании китайских писателей-эмигрантов (Му Мутянь, Юй Дафу), в творчестве китайских писателей периода антияпонского сопротивления (Сяо Хун, Дуаньму Хунлян).

7. В исследовании этнопсихологической, этнорелигиозной, поколенческой специфики образа родины в творчестве старшего поколения дальневосточной эмиграции (А. Ачаир, М. Колосова, А. Несмелов) и молодого поколения дальневосточных эмигрантов (Н. Щеголев, Л. Андерсен, В. Перелешин).

8. В экспликации базовых этнических констант, формирующих китайские и русские представления о Родине и воспроизводящихся в художественном творчестве.

9. В установлении типологических закономерностей формирования образа родины в русской и китайской этнической картине мира, изучения влияния порубежья / фронта на создание образа Родины в русской и китайской литературе дальневосточного фронта 1920–1940-х гг.

Теоретическая значимость работы заключается:

- в литературоведческой проекции базовых ментальных универсалий, связанных с формированием представлений о родине в русской и китайской картине мира;

- в расширении теоретических границ изучения художественного образа в русской и китайской литературе первой половины XX в.;

- в развитии концепции художественного образа восприятия применительно к художественному творчеству русских писателей дальневосточной эмиграции и северо-восточных писателей Китая в 20–40-е гг. XX в.;

- в дальнейшей разработке типологической модели сравнительно-исторического анализа русской и китайской литературы первой половины XX в.;

- в определении обусловленности жанровых модификаций произведений, запечатлевающих образ родины, социально-политическими, этнокультурными и историко-литературными обстоятельствами формирования и развития литературного процесса в национальных литературах России и Китая;

- в определении типологических закономерностей влияния порубежья / фронта на создание образа Родины в русской и китайской литературе дальневосточного фронта 1920–1940-х гг.

Практическая значимость диссертации заключается:

- во введении в научный оборот новых текстов, новых фактов из истории литературы дальневосточной эмиграции 20–40-х гг. XX в.;

- в переводе на русский язык ранее не известных и не исследованных текстов китайских авторов первой половины XX в., обращенных к теме Родины, а также материалов китайских исследований по теме диссертации;

- в возможности использовать материалы исследования при чтении лекционных курсов по истории литературы русского зарубежья, теории литературы, спецкурсов по литературоведческой имагологии, анализу художественного текста, спецсеминаров по творчеству русских писателей дальневосточного фронта;

- в перспективе дальнейшего сравнительно-типологического исследования в обозначенной парадигме русской и китайской литературы дальневосточного фронта первой половины XX в.;

- в обозначенной воспитательно-патриотической парадигме изучения русской и китайской литературы 20-40-х гг. XX в.

Методология исследования. Исследование опирается на культурно-исторический, историко-генетический, сравнительно-исторический, метод лексико-семантического анализа, биографический, структурно-семантический методы исследования, а также методы смыслового и пословного переводов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формирование художественного образа родины в русской литературе определено архетипическими представлениями русских о Матери-земле, рождающей богине, непорочной защитнице своих детей, доброй и заботливой кормилице, священной земле (материнский образ родины, Родине-матери), также о земле рода (родной земле, земле предков) – территории, где сформировался и живет род и его потомки (патерналистский образ родины, легший в основу представлений об Отечестве, Отчизне – земле отцов,); о земле, населенной единоверцами и единокровцами (этнорелигиозный образ, легший в основу именованья «Русская земля», «Русь», «Россия», государство, управляемое старейшинами рода, впоследствии перешедший в национальный образ). В разные исторические периоды в русской культуре преобладал тот образ родины, который был наиболее востребован этническим

сознанием (от личного, индивидуалистического до соборного толкования понятия) и находил отражение в русском фольклоре и литературе с самого начала их существования.

2. В китайской этнической картине мира мифологизированные представления о родине формировались в условиях фактической изолированности Китая от всего мира на протяжении веков. В семантике элементов, составляющих понятие родины, исторически преобладали значения «земли предков» (где похоронены предки), родной земли (места, где родился; родной природы – ландшафта, климата). Только после Синьхайской революции и начала формирования национального сознания китайцев в семантику понятия «родина» проникает перенятый у иностранцев образ родины-матери – усвоенный через европейские лекала. Слово «Родина» в национальном звучании (кит. «祖国» – «страна предков», то есть некая территориально-антропологическая общность) в современном китайском языке возникает только в 20–40-е гг. XX в., в переломный для китайской ментальности социально-политический и культурно-исторический период.

3. Дальневосточный фронт (порубежье пространственное, временное, этнокультурное и этнорелигиозное) становится в первой половине XX в. для русских и китайцев той экзистенциальной координатой, что обусловила типологически сходные трансформации этнических представлений русских и китайцев о родине и своем отношении к ней. На территории дальневосточного фронта встретились мигранты из Центрального Китая и Российской империи, вынужденные оставить свои родные насиженные места, родных людей, могилы предков и адаптироваться (выживать) в новых непривычных для себя условиях в инокультурном окружении, зачастую – в военном противостоянии. Эти обстоятельства обусловили типологически близкие художественные рефлексии образа родины в сознании литераторов, но и обозначили специфические формы этнического самостояния русских и китайских писателей на примере образа родины.

4. В китайской литературе первых десятилетий XX в. наиболее пронзительными рефлексиями образа родины отличается творчество писателей-эмигрантов, вынужденных поехать учиться в Японию на фоне послевоенного национального

кризиса. В творчестве Юй Дафу, Му Мутяня и др. возникают андрогинные образы родины, семантически амбивалентные – они одновременно соединяют в себе женское начало (образ родной земли – оставленной матери, любимой и желанной женщины, навеянный отчасти японским модернизмом) и мужское начало (образ отца – слабого мужчины, государства, неспособного оценить и защитить своих детей).

5. Период антияпонского сопротивления в Китае связан с деятельностью группы северо-восточных писателей, для которых Северная Маньчжурия не была родиной предков (Сяо Хун, Сяо Цзюнь, Дуаньму Хунлян). В ситуации, когда недавние мигранты (потомки мигрантов) были вынуждены оставить уже ставшие привычными места и отправиться в изгнание, их представление о родине востребовало укорененное в традиции представление о родных местах, родной земле предков. Так возникает образ Родины-матери, заботливой, но поруганной кормилицы, на которую посягают иноземцы-японцы, и становится ключевым в китайской литературе дальневосточного фронта. Именно такие коннотации образа родины лягут в современные метафорические обозначения представлений китайцев и сформируют новое понятие «страна предков».

6. Формирование образа Родины в творчестве старшего поколения дальневосточной эмиграции (А. Ачаир, М. Колосова, А. Несмелов) протекает в неразрывной традиции с архетипическими представлениями о родине, укорененными в русском этническом сознании, традициями русской литературы XIX–XX вв. и региональными условиями формирования литературного процесса в Харбине. Потому коннотации образа родины связаны в творчестве «старших поэтов» с образами малой родины, образами родного дома, родной земли, Сибири, и имеют зачастую религиозное осмысление (Святая Русь, Золотая Русь, либо триединство Родина-Россия-Русь). В творчестве Арсения Несмелова образ Родины обретает окказиональное для всей эмиграции значение «брошенной и разлюбившей женщины» с оттенками inferнальной угрозы (родины-волчицы) – такое толкование вызывает осуждение во всех эмигрантских поэтических кругах, но характеризует поэта как новатора и полемиста, не воссоздающего клише, опирающегося на психоаналитические интерпретации и неомифологию.

7. Младшее поколение поэтов воспринимает образ России с чувством утраты, ощущение «беспочвенности» становится основным при рефлексии ими образа родины. Так, для Николая Щеголева родина проявляется в метапоэтических образах отечественной истории, культуре, традиции. Образ родины в творчестве В. Перелешина контаминирует традиционный литературный образ России и новообретенной родины – Китая. В творчестве Юстины Крузенштерн-Петерец, соединившем два поколения поэтов, образ Родины соединяет архетипические представления о доме («забытом крове»), Матери-земле, а также неумирающем граде Китеже.

8. Типологические схождения в рефлексии образа родины русскими и китайскими писателями дальневосточного фронта обусловлены укорененным в русском и китайском сознании отношении к родине как земле предков, обладающей притягательной, целительной силой, являющейся священной. Близкими коннотациями проникнут образ родины в творчестве китайских эмигрантов в Японии и Арсения Несмелова; китайских писателей-мигрантов, обретших родину в Маньчжурии в результате исторических потрясений, и в творчестве молодых русских писателей, не знавших России и ищущих себе пристанища в Маньчжурии. Так, встреча двух этносов в типологически сходных условиях порубежья и типологически близком статусе мигрантов в определенный момент времени порождает сходные рефлексии образа Родины. В дальнейшем годы японской оккупации и события Великой Отечественной войны еще более сблизят понимание Родины в творчестве молодых русских эмигрантов и китайских авторов, что свидетельствует о глубинных точках совместимости двух этносов.

9. Несмотря на то, что в творчестве русских писателей дальневосточной эмиграции образ Родины обретает консервативный характер, а в творчестве китайских северо-восточных писателей – прогностический, очевидны точки соприкосновения в этих базовых аксиологических установках сознания двух этносов. Мифологический и неомифологический характер этих установок позволяет судить о концептуально важном для русского и китайского сознания образе сильной и целостной Родины – земли отцов и родной земли.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в докладах на международных, межрегиональных, национальных научно-практических конференциях и семинарах:

1) Международный молодежный межкафедральный научно-практический семинар «Дальневосточный фронт: язык, религии, культура, литература» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2019, 2020, 2021, 2022 гг.).

2) «Россия и Китай. Международная научно-практическая конференция, посвященная 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае» (г. Харбин (КНР), 2018 г.).

3) XIII Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах: народы и этнические культуры» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2018 г.).

4) IV Конгресс российских исследователей религии «Религия как фактор взаимодействия цивилизаций» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2018 г.).

5) XIV международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах: народы и культуры Северо-Восточного Китая» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 2020 г.).

6) V Международная научно-практическая конференция «Китайская цивилизация в диалоге культур» (г. Москва, Московский государственный областной университет, 2022 г.).

7) Международная научная конференция «Дальневосточный фронт. Исторический форум. К 150-летию А.Я. Гурова» (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 21–25 сентября 2022 г.).

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включённых в перечень ВАК и список Web of Science и Scopus:

1. Фэн Ишань. Образ Родины в художественной картине мира дальневосточного поэта-эмигранта Алексея Ачаира // Социальные и гуманитарные науки на

Дальнем Востоке. – 2020. – Т. XVII. – Вып. 1. – С. 205–211. – DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-1-205-211 **(ВАК)**.

2. Фэн Ишань. Историко-культурные и этнопсихологические коннотации образа родины в китайской литературе // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 56–64. – DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-56-64 **(ВАК)**.

3. Цмыкал О.Е., Фэн Ишань. Образ родины в лирике поэта Северо-Восточного Китая Му Мутяня (на материале стихотворений сборника «Дрейфующее сердце») // Гуманитарный вектор. – 2022. – Т. 17. – № 1. – С. 36–46. – DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-36-46 **(ВАК)**.

4. Забияко А.А., Чжоу Синьюй, Лю Ши, Фэн Ишань, Цюй Чжи. Религиозная жизнь северо-маньчжурского города первой половины XX в. (Павел Шкуркин) // Религиоведение. – 2022. – № 3. – С. 64–76. – DOI: 10.22250/20728662_2022_3_64 **(Scopus)**.

5. Забияко А.А., Фэн Ишань, Чжоу Синьюй, Лю Ши. Религиозная жизнь северо-маньчжурского города в китайской литературе первой половины XX в. («Сказание о реке Хулань» Сяо Хун) // Религиоведение. – 2023. – № 1. – С. 165–178. – DOI: 10.22250/20728662_2023_1_165 **(Scopus)**.

6. Забияко А.А., Фэн Ишань. «Китеж, воскресающий без нас...»: образ Родины в лирике дальневосточной эмиграции // Русская словесность. – 2023. – № 4. – С. 58–70. – DOI: 10.47639/0868-9539_2023_4_58 **(ВАК)**.

Публикации в других научных изданиях:

1. Фэн Ишань. Образ Родины в лирике А. Ачаира // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае / Отв. ред. Ли Яньлин. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 242–250 **(РИНЦ)**.

2. Фэн Ишань. Образ Родины в сознании А. Ачаира // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы XX региональной научно-практической конференции (г. Благовещенск, 23 мая 2019 г.): в 3 т. Т. 1. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2019. – С. 168–170 **(РИНЦ)**.

3. Фэн Ишань. Формирование понятия «родина» в этническом сознании китайцев (по материалам словарей и текстов классической литературы) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13: Народы и культуры Северо-Восточного Китая: сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. – С. 237–246 **(РИНЦ)**.

4. Zabiyako A.A., Zinenko Ya.V., Feng Yishan, Zhou Xinyu, Liu Shi. Frontier as an artistic concept // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 102. – P. 1172–1179. – DOI: 10.15405/epsbs.2021.02.02.146 **(РИНЦ)**.

5. Tsmykal O.E., Feng Yishan, Liu Shi. Correlation of motherland / emigration images in works by younger harbin poets // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 107. – P. 1628–1635. – DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.215 **(РИНЦ)**.

6. Зиненко Я.В., Фэн Ишань. Представление о родине в китайском культурном сознании 20–40-х гг. XX в. (на материале повести «Сказания о реке Хулань» Сяо Хун) // Китайская цивилизация в диалоге культур: материалы V Международной научно-практической конференции. – М.: Знание-М, 2022. – Вып. 3. – С. 98–102 **(РИНЦ)**.

7. Фэн Ишань. Образ родины в сознании китайского писателя Юй Дафу (на материале «Чэнь Лунь») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 14: сборник материалов международной научной конференции «Дальневосточный фронт. Исторический форум» (г. Благовещенск, АмГУ, 21–25 сентября 2022 г.) / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2022. – С. 304–313. – DOI: 10.22250/9785934933990_304 **(РИНЦ)**.

Структура и основное содержание работы. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы.

Глава 1. Образ родины как константа этнической картины мира русских и китайцев (историко-литературный контекст)

Язык каждого народа отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или «языковую картину мира»⁶⁸. Представления, формирующие картину мира, входят в язык в неявном виде. Человек, используя слова с неявными смыслами, воспринимает и образ мира, заложенный в них, сам того не осознавая⁶⁹. В семантике языковых единиц заключаются представления о мире, свойственные носителям языка и культуры – так называемые ключевые идеи⁷⁰, или константы. Именно эти константы (универсалии) определяют формирование сознания этноса.

Этническое сознание, определяющее этническую картину мира, складывается на протяжении всего этногенеза, переплетаясь с историческими, территориальными, культурными, политическими обстоятельствами развития определённого этноса⁷¹. Образ родины как универсалия (константа) этнического сознания определяется несколькими компонентами: восприятием этносом себя самого, отношением его к родной земле, стране, а также восприятием чужих народов и стран, государств.

Каждый народ представляет собой общность людей, объединенную общим языком, культурой, менталитетом, а главное, территорией проживания – *родиной*. Представления о родине зависят от самого народа, от того исторического опыта, который вложили поколения одной нации в семантику данной лексемы. «Образ родины – средоточие национального самосознания. От сходства воззрений на то, что

⁶⁸ Зализняк А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 248–261.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Шмелев А.Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Зализняк А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 17–24.

⁷¹ Забияко А.П. Этническое сознание и этнокультурные константы как фактор русско-китайских отношений // Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009. С. 124–140.

есть родина, от общего чувства сопричастности ей зависит само существование народа как единого целого»⁷².

Очевидно, что существует разница в восприятии образа родины представителями моноэтнических и полиэтнических государств, а также восприятие образа родины с точки зрения отдельного человека или группы и трактовки, декларируемой на государственном уровне⁷³. Однако существует определенная закономерная связь данного понятия с историей развития государственности, политической системы и этнического самосознания населения.

Родина – ключевая идея в русской и китайской языковых картинах мира, тесно связанная с национальным сознанием – константа этнического сознания, отраженная в языке и литературном творчестве.

1.1 Формирование образа родины в русской этнической картине мира (историко-литературный контекст)

Этимологические реконструкции понятия «родина» в русской картине мира

Этимологически слово *родина* восходит к праславянской основе «род» (*ordъ)⁷⁴. В свою очередь, слово «род» (укр. *ród*, болг., сербохорв. род, словен., чешск. *rod* и т.д.) в славянской и родственной им группе языков связано с лексическими значениями «(обильный) урожай», «процветание», «плодородие», «многочисленная семья». Эти значения восходят к др.-инд. *vṛādhant* («поднимающийся») и целой группе однокоренных слов со значением *роста, умножения, набирания сил*⁷⁵.

⁷² Забияко А.П. Начала древнерусской культуры. М., 2002. 480 с.

⁷³ Фэн Ишань. Образ родины в художественной картине мира дальневосточного поэта-эмигранта Алексея Ачаира // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. № 1. С. 205–211.

⁷⁴ Трубачев О.Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 88.

⁷⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. СПб., 1996. С. 490–491.

В славянской мифологии упоминается мужское божество Род – покровитель рода (семьи), споспешник продолжения рода, ойкуменическое божество; персонафицированное представление о преемственности поколений, берущих начало от общих предков⁷⁶. Следуя А.Н. Веселовскому, ученые видят в образе этого божества «идею рода, отжившего и нарождающегося», уходящую корнями в глубокую древность за пределы отдельной семьи⁷⁷. В эпоху Киевской Руси культ Рода продолжил свое существование не только в частных границах отдельных родов, но, возможно, и как общественный «культ княжеских родоначальников»⁷⁸ – отсюда, очевидно, зарождаются коннотативные значения, связанные с представлением о *родине* как государствообразующей категории. Провиденциальная миссия *рода* в судьбе человека – даруемая небесами судьба жить на определенной земле (*родине*) и служить своему роду – косвенным образом перекликается с функциональным «заданием», выполняемым богинями судьбы – *рожаницами*, споспешницами Рода, нарекательницами судьбы новорожденного.

Итак, именно от основы «род» произошли праславянские, старославянские и древнерусские корни с лексическим значением «поколение, происхождение, семья»⁷⁹. Последующее развитие семантики слова «родина» приводит к тому, что от представлений о *родине* как о *семье* (укр., блр., *rodina* чешск., *rodzina* польск.), *обилии плодов* (сербохорв.), *месте рождения* (болг.) в русской картине мира исходят и закрепляются значения: *место рождения (семьи)*, *земля предков (отцов – «отчина»)*, *родные места*⁸⁰.

Данные значения фиксируют современные толковые словари. Толковый словарь В.И. Даля определяет родину следующим образом:

⁷⁶ Забияко А.П. Религия славян // История религии: в 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. И.Н. Яблокова. М., 2004. С. 262–263.

⁷⁷ Веселовский А.Н. Судьба-доля в народных представлениях славян // Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Сборник отделения русского языка и словесности. СПб., 1889. Т. 46. № 6. С. 181.

⁷⁸ Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84–104.

⁷⁹ Арбатский Д.И. Основные способы толкования значений слова // Русский язык в школе. 1970. № 3. С. 26.

⁸⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. СПб., 1996. С. 491.

1. Родная земля, чьё-то место рождения.
2. Земля, государство, где кто-то родился⁸¹.

Толковый словарь С.И. Ожегова трактует понятие «родина» как «Отечество, родная страна. Место рождения, происхождение кого-нибудь, чего-нибудь, возникновение чего-нибудь»⁸².

Словарь Д.Н. Ушакова дает более подробное определение:

1. *Отечество; страна, в которой человек родился и гражданином которой он состоит.*
2. *Место рождения кого-нибудь.*
3. *Место зарождения, происхождения чего-нибудь (переносное значение).*
4. *Место возникновения чего-нибудь (переносное значение)*⁸³.

Таким образом, анализ словарных статей показал, что в содержательной структуре концепта «родина» выделяются следующие компоненты, характеризующие его ценность для носителей русского этнического сознания:

- 1) Родина как родная страна (земля);
- 2) Родина как край отцов (место, где человек родился, где живут его родные и близкие);
- 3) Родина как место возникновения чего-либо, колыбель;
- 4) Родина как страна чьего-либо рождения или чьих-либо предков;
- 5) Родина, Отечество как страна, в которой человек родился и гражданином которой он является;
- 6) Отечество, отчизна (слова торжественной, возвышенной речи).

Синонимами понятия «родина» выступают слова «отечество», «отчизна», «родная сторона (сторонка)», «родной край», «родное пепелище», «колыбель», «родная земля», «дом», «мать»⁸⁴.

Антонимом к слову «родина» выступают слова «чужбина», «чужая страна

⁸¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., 2000. С. 490.

⁸² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Л.И. Скворцова. М., 2009. С. 1009.

⁸³ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М., 2000. С. 569.

⁸⁴ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник / Под. ред. Л.А. Чешко. М., 2001. С. 436.

(земля)», «чужедалье», «заграница»⁸⁵. То есть «не-родина» – это место, населенное *чужими, чужаками*, это *чужая земля*, это то место, что далеко от *своей земли*, а также это то, что противопоставлено *родине* как государству (своей земле) и отделено границей, находится за ее пределами. Не случайно русское слово «чужбина» в своем лексико-семантическом континууме связано со словом «судьбина», обозначая не только место, но и тяжкую долю в чужой стороне, в чужеземной стране.

Родину можно рассматривать в географическом, территориальном, эмоциональном, метафизическом, государственном значениях. Очевидно, что осмысление лишь одной стороны понятия ведет к упрощению категории родины.

Исторические этапы формирования представлений о Родине в древнерусском сознании

Представления о родине, выходящие за пределы сельской общины, *рода*, княжества, начинают формироваться в русском этническом сознании в период становления Киевской Руси как единого государства – свидетельствуют данные русского фольклора и жанры древнерусской литературы. В IX–X вв. слова «Русь», «Русская земля» в значении «родина» – начинают применяться по отношению ко всей территории восточных славян – от Карпат до Дона, от Ладоги до причерноморья⁸⁶: «Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславович, и Давыд Святославович, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: "Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между ними идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей..." И на том целовали крест: "Если отныне кто на него пойдет, против того будем мы все и крест честной". Сказали все: "Да будет против того крест и вся земля Русская"»⁸⁷. Именно в этот период

⁸⁵ Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. М., 1984. С. 247.

⁸⁶ Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 2012. С. 239–240; Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 157.

⁸⁷ Повесть временных лет / Пер. с древнерус. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. СПб., 2012. С. 186.

складывается русский героический эпос – былины о богатырях, своего рода *старейшинах рода*, защитниках Родины, всей Руси (Русской земли). Отметим – патриотизм богатырей не совпадает с отношением к Родине князя Владимира, демонстрирующим эгоизм и узко-местнические интересы («Илья Муромец и Соловей Разбойник»).

В годы княжеских усобиц представление о Русской земле как общей территории, сплоченной вокруг Киева, общей родины сужается до представлений об «отчине» – унаследованного от отцов надела земли. Постепенное усиление северо-востока Руси переносит представление о «Русской земле» на эти земли, во Владимир и Суздаль, где княжит Андрей Боголюбский. Узкое понимание родины – «Русской земли» – становится новой политической реальностью⁸⁸, однако Андрей Боголюбский мечтал вернуть прежнее толкование понятия из предания в жизнь. Именно при нем возникает обозначение князя как «самодержца всея Руси»⁸⁹ – как тенденция к возвращению «широкой» концепции «Русской земли». Большой урон этническому сознанию русских в их понимании Родины принесли годы монгольского нашествия. Ради выгод для собственной *отчины* местнически настроенные князья «не видели ничего зазорного в заключении союза с нерусским государем»⁹⁰.

Очевидно, что в годы распада и раздробленности государственности возникает в народном сознании амбивалентное отношение к Родине: «на чужой сторонке словно в домовинке» (в гробу), «чужа сторона – дремучий бор» // «хоть в орде, да в добре», «где не жить, лишь бы сыту быть», «велика Русская земля, а правде нигде нет места» и др. На долгие столетия идея «Русской земли» как объединяющей всех русских людей территории была дискредитирована бедами и лишениями, принесенными децентрализованным государством, корыстью власть придержащих. Происходит постепенное разделение единой восточнославянской общности на Великую, Малую и Белую Руси. С начала XIV в. великокняжеский стол перемещается в

⁸⁸ Робинсон А.А. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980. С. 226.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Забияко А.П. Начала древнерусской культуры. М., 2002. С. 241.

Москву, туда же перемещается резиденция митрополита – снова меняется представление о Русской земле с точки зрения географических и территориальных координат – возникает образ Московской Руси как родины всех русских людей. Как подчеркивают исследователи, «на протяжении всего русского средневековья – от раннего до позднего – этническое самосознание русских формировалось вокруг образа Русской земли, в котором запечатлелся опыт самосозидания народа и строительства государства»⁹¹. То есть образ Родины в русском этническом сознании – вопреки современным спекуляциям – изначально был неотделим от идеи сильной государственной власти и единения русских людей (родных по происхождению, по территории).

Мифологический контекст осмысления образа родины русским этническим сознанием и его отражение в фольклоре и литературе

Помимо исторического опыта, на формирование образа Родины в этническом сознании русских влияли мифологические представления. Именно этот уровень отразился в средневековых летописях, героическом эпосе (былинах) и в духовных стихах. Например, памятники фольклора воссоздают ту же картину, что и памятники древнерусской письменности: былинные богатыри готовы сложить голову за всю Русь, понимая, что тем самым защищают и отчий дом. Узко территориальное видение родины расширяется до образа Родины как Русской земли⁹².

Образ Родины как земли рода неотделим был после принятия православия в народном сознании от «истинной веры». В духовном стихе о Егории Храбром герой попадает в Русскую землю и застаёт ее в первозданном хаосе: там «леса дремучие», «горы толкучие», «что нельзя Егорью проехати». И Егорий Храбрый поступает в соответствии со своим предназначением «культурного героя» и благодаря вере своей наводит на «Русской земле» порядок⁹³.

⁹¹ *Забияко А.П.* Начала древнерусской культуры. М., 2002. С. 243.

⁹² Там же. С. 238–239.

⁹³ Большой стих о Егории Храбром // Селиванов Ф.М. Русские народные духовные стихи. Йошкар-Ола, 1995. С. 27–31.

Канонизированные после крещения Руси страстотерпцы Борис и Глеб, павшие жертвой княжеской уособицы, противостоящей единению земель русских, становятся в народном сознании заступниками Земли русской⁹⁴.

Исследователи образа родины выделяют несколько архетипических представлений о родине в русской этнической картине мира, природа которых отражает ментальность этноса.

Это, прежде всего, *материнский архетип*. В духовном стихе о Голубиной книге Русская земля определяется как «Светла Русь земля – всем землям мать». В различных фольклорных жанрах встречается образ Матери Сырой земли. Мать-сыра земля предстает созидающим началом: она рождает все сущее, оберегает, любит, растит, сострадает. Исследователь В.Н. Телия, очевидно, вслед за Б.Н. Рыбаковым, считает, что в представлении о родине воплотился архетип Великой Богини Матери – отсюда выражение «родная земля» и особое отношение к ней⁹⁵. В.Н. Телия приводит языковые примеры такого отношения – *родина вскормила, родина вырастила, родина воспитала*, в то же время и у человека есть обязательства по отношению к матери, к родине, к родной земле – горячо любить родину, защищать родину, быть достойным сыном родины и т.д.⁹⁶.

О.В. Рябов, развивая исследования образа родины-матери, выявляет представление о родине как о матери, «любящей, самой родной и любимой, не способной предать свое дитя»⁹⁷. Он характеризует родину как кормилицу, заступницу, способную к состраданию, терпению, переносящую страдания, уязвимую и эмоциональную⁹⁸. Святость Руси как признак Родины отмечает А.П. Забияко: «Образ Святой Руси – образ религиозно-мифологический, выражающий глубоко религиозное отношение русского человека к Русской земле, которая в средневековом сознании принимала облик мученицы в святом венце страданий или твердыней святой

⁹⁴ Повесть временных лет / Пер. с древнерус. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. СПб., 2012. 512 с.

⁹⁵ Телия В.Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина» // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 466–476.

⁹⁶ Там же. С. 469.

⁹⁷ Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001. 202 с.

⁹⁸ Там же. С. 103.

веры в сиянии славы»⁹⁹. Родина-мать, мать-сыра земля – данные архетипы отражаются и в выражениях *русская земля, родная земля*: «Образ "Земли Русской", понятие "Русская земля" и синонимическое ему "Русь" выступают ключевыми явлениями древнерусского этнического самосознания»¹⁰⁰.

В образ матери как женщины слились и образы сестры, жены, невесты. Вообще родственные связи пронизывают отношения русских людей, для которых характерно обращение – «братья и сестры», потому что мать общая – родная земля. В отношении родины нет посредников, что сильно влияет на особое отношение русского человека к родине¹⁰¹. Данные тезисы, на наш взгляд, корректируют некоторые современные спекуляции по поводу неправомерности объединения в русском этническом сознании идеи Родины как родной земли и государства как формы существования Родины¹⁰².

Таким образом, образ родины в картине мира русского народа связан с архетипом матери всего сущего, Матери-сырой земли. Материнский архетип обладает определенными характеристиками, это, прежде всего, вневременье, можно сказать, вечность данного образа. Родина в образе земли не зависит от политических, экономических изменений, она находится вне времени и является Родиной и древним славянам, и современным русским людям. Святость – еще одна характеристика родины, где русская земля сравнивается с Богородицей. Безусловная любовь к детям – родина любит всех своих детей вне зависимости от любых признаков, воспитывает их и заботится, жалеет и прощает. Отечество, государство выступает в роли отца, противоположного начала.

Противостоит «матушке Руси» как земному пространству в древнерусском мифологическом сознании царство Дьявола, Сатаны, Антихриста.

⁹⁹ Забияко А.П. Начала древнерусской культуры. М., 2002. С. 251.

¹⁰⁰ Там же. С. 287.

¹⁰¹ Балеевских О.Ю. «Родина-Мать»: значение образа матери в формировании патриотизма // Сумма философии. 2007. № 7. С. 35.

¹⁰² Чикаева Т.А. «Родина» как ключевое понятие национальной идеи // Манускрипт. 2018. № 5(91). С. 101.

Главное в мифологическом сознании русского человека в представлениях о Родине – правильная (в мифологическом понимании) устроенность, религиозная праведность, божественное присутствие, чистота и «светлость» (в значении *свято-сти* и духовного созидания)¹⁰³.

Идеи святости Руси отражены в «Слове о Законе и Благодати митрополита Илариона»¹⁰⁴, позднее – в «Задонщине»¹⁰⁵. Эти тексты представляют собой гипостазированные образы величия Святой Руси – родины. Но только после падения монгольского ига и усиления Московской Руси в XV в. на фоне ослабления Византии укрепляются и реально подтверждаются интуиции православных авторов. В этот период возникает мифологизированная идея о «Москве – Третьем Риме». Как подчеркивают ученые, образ Святой Руси был усвоен органично мифологически-религиозным сознанием русского человека, но не был доктринально систематизирован православной церковью¹⁰⁶. В фольклоре эта идея оплотнилась в цикле повестей об Азовском осажденном сидении¹⁰⁷.

Во времена Раскола образ Святой Руси обрел черты «потаенной святости». Именно в этот период возникает образ града Китежа – «древлеправославной Руси», скрывшейся от взоров неправедных церковников¹⁰⁸. Позднее этот образ будет переосмыслен в литературе как религиозная мифологема Родины.

И.А. Ильин подчеркивает многомерность и многосложность семантического наполнения понятия «родины» в русской этнической картине мира: «Ни одно из них [*определений*. – *Ф.И.*], взятое само по себе, не составляет Родины: ни пространственное рядом-жительство людей, ни кровная связь происхождения, ни национальная и расовая принадлежность, ни привычный быт, ни хозяйственное единение,

¹⁰³ Забияко А.П. Начала древнерусской культуры. М., 2002. С. 245.

¹⁰⁴ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 1: XI–XII века / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб., 1997. С. 26–63.

¹⁰⁵ Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6: XIV – середина XV века / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб., 1999. С. 106–119.

¹⁰⁶ Забияко А.П. Начала древнерусской культуры. М., 2002. С. 250.

¹⁰⁷ Плюханов М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 175.

¹⁰⁸ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995. 528 с.

ни природа, ни общность положительного права или государства»¹⁰⁹. Он также отмечает особую духовность представлений о родине, которая в сознании русского человека является святыней, высшей ценностью. Родина – это духовные основы жизни человека, те ценности, которые являются для него священными и которыми он не может поступиться ни при каких условиях, это дух и святыни¹¹⁰.

Итак, как мы видим, образ родины исторически присутствует в жанрах русского фольклора и древнерусской литературы, обретая самые разные коннотации и именованья – от Матушки-Руси, Матери сырой земли к Руси, Русской земле и до Святой Руси.

По наблюдению С.Г. Тер-Минасовой, русский характер отличает «открытый патриотизм, словесно выраженная любовь к родине»¹¹¹, о чем свидетельствует обилие эмоционально окрашенных лексических единиц для обозначения места, где человек родился: *родина, родная страна (сторона/сторонка), отечество, отчизна* и т.п.

Ю.С. Степанов утверждает, что отношение русских к родине воплотилось в концепте «родная земля», и что концепт этот имеет двойственный характер. С одной стороны, он смыкается с представлением об «особой русской религиозности». С другой – «с особым русским отношением к своей стране и земле как к матери или как к жене»¹¹².

В целом же в русской культурной традиции «родина является важнейшей частью национального мифа. Трактовка образа Родины тоже строится в русской культуре в соответствии со всеми правилами, свойственными мифу: контрастностью противопоставлений отдельных смысловых элементов при их отчетливой структурной выраженности, дискретности и постоянстве связей между этими элементами, высокой стабильностью структуры, сохраняющей неизменными основной набор элементов и связи между ними»¹¹³.

¹⁰⁹ Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск, 1995. 511 с.

¹¹⁰ Там же. С. 318.

¹¹¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 176.

¹¹² Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 174.

¹¹³ Михальская Н.П. Образ России в английской литературе IX–XIX веков. М., 1995. С. 151.

Соединением личного духа и духа народа определяется то чувство и степень осознания своего отношения к Родине, что именуется *патриотизмом*. Патриотическое восприятие Родины начинает формироваться в соответствии с этапами становления российской государственности¹¹⁴.

Семантические значения понятия «родина» в поэтической рефлексии русских лириков XVIII – первой половины XX вв.

Тема родины – одна из традиционных тем в русской лирике. Как утверждает М.В. Цветкова, в русской литературе практически нет поэтов, не коснувшихся темы родины в своем творчестве¹¹⁵. Традиционной является и связь образа родины (России) с образами дороги, дали, простора, ветра, песни – теми атрибутами русской ментальности, без которых она немыслима¹¹⁶.

Начало развитию этой темы в литературе Нового времени положено в лирике с XVIII в. (в данном случае мы будем говорить о лирике, наиболее концептуально фиксирующей авторское отношение и понимание образа). Несмотря на существующую традиционность метонимических образов, для каждого автора эта тема обретает индивидуальное звучание и воплощение.

Одним из первых к образу родины в лирике обращается В.К. Тредиаковский, находящийся на учебе в Сорбонне:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны...
Россия мати! Свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный...
Чада достойны таковой мати,
Везде готовы за тебя стати...

Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?

¹¹⁴ См.: Забияко А.П. Отчизна и чужбина // Забияко А.П. Начала древнерусской культуры. М., 2002. С. 237–267.

¹¹⁵ Цветкова М.В. Заглавие «Родина» в английской и русской поэтической традиции // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур / Под ред. О. Полякова. Киров, 2012. С. 65–79.

¹¹⁶ Николина Н.А. Образ Родины в поэзии А. Ахматовой // Русский язык в школе. 1989. № 2. С. 72–79.

Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

(«Стихи похвальные России»)¹¹⁷

Несмотря на несовершенный слог и неровный ритмический рисунок, В.К. Тредиаковский весьма точно схватывает глубинные положительные значения, восходящие к этимологии понятия «родины» и присущие русским представлениям о родине значения – как самодостаточной, изобильной, «светлой» в значении «святой, матери своих «чад», готовых за свою мать постоять.

Слово «родина» в значении «отчизна» впервые упоминает Г.Р. Державин в 1798 г. – в стихотворении «Арфа», вспоминая о Казани:

Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про *родину, отечество драгое,*
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!¹¹⁸

Подобное толкование родины как, в первую очередь, *родных мест, родной земли*, будет присуще впоследствии многим поэтам.

Каждый из пишущих о родине отражал свое понимание значения многогранного образа¹¹⁹ (Е. Баратынский, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, Ф.И. Тютчев, А.А. Блок, С.А. Есенин, А. Белый, И.А. Бунин, А.А. Ахматова, М.И. Цветаева и др.). Настоящим «компендиумом» заложенных в слове «родина» древних и уже литературных смыслов предстает стихотворение Е. Баратынского «Родина», написанное в 1821 г. Его образ родины вмещает в себя представления о «земле рода» (*поля моих отцов; родной своей стране*), родной земле, доме (о дом отеческой; / *в моей безвестной хате*), семье (*в кругу друзей своих, в кругу семьи своей, / Я буду издали глядеть на бури света*), о святости родной земли (*священный сердцу кров, домашние иконы*), земле, обильной плодами (*плодами сочными обильно воздадут / От*

¹¹⁷ Тредиаковский В.К. Стихи похвальные России // Библиотека всемирной литературы: в 200 т. Т. 57: Русская поэзия XVIII века / Под ред. С. Чулкова. М., 1972. С. 110–111.

¹¹⁸ Державин Г.Р. Арфа // Державин Г.Р. Стихотворения 1774–1816 гг. Подробный иллюстрированный комментарий. М., 2021. С. 105.

¹¹⁹ Михальская Н.П. Образ России в английской литературе IX–XIX веков. М., 1995.

гряд и заступа спешу к полям и плугу), месте, где завершается жизненный цикл каждого человека, но не прекращается смена поколений:

В тени их отдохнёт мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пепел мой
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой и мирную цевницу¹²⁰.

Обратим внимание на то, что пробуждение всех дремлющих архетипических установок, актуализация сыновнего чувства к родине происходит в творчестве поэтов, находящихся вдали от родной страны. Дифференцированное отношение к родине *государству* и *родной земле* мы наблюдаем начиная с лирики М.Ю. Лермонтова («Прощай, немытая Россия / Страна рабов, страна господ»¹²¹ / «Люблю Отчизну я, но странною любовью / Не победит ее рассудок мой...»¹²²).

М.В. Цветкова, проанализировавшая частотность заглавий со словом «родина» и синонимичными словами «Русь», «Россия», подмечает, что «русские стихи о России и Родине, как правило, отвергают одический тон – в лирическом герое Лермонтова "ни слава, купленная кровью, ни полный гордого доверия покой, ни темной старины заветные преданья" не шевелят отрадного мечтанья»¹²³. Речь идет, конечно, о лирике XIX–XX вв. – в ней лермонтовский посыл о «странной любви» к Отчизне принимает то ярко выраженные обличительные черты (в творчестве Н.А. Некрасова), то имеют философскую направленность (Ф.И. Тютчев «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить. У ней особенная стать, в Россию можно только верить», 1866)¹²⁴. Загадочность тютчевской максимы в «малой форме» дает

¹²⁰ Баратынский Е.А. Родина // Библиотека всемирной литературы: в 200 т. Т. 105: Русская поэзия XIX века. М., 1974. С. 346–347.

¹²¹ Лермонтов М.Ю. Прощай, немытая Россия // Библиотека всемирной литературы: в 200 т. Т. 93: Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени / Под ред. С. Чулкова. М., 1972. С. 184.

¹²² Лермонтов М.Ю. Родина // Библиотека всемирной литературы: в 200 т. Т. 93: Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени / Под ред. С. Чулкова. М., 1972. С. 178.

¹²³ Цветкова М.В. Заглавие «Родина» в английской и русской поэтической традиции // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. О. Полякова. Киров, 2012. С. 65–79.

¹²⁴ Тютчев Ф.И. Умом Россию не понять // Библиотека всемирной литературы: в 200 т. Т. 106: Русская поэзия XIX века / Под ред. С. Чулкова, И. Щербаковой. М., 1974. С. 58.

повод самым разным интерпретациями образа родины в понимании поэта. Один полюс интерпретации склоняется к мысли о мессианской идее стихотворения¹²⁵, другой – к иррационализму русского национального характера. В.В. Кожин предлагал совершенно иное толкование. Тютчев, по его мысли, хотел сказать, что Россия существует только благодаря вере её обитателей. Когда потеряна вера, быстро разрушается и сама страна¹²⁶.

Очевидно, что конец XIX в. с его народническими увлечениями сформировал особый образ родины в русской лирике – опрошенный до образа крестьянки, при этом – униженной и забитой, но заслуживающей уважения благодаря своему неистребимому материнскому чувству:

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей –
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла¹²⁷.

(И. Бунин. Родине. 1891)

¹²⁵ Гольшева Г.Э. Как рождается художественный образ?: анализ стихотворения Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять...» // Русский язык в школе. 2012. № 4. С. 23–27.

¹²⁶ Крупнов Ю. Пути русского развития // Наследник. 2010. № 32. URL: https://naslednick.ru/archive/rubric/rubric_367.html (дата обращения: 19.11.2022).

¹²⁷ Бунин И.А. Родине // Библиотека всемирной литературы: в 200 т. Т. 140: Бунин И.А. Стихотворения. Рассказы. Повести / Под ред. С. Чулкова. М., 1973. С. 46–47.

М.В. Цветкова говорит о «передвижническом» персонифицированном образе родины у И.А. Бунина¹²⁸. У Есенина образ Родины – деревенской женщины – обретает сниженные коннотации, несмотря на торжественность восклицания в заглавии:

О Родина, о новый
С золотою крышей кров,
Труби, мычи коровой,
Ревя телком громов («О Родина!»)¹²⁹

Как видим, С. Есенин, обращаясь к первоначальной семантике слова «родина» (родная земля, родовой дом (*кров*), земля, обильная *приплодом*, *мать*), вносит окказиональные смыслы, соединяя в образе высокое и низкое: иконописную цветопись (метонимически намекающую на *святость*, «*благодать*» родины) и «*пороки, пьянство и разбой*», присущие разгульной матери.

Брожу по синим селам,
Такая *благодать*,
Отчаянный, веселый,
Но весь в тебя я, *мать*.

Люблю твои *пороки*,
И *пьянство*, и *разбой*,
И утром на востоке
Терять себя звездой.

Итак, начиная с Лермонтова, мотив *нищеты* Родины и бесправия ее детей – один из полюсов поэтической рефлексии (А. Блок. «*Россия, нищая Россия!*»).

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ

¹²⁸ Цветкова М.В. Заглавие «Родина» в английской и русской поэтической традиции // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. О. Полякова. Киров, 2012. С. 65–79.

¹²⁹ Есенин С. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М., 1983. С. 258.

(А. Белый. «Родина»)¹³⁰.

Архетипическое женское начало, присущее образу родины, в творчестве поэтов «серебряного века» обретает амбивалентные черты. Родина является ключевой темой в творчестве А. Блока: «Блок создал особенный образ родины. Это образ красавицы Женщины, возлюбленной невесты. Ее лик светел, "светел навсегда", она хранит первоначальную чистоту души поэта. Это женщина с прекрасными чертами, "разбойной красотой", повязанная в "плат узорный до бровей"»¹³¹. В лирике Блока образ родины – Руси, России – становится органическим развитием идеи софийности, Вечной Женственности: «О Русь моя! Жена моя, до боли...».

Андрей Белый трансформирует женское начало в понимании родины. В его лирике «родина злая» обладает страшной хтонической силой, убивает своих детей:

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, –
Безумствуй, сжигая меня!

(«Родине»)¹³²

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой -
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

(«Родина»)¹³³

Особенное развитие образ родины обретает в лирике Анны Ахматовой. Н.А. Николина подчеркивает: «Как показывает частотный словарь имен Ст. Гиля (изданный в Осло в 1974 г.), в стихах Ахматовой слово Родина повторяется 9 раз (для сравнения отметим, что в произведениях Е.А. Баратынского оно используется 5 раз, в поэзии Ф. И. Тютчева – 6, в стихах А. А. Фета – 3), слово Отчизна – 4 раза,

¹³⁰ Александр Блок. Андрей Белый. Диалог поэтов о революции / Сост. М.Ф. Пьяных. М., 1990. С. 262–263.

¹³¹ Поэты серебряного века. URL: https://otherreferats.allbest.ru/literature/00091269_0.html (дата обращения: 15.11.2022).

¹³² Александр Блок. Андрей Белый. Диалог поэтов о революции / Сост. М.Ф. Пьяных. М., 1990. С. 337.

¹³³ Там же. С. 263.

Россия – 5 раз, Русь – 2, край – 15. Эти слова не принадлежат к наиболее частотным в творчестве Ахматовой, однако слово *земля* (следующее за словами *голос* и *сердце*) входит в состав ключевых в ее поэзии (80 случаев; ср. с употребительностью слов *любовь* и *песня*, которые обычно считались наиболее частотными в ее стихах: *любовь* – 65 раз, *песня* (*песнь*) – 63 раза). Именно слово *земля* (одно или в сочетании с определением *родная*) наиболее часто используется в творчестве Ахматовой для обозначения Родины». При этом – тема родины появляется уже в ее ранней лирике, превращаясь впоследствии в настоящую метатему. С образом родины у поэтессы связан и образ праха предков // одновременно дорожной пыли, в которой приходится идти лирической героине-страннице по бескрайним просторам ее родины. Ее образ Родины и ритмически, и семантически перекликается с лермонтовским обращением к глубинному народу – тому, что и составляет истинную родину:

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти господя моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы.
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб¹³⁴

(1913)

Родина у Ахматовой – женского рода, обретающая черты кликуши – маргинального персонажа русской этнической культуры, находящегося на границе мудрости и безумия, пророчащего в своей бесноватости:

И, согнувшись, бесслезно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать,

¹³⁴ Ахматова А. Ты знаешь, я томлюсь в неволе... // Ахматова А. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М., 1990. С. 60.

И кликуша без голоса билась,
Воздух слясь губами поймать.

(«Плотно сомкнуты губы сухие...», 1913)¹³⁵

В 1920–30 гг. образ родины обретает в творчестве Ахматовой трагические черты – несмотря на то, что поэтесса употребляет эпитет «великая» к образу Родины, однако «сквозными образами ее лирики становятся образы смерти, боли, крови и страдания: земная непоправимая боль; В кругу кровавом день и ночь / До-лит жестокая истома; небо синее в крови; ветер смерти сердце студит»¹³⁶. Религиозные коннотации в образе Родины воплощаются в образах боярыни Морозовой, китежанки. «В этот период меняются и способы создания образа России, часто используется персонификация и прием олицетворения:

От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщенья зная срок.
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток¹³⁷.

Сама же лирическая героиня Ахматовой признается после революции, что не вняла «голосу», который «звал утешно», и не оставила Россию в годину страшных испытаний. Инфернальные коннотации этого «зова» («Мне голос был. Он звал утешно...»¹³⁸ напрямую соотносятся с представлениями о чужбине как об обита-лице Дьявола в русской мифологической картине мира.

¹³⁵ Ахматова А. Плотно сомкнуты губы сухие // Ахматова А. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М., 1990. С. 62.

¹³⁶ Николина Н.А. Образ Родины в поэзии А. Ахматовой // Русский язык в школе. 1989. № 2. С. 72–79.

¹³⁷ Ахматова А. Поэма без героя // Ахматова А. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М., 1990. С. 344.

¹³⁸ Ахматова А.А. Мне голос был. Он звал утешно... // Поэты Серебряного века. М., 1999. С. 110.

В целом можно сказать о том, что А. Ахматова в своей лирической рефлексии наиболее точно выразила народно-религиозное понимание образа Родины и эксплицитировала все лучшие качества, присущие русскому этническому сознанию сквозь проекцию образа родины.

В биографии А. Ахматовой М.А. Кузмин отмечал: «После Октябрьской революции Ахматова не покинула Родину, оставшись в "своем краю глухом и грешном". В стихотворениях этих лет (сборники «Подорожник» и «Anno Domini MCMXXI», оба – 1921 г.) скорбь о судьбе родной страны сливается с темой отрешенности от суетности мира, мотивы "великой земной любви" окрашиваются настроениями мистического ожидания "жениха", а понимание творчества как божественной благодати одухотворяет размышления о поэтическом слове и призвании поэта и переводит их в "вечный» план"»¹³⁹.

И. Ильин считал, что русский человек тоскует по своей родине, где бы он ни был, в чем исследователь видит истоки русской поэзии: «...русская поэзия искони срослась, срастворилась с русской природой; что русская поэзия научилась у своей природы – созерцательности, утонченности, искренности, страстности, ритму; что она научилась видеть в ней хаос и космос, живое присутствие и живую силу Божества; что чрез это русская поэзия стала сама, как и русская душа, подобием и отражением русской природы»¹⁴⁰. То есть слияние русской души и русской природы – есть начало русской поэзии, а также образ «душевной» родины.

Лексико-семантическая реконструкция понятия «родина», неотделимая от религиоведческого анализа, показала разные стороны понимания слова «родина», которые присущи сознанию русского человека и русской этнической картине мира, что говорит о неоднозначности данного понятия, складывающегося на протяжении истории формирования русского самосознания.

¹³⁹ Кузмин М.А. Биография Ахматовой. URL: <https://stihi-rus.ru/ahmatova1.htm> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁴⁰ Ильин И.А. Россия в русской поэзии // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Кн. 2. М., 1996. С. 223.

В представлениях о Родине для русских совместились исторический, мифологический, религиозный смыслы, нашедшие отражение в фольклоре и литературе – все эти значения в разной степени интенсивности нашли окказиональное концептуальное воплощение в лирике русских поэтов. Образ родины в творчестве русских лириков стал не просто проекцией их патриотических чувств – но и призмой, высвечивающей их этничность.

Особые смыслы понимания родины как базовой универсалии русского этнического сознания пробудились в русской ментальности в момент резкого слома социальной системы и потери реальной родины в период эмиграции 20–40-х гг. XX в.

1.2 Формирование образа родины в китайской этнической картине мира (историко-литературный контекст)

Все указанные проблемы семантического наполнения образа родины отражались в этническом сознании китайцев в исторической перспективе. Китайский ученый Ма Жун подчеркивает, что этническое сознание формируется в процессе этнических контактов, когда перед этносом появляется необходимость защищать собственные интересы и встает острая необходимость чёткого разграничения понятий «свой // чужой». По его мнению, основой для формирования этнического сознания являются не только «естественные связи», такие как кровь, язык, обычаи и т.д., но и «социальные связи», такие как общий политический опыт, общие интересы, национальная идеология и т.д. Следовательно, этническое сознание – это некая «социальная конструкция», формирующаяся в процессе социального взаимодействия, иными словами, для защиты интересов этнической целостности необходимо укреплять сплочённость между её членами и усиливать сопротивление другим этническим группам. Из-за того, что этнические группы имеют многоуровневую структуру, этническое сознание имеет многоуровневый характер, простираясь от семьи, общины, региона до страны и расы¹⁴¹.

¹⁴¹ 马戎. 民族社会学—社会学的族群关系研究. 北京, 2004. 页. 107 [Ма Жун. Этническая социология и социологические исследования этнических отношений. Пекин, 2004. С. 107].

Китайское этническое сознание включает в себя понимание и рефлексию своей собственной истории и традиций, исторических и политических условий выживания и развития китайцев (ханьцев) и многочисленных народов, населяющих китайские земли. В процессе долгих межэтнических контактов сформировалось современное население Китая, которое представляет собой сложный этнонациональный комплекс, состоящий из 56 народов.

Как мы видим, в толковании китайских ученых наблюдается сближение понятий «этническое» и «социальное»; именно это сближение формирует понятие «национальное сознание» в китайском официальном понимании. Согласно «Китайскому словарю этнических понятий», национальное сознание определяется как «общественное сознание, всесторонне отражающее национальное бытие, общение, развитие и его особенности. <...> Этот тип сознания универсален для представителей нации, либо для их большинства, и связан с выживанием и развитием всей нации. Только в таком случае самосознание представителей нации может сформировать национальное самосознание в целом»¹⁴². Однако необходимо подчеркнуть, что национальное сознание китайцев как общности народов, населяющих Китай, формируется только с середины XX в. Его основу составляют история, культура, литература титульной нации – ханьцев. И современные представления о родине, лежащие в основе национального сознания китайцев, вмещают в себя, в первую очередь, весь комплекс представлений, исторически складывающийся в этническом сознании ханьцев. Художественные тексты китайской литературы запечатлели эти этапы становления этнического сознания в концептуально-типологических формах.

Этимологические реконструкции понятия «родина» в китайской картине мира

В китайском этническом сознании понятие «родина» формировалось на протяжении веков под влиянием внутривосточных процессов и фактической изолированности Среднего государства от остального мира. Современные китайские

¹⁴² 民族知识词典 / 主编徐万邦, 王齐国; 宋全, 刘军等. 山东, 1995. 650 页. [Словарь этнических понятий / Под. ред. Сюй Ванбан, Ван Циго, Сун Цюань, Лю Цзюнь. Шаньдун, 1995. 650 с.].

словари фиксируют несколько толкований понятия «родина», которые выражают исторические, политические, этические и нейтральные смыслы, тесно связанные между собой. Новый русско-китайский словарь трактует понятие «родина» как: 1. Отечество, родная страна (祖国 (zǔguó), 家乡 (jiāxiāng), 故乡 (gùxiāng)). 2. Место рождения, происхождения кого-чего-нибудь, возникновения чего-нибудь (诞生地 (dànshēngdì), 发祥地 (fāxiángdì); 故乡 (gùxiāng); например, приехать на родину – 回故乡 (huígùxiāng)¹⁴³.

Образ родины формируется в зависимости от понимания этносом своей земли, своей страны. Такое понимание связано с разделением человеком мира на *свое* и *чужое*. В процессе этнической идентификации устанавливаются признаки различия и признаки сходства, выражаемые в категориях «свое» – «чужое»¹⁴⁴. Однако вплоть до начала XX в. в этническом сознании китайцев образ родины связывался не с целой страной, а исключительно с *родными местами* – городом, деревней, уездом, а также с *родным домом*.

Слово «родина» в его современном лексико-семантическом составе (кит. 祖国 [zǔguó]) появляется в китайском языке только во времена ранней династии Мин¹⁴⁵¹⁴⁶. Причём оно употребляется в этот период не по отношению к Китаю, а к стране происхождения иноземцев (в ту пору) – народности хуэй¹⁴⁷. По отношению же к Китаю слово 祖国 [zǔguó] начинает использоваться в китайской литературе только с конца XIX – начала XX в. (1840–1919 гг.).

¹⁴³ 现代俄汉双解词典 / 张建华编. 北京, 1992. 页. 909 [Новый русско-китайский словарь / Под ред. Чжан Цзяньхуа. Пекин, 1992. С. 909].

¹⁴⁴ Забияко А.П. Категории «свой» – «чужой» в этническом сознании // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Вып. 5. Благовещенск, 2003. С. 224–228.

¹⁴⁵ Династия Мин правила Китаем с 1368 по 1644 гг. Образовалась после свержения монгольской империи Юань.

¹⁴⁶ Фэн Ишань. Формирование понятия «родина» в этническом сознании китайцев (по материалам словарей и текстов классической литературы) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.13: Народы и культуры Северо-Восточного Китая / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2020. С. 237–246.

¹⁴⁷ Хуэй – одно из официально признанных национальных меньшинств Китая, в течение многих веков исповедующее ислам.

Хоу Цзяньхуй полагает, что в этот период слово «祖国» [zǔguó] стало использоваться для обозначения «родной страны» китайцами, жившими за границей, т.е. оторванными от Китая, своей родины. Исследователь образа родины в сознании китайцев отмечал: «Формирование оригинальной концепции “родины” связано с этнической эмиграцией и этнической конфронтацией, понятие используют в основном эмигранты. Члены наций с длинной историей, когда они не мигрируют, используют термин “родина” для обозначения своих поселений...»¹⁴⁸.

Учёный подчёркивает разницу между понятиями «родина» и «государство» как культурной и политической категориями¹⁴⁹ (хотя к настоящему моменту понимание родины как родного государства в Китае является, пожалуй, наиболее идеологически точным). Государство является средством классового правления и политической категорией, а родина – это «территориальный организм с регионом в качестве внешней оболочки, и нация и её культура – его сущность, которая является культурной категорией»¹⁵⁰. Отношения между родиной и государством – это отношения между продуктом и инструментом. Государство всегда используется как инструмент для правления определенного класса, которое влияет на изменения нации, культуры и территории¹⁵¹.

«Свой – чужой» – одна из основных семантических оппозиций в народной культуре; соотносится с такими признаками, как «хороший – плохой», «праведный

¹⁴⁸ 侯建会. 祖国”概念刍议 // 南师范学院学报. 1998. № 6. 页. 37–39 [Хоу Цзяньхуй. Исследование концепции Родины // Вестник вэйнаньского педагогического института. 1998. № 6. С. 37–39].

¹⁴⁹ 侯建会. 祖国”概念刍议 // 南师范学院学报. 1998. № 6. 页. 37–39 [Хоу Цзяньхуй. Исследование концепции Родины // Вестник вэйнаньского педагогического института. 1998. № 6. С. 37–39]; Фэн Ишань. Формирование понятия «родина» в этническом сознании китайцев (по материалам словарей и текстов классической литературы) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.13: Народы и культуры Северо-Восточного Китая / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2020. С. 237–246.

¹⁵⁰ 侯建会. 祖国”概念刍议 // 南师范学院学报. 1998. № 6. 页. 37–39 [Хоу Цзяньхуй. Исследование концепции Родины // Вестник вэйнаньского педагогического института. 1998. № 6. С. 37–39].

¹⁵¹ Там же.

– греховный», «чистый – нечистый», «живой – мертвый», «человеческий – нечеловеческий (звериный, демонический)», «внутренний – внешний»¹⁵². Родина для людей – это «свое», чужбина, наоборот, «чужое». Понятия «родина» и «чужбина» воспринимаются в паре, потому что только так они полноценно раскрывают свои значения. И только познание чужих земель дает возможность постичь глубину этой дихотомии в наибольшей степени, особенно если это знакомство связано с потерями и утратами¹⁵³. Расширение семантики китайских представлений о родине начинается только с открытием Китая миру, то есть с конца XIX в. Именно в этот период *родина* начинает коррелировать с понятием *чужбина*.

Дихотомия «отчизна//чужбина» в китайской картине мира

Слово «чужбина» в «Новом русско-китайском словаре» переводится как «чужая страна, чужая земля» – 异国 [yìguó], 异乡 [yìxiāng], 外国 [wàiguó]¹⁵⁴.

异国 [yìguó] – это чужая страна, иностранное государство.

Иероглиф 异 [yì] имеет значения: 1. Отличающийся. 2. Особенный, яркий. 3. Удивление. 4. Другой, иной. 5. Делить¹⁵⁵.

外 [wài]: 1. Внешний. 2. Далёкое отношение, принадлежность не к своей стороне. 3. Обозначает чужую страну. 4. Не первоначальный¹⁵⁶.

Образ *чужбины* в литературе не является простым копированием описания реальности, а находится в интерактивных отношениях между категориями *свой // чужой*. «Я» человека определяет образ чужого, и в то же время образ чужого также передает определенное изображение наблюдателя, говорящего и «я» автора¹⁵⁷.

¹⁵² Забияко А.П. Категории «свой» – «чужой» в этническом сознании // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Вып. 5. Благовещенск, 2003. С. 224–228.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ 现代俄汉双解词典 / 张建华编. 北京, 1992. 页. 1198 [Новый русско-китайский словарь / Под ред. Чжан Цзяньхуа. Пекин, 1992. С. 1198].

¹⁵⁵ 新华字典. 北京, 2001. 页. 1323 [Словарь иероглифов Синьхуа. Пекин, 2001. С. 1323].

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ 解燕, 马功文. 三毛作品中的异国形象与自我形象 // 铜陵职业技术学院学报. 2009. № 8(03). 页. 54–56 [Се Янь, Ма Гунвэнь. Образ чужбины в произведениях Сан Мао // Тунлинский профессионально-технический колледж. 2009. №. 8(03). С. 54–56].

Долгое время в китайской культуре представление о *чужбине* связывалось с образом *чужой земли* внутри самой Поднебесной.

К примеру, поэт танской эпохи Ван Вэй¹⁵⁸ в стихотворении «Вспоминая братьев, оставшихся в Шаньдун, 9 сентября» (кит. 九月九日忆山东兄弟), пишет о том, как скучает по родной земле, находясь вдали от неё.

独在异乡为异客，每逢佳节倍思亲。
遥知兄弟登高处，遍插茱萸少一人。

Одинок и незнакомец в чужой стороне,
Каждый раз в праздник я скучаю по родным и близким.
Знаю, где-то там далеко братья поднялись на вершину,
И каждый несёт в руках ветку кизила. Одного лишь не хватает¹⁵⁹.

Лексическая пара 异乡 [yìxiāng] («чужая земля») и 异客 [yìkè] («чужестранец, незнакомец») создает игру слов: «在异乡为异客» [yìxiāngwéiyìkè]. Иероглиф «异» [yì] усиливает коннотативные смыслы, подчеркивая, насколько лирический герой одинок и неприкаян в чужой земле – и как сильна от этого его тоска по родине. В данном случае мы можем наблюдать, как формирование образа «чужого» (*чужой земли*) продуцирует формирование образа «своего» (*родной земли*).

Расширение семантических границ понятия «родина» в начале XX в.

Кризисные для государства моменты зачастую становятся катализатором развития этнического и формирования национального сознания. В XIX–XX вв. Китай сотрясают исторические и социальные катаклизмы, связанные с вмешательством во внутренние дела страны чужих государств и чужестранцев: две Опиумные войны (1840–1842, 1856–1860 гг.), Китайско-японская война (1894–1895 гг.), Движение 4 мая (1919 г.), японская интервенция в Маньчжурию (1931–1932 гг.), японо-китайская война (1937–1945 гг.).

¹⁵⁸ Ван Вэй, Мо-цзе (699 или 701, Тайюань, – 759 или 761, Сиань) – китайский поэт, живописец, каллиграф и музыкант.

¹⁵⁹ Здесь и далее перевод Фэн Ишань.

Во время Опиумной войны был подписан невыгодный для Китая Нанкинский договор с Великобританией, согласно которому Китай вынужден был уступить Гонконг, выплатить огромную контрибуцию и открыть помимо Кантона четыре китайских порта для иностранной торговли¹⁶⁰. Такие условия, помимо своей экономической невыгодности, серьёзно угрожали суверенитету Китая, его независимости, по сути, ставя его в полуколониальное положение. С момента подписания унижающего Нанкинского договора китайское национальное сознание постепенно усиливается и крепнет. В годы антияпонской войны (1931–1945 гг.) процесс эволюции китайского национального сознания достигает наивысшего пика.

Помимо осознания необходимости противостоять внешним вмешательствам, Китай и китайцы сами начинают освоение мира за пределами границ государства. С начала XX в. китайская молодежь погружается в интенсивное освоение науки, экономики, культуры других стран. Китайская интеллигенция воспринимает европейские тенденции общественного и культурного сознания.

Китайский исследователь Пань Сянхуэй полагает, что, усваивая европейские основы культуры, китайцы переняли и европейское понимание родины как матери (по аналогии с *la mère patrie* (фр.), *Motherland* (англ.)). Ранее, по мнению ученого, понятие «родина» имело единственное значение – «место, где жили предки». Пань Сянхуэй убедительно доказывает, что слово «Родина» (кит. «祖国») в современном китайском языке возникает только в начале XX в., а метафора «Родина-мать» (женский персонифицированный образ) появилась в китайском языке и культуре сравнительно недавно¹⁶¹. Называть свою страну «Родиной» (матерью) стала группа китайцев, учившихся в Японии в эпоху поздней династии Цин. Китайский философ и государственный деятель Лян Цичао в своей книге «Биография Чжэн Хэ» (1905 г.) также использует слово «Родина» в этом значении (кит. «祖国»). И

¹⁶⁰ *Непомнин О.Е.* История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX в. М., 2005. 712 с.

¹⁶¹ 潘祥辉. “祖国母亲”：一种政治隐喻的传播及溯源 // 人文杂志. 2018. № 1. 页. 95 [Пан Сянхуэй. Родина-мать: Распространение и след политической метафоры // Гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 95].

только во второй половине XX в. слово «родина» (кит. «祖国») начинает использоваться в Китае для обозначения «национального государства».

В художественной литературе Китая метафорический образ «Родина-мать» впервые появляется после 1920-х гг. Например, поэме Вэнь Идо «Песня семи сыновей» (кит. «七子之歌») (1925), внесшая значительный вклад в формирование и широкое распространение образа «Родины-матери», была написана во время обучения в Америке в 1925 г., перед возвращением в Китай. В «Песне семи сыновей» Китай предстает в образе матери, потерявшей семь своих сыновей – семь китайских городов, ставших колониями других государств.

В 20-е гг. XX в. китайская государственность была ослаблена. По воспоминаниям одного из сыновей Вэнь Идо, «во время обучения в Америке Вэнь Идо учился в Чикагской академии изящных искусств, согласно правилам которой выдающиеся студенты могли поехать в Париж, Рим и другие знаменитые центры мирового искусства, что было мечтой всех студентов. В 1923 г. Вэнь Идо получил высокие оценки, но из-за того, что он не был американцем, его поездка не состоялась. Во время проживания в Америке Вэнь Идо¹⁶² глубоко переживал чувство унижения как представитель слабого государства»¹⁶³. Эти переживания отразились и в поэме «Песня семи сыновей».

«Песня семи сыновей» состоит из 7 частей: «Макао, или Аомынь», «Гонконг», «Тайвань», «Вэйхайвэй», «Гуанчжоувань», «Цзюлун», «Люйшунь, Далянь». В первой части поэмы «Макао, или Аомынь» колониальный город Макао предстаёт перед читателем в персонифицированном образе сына, который обращается к матери (родному Китаю), жалуясь на то, что он тоскует вдали от нее.

七子之歌·澳门

«Макао, или Аомынь»

Ты знаешь, что «Макао» – это не мое
настоящее имя?

¹⁶² Вэнь Идо (1899–1946) – китайский поэт, литературовед, публицист. Был активистом Демократической лиги Китая.

¹⁶³ 闻立鹏. 闻一多与《七子之歌》 – 纪念父亲百年诞辰 // 新文化史料. 1999. № 4. 页. 11–13 [Вэнь Липэн. «Вэнь Идо и “Песня семи сыновей”»: в память об отце в день его столетия // Новая культурная история. 1999. № 4. С. 11–13].

你可知妈港不是我的真名姓？
 我离开你太久了，母亲！
 但是他们掳去的是我的肉体，
 你依然保管我内心的灵魂。
 那三百年来梦寐不忘的生母啊！
 请叫儿的乳名，
 叫我一声“澳门”！
 母亲！我要回来，母亲！

Я оторван от тебя уже так давно, мать!
 Но они забрали только мою плоть,
 Ты же сохранила мою душу.
 Родная мать, которую я не забывал
 триста лет!
 Пожалуйста, назови меня детским
 именем,
 Назови меня «Аомынь»!
 Мать! Я хочу вернуться, мать!

Триста лет для маленького сына – это очень долго, и всё это время он тоскует по своей родной матери. Он обращается к матери и просит назвать свое настоящее, детское имя (китайское название Макао – «Аомынь»), чтобы вернуться к своим истокам. Образ родины-матери в поэме используется для усиления экспрессии, придания произведению эмоциональной глубины. Автор обращается к образной паре «мать – сын», чтобы пробудить в читателе родственные чувства по отношению к родной стране. «Песня семи сыновей» стала очень популярным произведением в Китае, а появившийся там образ «Родины-матери» был усвоен формирующимся национальным сознанием китайцев.

В 1928 г. другой поэт, Сюй Чжимо¹⁶⁴, путешествуя по Европе, пишет поэму «Прощание с Кембриджем» (кит. «再别康桥»).

再别康桥
 轻轻的我走了，
 正如我轻轻的来；
 我轻轻的招手，
 作别西天的云彩。

那河畔的金柳，
 是夕阳中的新娘；
 波光里的艳影，
 在我的心头荡漾。

«Прощание с Кембриджем»

Я неслышно уйду,
 Так же, как и пришел,
 Мягко и нежно помашу рукой.
 На прощанье западному небу,

Золотая ива у реки;
 Словно невеста заката,
 Свет, отражающийся от воды,
 Создает рябь в моем сердце.

¹⁶⁴ Сюй Чжимо (1897–1931) – китайский поэт, в 1918–1919 гг. учился в США в Университете Кларка, затем до 1921 г. – в Колумбийском университете, затем продолжил обучение в Королевском колледже Кембриджского университета в Англии.

软泥上的青荇，
油油的在水底招摇；
在康河的柔波里，
我甘心做一条水草！

那榆荫下的一潭，
不是清泉，是天上虹；
揉碎在浮藻间，
沉淀着彩虹似的梦。

寻梦？撑一支长篙，
向青草更青处漫溯；
满载一船星辉，
在星辉斑斓里放歌。

但我不能放歌，
悄悄是别离的笙箫；
夏虫也为我沉默，
沉默是今晚的康桥！

悄悄的我走了，
正如我悄悄的来；
我挥一挥衣袖，
不带走一片云彩。

Среди тины распускаются цветы
И мягко ласкают стеблями глубину.
Как и я хотел бы быть цветком
В мягких волнах реки Кэм¹⁶⁵!

Омут под тенью вяза
Уже не вода, а радуга в небе;
И среди водорослей, словно сны,
Оседают радужные блики.

Мечта? Ты обопрись на ветвь бамбука
И устремись туда, где зеленой трава;
Нагрузи доверху лодку звездами,
Слушай песни в сиянии звезд.

Но песню спеть я не могу,
Ведь музыка прощанья – тишина¹⁶⁶,
И даже насекомые молчат, как я,
Весь Кембридж замолчал сегодня вечером!

Я тихо ушел,
Так же, как тихо пришел;
Я тихо взмахну рукавом,
Не унесу с собой ни облака.

Кембриджский период стал переломным моментом в жизни Сюй Чжимо. Английский городок, где поэт жил и учился, где почувствовал себя новым человеком, становится родным для него. Кембридж оказался *духовной родиной*. Воды реки Кэм дают поэту вдохновение для написания стихотворений.

Автор не пишет прямо о том, что считает Кембридж родиной, эти чувства он передаёт при помощи традиционных образов медитативной китайской лирики:

¹⁶⁵ Кам (Кэм) (англ. *Cam*) – река в Великобритании, протекающая к югу от города Илии, впадающая в Грейт-Уз. Город Кэмбридж стоит на реке Кам (Кэм). Катание на лодках – любимое развлечение кэмбриджцев, которому не мешает даже дождь.

¹⁶⁶ Шэн сяо. (кит. 笙箫) – китайский музыкальный инструмент.

ивы, речной волны, зелёной травы, звуков музыкальных инструментов. Через эти пейзажные и звуковые детали поэт рассказывает о своих воспоминаниях и грусти по Кембриджу. Традиционные образы китайской лирики помогают создать образ новой родины, обретенной поэтом.

Следующим этапом, когда образ родины обретает национальные черты и четко определенные границы, становится период 1932–1945 гг. В это время Китай находился под пятой японских захватчиков. Ай Цин в 1938 г. пишет свое стихотворение «Я люблю эту землю»¹⁶⁷. Стихотворение исполнено любви к родине и ненависти к агрессору:

假如我是一只鸟，
我也应该用嘶哑的喉咙歌唱：
这被暴风雨所打击着的土地，
这永远汹涌着我们的悲愤的河流，
这无止息地吹刮着的激怒的风，
和那来自林间的无比温柔的黎明...
— 然后我死了，
连羽毛也腐烂在土地里面。
为什么我的眼里常含泪水？
因为我对这土地爱得深沉...

Если бы я был птицей,
Я бы пропел охрипшим горлом:
— Наша земля умирает в шторме,
Но река скорби и гнева
Будет всегда бушевать,
Этот злой ветер дует бесконечно,
Но нежный рассвет восходит над лесом ...
Я умер,
И перья мои гниют в земле.
Почему мои глаза так часто полны слезами
Потому что я глубоко люблю эту землю ...

Лирический субъект стихотворения – птица, летящая над родной землей и плачущая от горя за свою землю. Такой образ органичен для китайской культуры. У Хань, сравнивая орнитологические образы в русской и китайской поэзии, пишет: «Универсальные значения образа птицы у разных народов мира, в том числе у русского и китайского, и в разные времена связаны с представлением о птице как воплощении души, существе, наделенном вещим даром, посреднике между небом и землей, миром живых и миром мертвых. Птица – символ свободы и вместе с тем

¹⁶⁷ Ай Цин (1910–1996) – китайский поэт. В годы антияпонского сопротивления (1937–1945 гг.) поддерживал движение за декламационную поэзию, призванную поднять дух китайских бойцов. В этот период из-под его пера вышло множество патриотических стихотворений.

привязанности к определённому месту, её гнездо ассоциируется с человеческим домом»¹⁶⁸. В данном случае образ птицы используется автором для выражения тоски о судьбе своей родины. Образ поруганной родины связан с образом разрушенного гнезда – хотя прямо о нем речь в стихотворении не идет, мы можем сделать такой вывод исходя из контекста цепочки орнитологической символики.

Итак, по мере развития китайской истории, культуры и языка понимание концепта «родина» претерпевало изменения. Образ родины в древнем Китае связывался с местом рождения предков, родными землёй, домом, природой. К началу XX в., с подъёмом национального движения, в китайском этническом сознании появляется перенятый у европейцев образ родины-матери. Наиболее активно этот образ начинает использоваться в новой китайской литературе в период антияпонского сопротивления. В настоящее время, после образования КНР и формирования национального сознания единого Китая, объединяющего многие народности, данная лексема занимает первостепенное значение в ряду коннотативных значений образа родины.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Формирование художественного образа родины в русской литературе определено архетипическими представлениями русских о Матери-земле, рождающей богине, непорочной защитнице своих детей, доброй и заботливой кормилице, священной земле (материнский образ родины, Родины-матери), также о земле рода (родной земле, земле предков) – территории, где сформировался и живет род и его потомки (патерналистский образ родины, легший в основу представлений об Отечестве – земле отцов,); о земле, населенной единоверцами и единокордцами (этно-религиозный образ, легший в основу именованя «Русская земля», «Русь», «Россия», государство, управляемое старейшинами рода, впоследствии перешедший в национальный образ). В разные исторические периоды в русской культуре преобладал тот образ родины, который был наиболее востребован этническим сознанием

¹⁶⁸ У Хань. Орнитологические образы в русской и китайской поэзии первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. С. 8.

(от личного, индивидуалистического до соборного толкования понятия), и находил отражение в русском фольклоре и литературе с самого начала их существования.

2. В китайской этнической картине мира мифологизированные представления о родине формировались в условиях фактической изолированности Китая от всего мира. В семантике элементов, составляющих понятие родины, исторически преобладали значения «земли предков» (где похоронены предки), родной земли (места, где родился; родной природы – ландшафта, климата). Только после Синьхайской революции и начала формирования национального сознания китайцев в семантику понятия «родина» проникает перенятый у иностранцев образ родины-матери – усвоенный через европейские лекала. Слово «Родина» в национальном звучании (кит. «祖国») – «страна предков», то есть некая территориально-антропологическая общность) в современном китайском языке возникает только в 20–40-е гг. XX в., в переломный для китайской ментальности социально-политический и культурно-исторический период.

Глава 2. Формирование образа родины в литературе северо-восточных писателей Китая в 20–40-е гг. XX в.

Процессы формирования представлений о родине в китайской литературе дальневосточного фронта указанного периода обусловлены культурно-историческими, социально-политическими и этнопсихологическими реалиями жизни Китая конца XIX – начала XX вв.

Северо-Восточный Китай (Маньчжурия до 1949 г.) имеет длительную историю становления и развития, определившую уникальность этого региона¹⁶⁹. Долгое время данные территории были вотчиной знаменитых маньчжуров, что напрямую отразилось в топонимике края и оказало серьезное влияние на социально-политическое и экономическое развитие территорий. Несмотря на маньчжурский облик региона, процессы проникновения ханьцев через Ивовый палисад (маньчж. ᠬᠠᠨᠢᠴᠢᠨᠠᠯᠤᠯᠤᠰ, по Захарову: Бирэгэнь чжасэ; кит. 柳邊, *Любянь*), также Граница ивовых тычин (кит. 柳條邊, *Лютяо бянь*) начинаются еще в конце XVII в. Голод и гражданские конфликты в центральных районах Китая становятся более мощными регуляторами территориально-административных установлений, нежели национальная иерархия¹⁷⁰. Тем не менее, до конца XIX в. большая часть Маньчжурии оставалась территорией с низкой плотностью населения, где живут в основном знаменитые маньчжуры, знаменитые ханьцы, монголы (в западных, степных районах), а также разнообразные родственные им малые народы тунгусо-маньчжурской и монгольских групп.

Кризисные социальные явления в жизни Цинской империи второй половины XIX в. и неблагоприятные природные факторы (постоянные междоусобные войны,

¹⁶⁹ 王子龙. 试析二十世纪"京津"与"东北"满族文学差异--以老舍与端木蕻良笔下女性形象为中心 // 呼伦贝尔学院学报. 2012. № 20(04). 页. 54–56 [Ван Цзилун. Анализ различий в литературе XX века «Пекин-Тяньцзинь» и «Северо-Восток» Маньчжурии – в центре внимания женские образы, описанные Лао Шэ и Дуаньму Хунляном // Журнал Университета Хулунбуир. 2012. № 20(04). С. 54–56].

¹⁷⁰ 季永海. 从接触到融合 // 满语研究. 北京, 2004. 页. 31 [Цзи Ионхэй. Из контакта до слияния // Изучение маньчжурского языка. Пекин, 2004. С. 31].

непомерные налоги, 1855 г. – паводок в районе нижнего течения р. Хуанхэ, провинции Шаньдун, Хэнань, Аньхуй и Цзянсу; восстание ихэтуаней 1899–1901 гг. и т.д.) сформировали волну «крупнейшего перемещения населения в истории человечества» – в 1904 г. политика блокады Северо-Востока была отменена¹⁷¹. Синьхайская революция 1911 г. легитимизировала и еще более активизировала миграционный поток ханьского населения на бывшие маньчжурские земли – ватаги китайцев покидают свои дома в провинциях Шаньдун, Чжили, Хэбэй, Шаньси, Хэнань и т.д., окончательно прорывают и без того уже ветхий «Ивовый палисад», направляясь в Гуаньдун (старое название Маньчжурии), чтобы там культивировать землю, искать женьшень, промывать золото, строить плотины, заниматься торговлей, добывать минералы¹⁷².

В современной китайской историографии и социологии данное движение получает название «Прорыв в Гуаньдун» (упрощенный китайский: 闯关东; традиционный китайский: 闖關東; пиньинь: *Chuǎng Guāndōng*; МФА: [tʂʰwàŋ kwán.tuŋ]; буквально «врезаться в Гуаньдун»). Лишь за период 1891–1942 гг. из Внутреннего Китая в Маньчжурию прибывает 25,4 млн. чел. Несмотря на то, что сезонные рабочие в количестве 16,7 млн. убывают в обратном направлении, 8,7 млн. мигрантов из Центрального и Северо-западного Китая оседают на этих землях¹⁷³. Сам термин появляется довольно поздно – в 2005 г.¹⁷⁴, однако сегодня он как нельзя точнее определяет характер той мощной миграционной волны, что сформирует современное население Северо-Восточного Китая. Социокультурный состав мигрантов исторически определяли не только голодающие крестьяне, ищущие возможность сколотить состояние на разного рода промыслах, но также пассионарии другого рода –

¹⁷¹ 章有义. 中国近代农业史资料. 北京, 1995. 638 页. [Чжан Юи. Материалы сельскохозяйственной истории Китая в новой истории: В 3 т. Т. 2. Пекин, 1995. 638 с.].

¹⁷² 王欣睿. «闯关东» 文学研究. 长春, 2016. 页. 1 [Ван Синьжуй. Изучение литературы движения «Прорыв в Гуаньдун». Чанчунь, 2016. С. 1].

¹⁷³ 李军, 胡鹏. 20 世纪以来的“闯关东”移民 // 回顾与评述. 2016. № 4. 页. 104–114 [Ли Цзюнь, Ху Пен. Мигранты в движении «Прорыв в Гуаньдун» // Ретроспектива и комментарий. 2016. № 4. С. 104–114].

¹⁷⁴ 王欣睿. «闯关东» 文学研究. 长春, 2016. 页. 2 [Ван Синьжуй. Изучение литературы движения «Прорыв в Гуаньдун». Чанчунь, 2016. С. 2].

беглые солдаты, каторжане, ссыльные и, безусловно, проходимцы всех мастей, спасающиеся от голода и произвола властей.

Переселение китайских мигрантов в Северную Маньчжурию было детерминировано поиском плодородных земель, потому вновь прибывшие селились на земле и занимались в первую очередь сельским хозяйством. Городское население росло медленно. Маньчжурия практически не развивалась, сохранив на долгие годы традиционный феодальный уклад жизни. Подъем и развитие городов развернулось сразу после 1898 г. – с начала проникновения на эти земли российского капитала. Строительство КВЖД способствует развитию и модернизации средневековой инфраструктуры. Появляются новые города (Цицикар, Сахалян (Хэйхэ) и др.). Развиваются старые – сугубо маньчжурские городки. Социальная структура этих поселений претерпевает изменения. Торговцы постепенно становятся основной частью населения, набирает силу рабочий класс, в городах появляется прослойка свободных интеллектуалов¹⁷⁵.

В период Китайской Республики городское строительство, городская промышленность и торговля достигают достаточно развитого уровня. В 1910–1920-х гг. процветание экономики северо-востока напрямую способствовало трансформации функций городов, которые начинают переходить от военных городков и знаменных поселений к развитым экономическим центрам¹⁷⁶.

Прибытие ханьских мигрантов изменило условия производства и жизни в Северо-Восточном Китае. Народ хань в основном занимается сельскохозяйственным производством, осваивая плодородные земли на пустошах и привнося передовые технологии сельскохозяйственного производства и производственные инструменты, что привело к развитию промышленности и торговли. Появилось много но-

¹⁷⁵ 章有义. 中国近代农业史资料. 北京, 1995. 638 页. [Чжан Юи. Материалы сельскохозяйственной истории Китая в новой истории: В 3 т. Т. 2. Пекин, 1995. 638 с.].

¹⁷⁶ 高晓燕. 试论东北边疆地区城市发展特点 // 学习与探索. 1993. № 2. 页. 118 [Гао Сяоянь. Особенности развития городов в северо-восточном пограничном районе // Учеба и исследование. 1993. № 2. С. 118]; Забияко А.А., Чжоу Синьюй, Лю Ши, Фэн Ишань, Цюй Чжи. Религиозная жизнь северо-маньчжурского города первой половины XX в. (Павел Шкуркин) // Религиоведение. 2022. № 3. С. 64–76.

вых городов и деревень, произошли изменения в языке, культуре, жизненных привычках и обычаях и других сторонах жизни людей, а также изменилось социальное мировоззрение жителей Северо-Восточного Китая¹⁷⁷.

Китайско-японская война 1894–1895 гг.¹⁷⁸ была важным этапом в реализации Японией первых двух шагов своей «континентальной политики»¹⁷⁹. В результате событий 1894–1895 гг. китайская нация пережила национальный кризис, который значительно углубил степень полукolonизации китайского общества. Успех Реформы Мэйдзи¹⁸⁰ в Японии привел к превращению династии Цин из «западных учителей» в учеников восточного соседа – Японии¹⁸¹. В начале XX в. волна китайских студентов отправляется на учебу в Японию¹⁸².

В 1911 г. в Китае происходит Национальная революция. Революционные идеи в значительной степени способствовали идеологической пропаганде среди китайской нации и социальным преобразованиям в Китае¹⁸³. Маньчжуры потеряли свое господство под влиянием лозунга «изгнать варваров и восстановить Китай»¹⁸⁴.

¹⁷⁷ 王丽. 清末民初黑龙江地区汉族生活民俗. 呼和浩特, 2006. 56 页. [Ван Ли. Народные обычаи ханьцев в провинции Хэйлуцзян во время поздней династии Цин и ранней Китайской Республики. Хух-Хото, 2006. 56 с.].

¹⁷⁸ 廖宗麟. 甲午清廷备战内幕述评 // 广西社会科学. 1986. № 4. 页. 228–245 [Ляо Цзунлинь. Комментарий к внутренней истории подготовки к суду Цин в период Цзяу // Социальные науки Гуанси. 1986. № 4. С. 228–245].

¹⁷⁹ Ким Чжон Хон. Японо-китайская война 1894–1895 гг. и судьба Кореи // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 106–113.

¹⁸⁰ Комплекс политических, военных и социально-экономических реформ в Японии 1868–1889 гг., превративший отсталую аграрную страну в одно из ведущих государств мира. Являлась переходом от самурайской системы управления в лице сёгуната к прямому императорскому правлению в лице императора Муцухито и его правительства.

¹⁸¹ 廖宗麟. 甲午清廷备战内幕述评 // 广西社会科学. 1986. № 4. 页. 228–245 [Ляо Цзунлинь. Комментарий к внутренней истории подготовки к суду Цин в период Цзяу // Социальные науки Гуанси. 1986. № 4. С. 228–245].

¹⁸² 赵寿莲. 清末留日热潮出现的原因及其影响 // 学术论坛. 1997. № 6. 页. 84–88 [Чжао Шоулянь. Причина и влияние всплеска обучения в Японии в период поздней династии Цин // Академический форум. 1997. № 6. С. 84–88].

¹⁸³ 李夫生, 薛其林. 敢为人先: 辛亥长沙精神. 湖南, 2011. 页. 106–107 [Ли Фушэн, Сюэ Цилян. Не бойтесь быть первым, дух Синьхай Чанша. Хунань, 2011. С. 106–107].

¹⁸⁴ 严昌洪. 辛亥革命与民初社会变迁 // 重庆师范大学学报 (哲学社会科学版). 2012. № 4. 页. 5–11 [Янь Чанхун. Революция 1911 года и социальные изменения в ранней Китайской республике // Журнал Чунцинского педагогического университета. Сер.: Философия и общественные науки. 2012. № 4. С. 5–11].

Привилегированный статус маньчжуров был отменен, при этом китаизация маньчжуров уже долгое время протекала естественным путем¹⁸⁵. Чтобы заработать на жизнь, многие маньчжуры приняли фамилии хань, изменили имена, сменили родные города и постепенно интегрировались в ханьское общество¹⁸⁶.

Подспудно протекают процессы демократизации китайской культуры. В Пекине 4 мая 1919 г. рождается «Движение 4 мая», участники которого противостояли империализму и феодализму. «Движение 4 мая»¹⁸⁷ дало толчок развитию литературы «левого крыла», ориентированной на социалистические идеалы.

Инцидент 18 сентября 1931 г. стал началом силового захвата японским империализмом Китая. Японцы вторглись и заняли Шэньян, а затем вошли в три провинции Северо-Восточного Китая. В феврале 1932 г. был оккупирован весь Северо-Восток. С тех пор Япония установила режим марионеточного правительства Маньчжоу-го в Северо-Восточном Китае и начала свое 14-летнее порабощение и колониальное господство, в результате чего более 30 миллионов китайцев в Северо-Восточном Китае страдали от оккупации¹⁸⁸.

Культурно-исторические, социально-политические и этнопсихологические реалии жизни Китая конца XIX – начала XX вв. обусловили те социальные и этнопсихологические трансформации в китайском этническом сознании, что нашли прямое отражение не только в миграционных процессах (в Японию, в Европу, на территорию Северо-Востока Китая), но и в литературном творчестве. Возникает литература так называемых эмигрантов в Японии и литература писателей Северо-Востока, чье творчество поступательно отражает этапы становления этнического

¹⁸⁵ Забияко А.А., Чжоу Синьюй, Лю Ши, Фэн Ишань, Цюй Чжи. Религиозная жизнь северо-маньчжурского города первой половины XX в. (Павел Шкуркин) // Религиоведение. 2022. № 3. С. 64–76.

¹⁸⁶ 孙中山全集 / 中国社会科学院近代史研究所中华民国史研究室等合编. 北京, 1982. 第 2 卷 [Полное собрание сочинений Сунь Чжуншань / Под ред. Исследовательского бюро истории Китайской Республики Института современной истории Китайской академии социальных наук. Пекин, 1982. Т. 2].

¹⁸⁷ 荣孟源. 五四运动 // 历史教学. 1952. № 12. 页. 28–33 [Жун Мэньюань. Движение четвертого мая // Преподавание истории. 1952. № 12. С. 28–33].

¹⁸⁸ 杨晓安. "九一八"事变 // 疏导. 1995. № 1. 页. 5–7 [Ян Сяоань. Инцидент «18 сентября» // Пути открытия. 1995. № 1. С. 5–7].

сознания в период Китайской республики, а также японской оккупации после «Инцидента 18 сентября». Представления об образе родины в творчестве этих авторов в диахронической и этнопсихологической перспективе отражают этапы становления национального сознания нового Китая.

2.1 Культурно-исторические, этнопсихологические и социально-политические обстоятельства формирования образа родины в сознании китайских писателей-эмигрантов (Му Мутянь, Юй Дафу и др.)

Самыми важными причинами для выбора Китацами Японии как места учебы, на наш взгляд, является близость географическая и культурная. «Китайцы мечтают о модернизации собственной страны, опираясь, в частности, на опыт Японии – как развитой индустриальной державы с развитым социальным устройством, шагнувшей далеко вперед инфраструктурой городов»¹⁸⁹. Студенты, прошедшие обучение в Японии, сыграли очень важную роль в политической деятельности и внесли большой культурный вклад в просвещение китайского народа¹⁹⁰.

Му Мутянь (1900–1971) – китайский поэт и переводчик 20–40-х гг. XX в., настоящее имя Му Цзинси, родился в селе Каошань уезда Итун провинции Цзилинь. Семья Му Мутяня была очень обеспеченной, являясь одной из самых богатых в уезде в то время, в детстве поэт занимался с частным учителем и получил традиционное литературное образование. Накануне «Движения 4 мая» он учился в средней школе Нанькай, где попал под влияние патриотических настроений. В 1918 г., окончив среднюю школу Нанькай, он уехал учиться в Японию за счёт государства,

¹⁸⁹ Ван Юйци. Поэтика названия сборника Юй Дафу «沉沦» (1921) как образ восприятия и самовосприятия // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 16–24.

¹⁹⁰ 赵寿莲. 清末留日热潮出现的原因及其影响 // 学术论坛. 1997. № 6. 页. 84–88 [Чжао Шоулянь. Причина и влияние всплеска обучения в Японии в период поздней династии Цин // Академический форум. 1997. № 6. С. 84–88].

где в 1926 г. окончил университет в Токио. В 1921 г. он присоединился к Ассоциации «Творчество»¹⁹¹. В 1926 г. поэт вернулся в Китай и стал работать профессором в Университете Чжуншань и Университете провинции Цзилинь. В 1931 г. Му Мутянь присоединился к «Левой лиге» в Шанхае, где отвечал за работу поэтической группы и участвовал в создании Китайского поэтического общества. Позже он работал профессором Педагогического университета Гуйлиня и Университета Тунцзи, адъюнкт-профессором Цзинаньского университета и Фуданьского университета, а также профессором Северо-Восточного педагогического университета и Пекинского педагогического университета. В 1952 г. Му Мутянь вступил в Ассоциацию китайских писателей. Наиболее известные сборники его стихотворений – «Дрейфующее сердце» (旅心) (1927), «Песнь изгнанников» (流亡者之歌) (1937), «Новое путешествие» (新的旅途) (1942) и др.

В молодости Му Мутянь, как все юноши того времени, видел залог процветания Китая в развитии промышленности, которая спасет страну, он мечтал стать учёным, инженером, но из-за проблем со зрением не смог пойти в науку¹⁹². В те же годы бушующие волны «Движения 4 мая» увлекли его в литературу: ректор его учебного заведения выдвинул литературный стиль байхуа, Ху Ши выступил с лекцией на тему «Новое государство и новая литература», его друг Тянь Хань¹⁹³ стал

¹⁹¹ Ассоциация «Творчество» – литературное объединение. 8 июня 1921 г. Го Можо, Чэн Фанву, Юй Дафу, Чжан Цзыпин, Тянь Хань, Чжэн Боци и другие великие китайские представители нового культурного движения отправились учиться в Японию. Их собрания проходили в общежитии Юй Дафу в Токийском императорском университете, затем в Шанхае, благодаря предоставленным возможностям Шанхайского книжного бюро Тайдун. В результате обсуждений была создана литературная группа «Новое культурное движение 4 мая».

¹⁹² 陈淳. 穆木天与象征主义全 // 全球化时代的世界文学与中国. 北京, 2010. 页. 367 [Чэнь Чунь. Му Мутянь и символизм // Мировая литература и Китай в эпоху глобализации. Пекин, 2010. С. 367].

¹⁹³ 穆木天. 我的诗歌创作之回顾—诗集流亡者之歌代序 // 现代. 1934. № 4 [Му Мутянь. Воспоминание о моём поэтическом творчестве: сборник «Песнь изгнанников» // Современность. 1934. № 4].

писателем¹⁹⁴. Как вспоминал сам Му Мутянь, «я обратился к литературе из-за “Движения 4 мая”, раньше я думал, что Китаю нужны фабрики, но после “Движения 4 мая” я понял, что Китаю нужны мыслители и литературоведы»¹⁹⁵.

С 1918 по 1923 гг., во время обучения в Японии, будущий классик не только изучил японский язык, но увлекся фольклористикой и французским символизмом.

Университеты Киото известны в Японии гуманитарными науками. Во время обучения Му Мутяня в Императорском университете Киото и в третьем колледже Киото там преподавал известный теоретик литературы и искусства Хакусон Куриягава, который стал учителем поэта. «Десять лекций по литературе периода новой истории» Хакусона Куриягавы стали литературно-просветительским открытием для Му Мутяня: «Хотя Му Мутянь уже обратился к литературе, но в то время читал только некоторые книги о литературных беседах, такие как “Десять лекций по литературе периода новой истории”, “Энциклопедическая лекция по литературе и искусству”, “Двенадцать лекций по социальным вопросам”, “Шесть лекций о мыслях периода новой истории” и др.¹⁹⁶. Представления Му Мутяня о поэзии и ее роли в жизни впервые зародилась из откровений Хакусона Куриягавы»¹⁹⁷.

Это был золотой век преподавания французской литературы в Японии. Творчество Му Мутяня более ориентировано на японский эстетический принцип «мононоaware»¹⁹⁸. Японский учёный Мотоори Норинага (本居宣长) даёт понятию

¹⁹⁴ 陈淳. 穆木天与象征主义全 // 全球化时代的世界文学与中国. 北京, 2010. 页. 367 [Чэнь Чунь. Му Мутянь и символизм // Мировая литература и Китай в эпоху глобализации. Пекин, 2010. С. 367].

¹⁹⁵ «穆木天. 我与文学 // 见陈淳、刘象愚. 选编 穆木天文学评论选集. 北京, 2000. 页. 427 [Му Мутянь. Я и литература // Чэнь Чунь, Лю Сяньюй. Избранные произведения литературной критики Му Мутяня. Пекин, 2000. С. 427].

¹⁹⁶ 穆木天. 我的文艺生活 // 蔡清富, 穆立立. 穆木天诗文集. 长春, 1985. 199 页. [Му Мутянь. Моя литературная жизнь // Цай Цинфу, Му Лили. Сборник стихов и очерков Му Мутяня. Чанчунь, 1985. 199 с.].

¹⁹⁷ 刘静. 穆木天文学起点与日本因素 // 重庆文理学院学报 (社会科学版). 2010. 29(06). 页. 28–30 [Лю Цзин. Отправная точка творчества Му Мутяня и японский фактор // Журнал Чунцинского университета искусств и наук. Сер.: Общественные науки. 2010. № 29(06). С. 28–30].

¹⁹⁸ Моно-но аварэ (物の哀れ, もののあはれ), буквально «пафос вещей», а также переводится как «сочувствие к вещам», или «чувствительность к эфемерному» – это японский термин для обозначения бренности (無常, mujō) или мимолетности вещей, как временных, сопровождаемые нежной печалью (или тоской) при их уходе, а также обозначает более длительную, глубокую

«monoaware» (кит. 物哀) такое определение: «Среди различных эмоций человека только тоска, печаль и грусть есть те вещи, которые больше всего могут растрогать людей»¹⁹⁹. Во времена разнообразия и обилия «monoaware» подчёркивает печальное чувство, японцы часто рассматривают печаль как некую красоту²⁰⁰. Сентиментальный характер японцев заставляет их всегда думать об «упадке», который сопровождает «расцвет». В литературных произведениях, чтобы выразить краткость и непостоянство жизни, часто изображается изменение природного пейзажа. Когда символизм распространился в Японии и соединился с традицией «monoaware», он обрел сильно эстетский и декадентский колорит²⁰¹.

В стихотворениях сборника «Дрейфующее сердце» Му Мутянь влияние японской поэзии – в выражении грустного чувства лирического героя посредством описания изменений природного пейзажа²⁰². Такие эмоции обреченности он сам

нежную грусть по поводу того, что это состояние является реальностью жизни. Эфемерная природа красоты, тихое приподнятое, горько-сладкое чувство того, что ты был свидетелем ослепительного праздника жизни, зная, что ничто из этого не может длиться вечно. В основном речь идет о том, чтобы быть одновременно опечаленным и благодарным за скоротечность пережитого, а также о взаимоотношениях между жизнью и смертью. В Японии есть четыре очень разных времени года, и вы действительно начинаете осознавать жизнь, смертность и быстротечность времени. Вы начинаете осознавать, насколько важны эти моменты. //刘静. 《旅心》, 《红纱灯》与日本文化 // 重庆师范大学学报 (哲学社会科学版). 2011. № 2. 页. 17 [Лю Цзин. «Дрейфующее сердце», «Фонарь из красной пряжи» и японская культура // Журнал Чунцинского педагогического университета. Сер.: Философия и общественные науки. 2011. № 2. С. 17].

¹⁹⁹ 叶渭渠. 川端康成评传. 北京, 1989. 页. 213 [Е Вэйцзюй. Комментарий к Кавабате Ясунари. Пекин, 1989. С. 213].

²⁰⁰ 叶渭渠. 日本文学思潮史叶渭渠. – 北京: 经济日报出版社, 1997. 页. 136 [Е Вэйцзюй. История японской литературной мысли. Пекин, 1997. С. 136].

²⁰¹ 刘静. 《旅心》, 《红纱灯》与日本文化 // 重庆师范大学学报 (哲学社会科学版). 2011. № 2. 页. 17–20 [Лю Цзин. «Дрейфующее сердце», «Фонарь из красной пряжи» и японская культура // Журнал Чунцинского педагогического университета. Сер.: Философия и общественные науки. 2011. № 2. С. 17–20].

²⁰² 王中忱. 日本中介与穆木天的早期文学观杂考 // 励耘学刊 (文学卷). 2006. № 1. 页. 214–225 [Ван Чжунчэнь. Разное текстовое исследование ранних литературных представлений о японском посреднике и Му Мутяне // Ученая периодика Ли Юнь. Сер.: Литература. 2006. № 1. С. 214–225]; 刘静. 穆木天文学起点与日本因素 // 重庆文理学院学报 (社会科学版). 2010. 29(06). 页. 28–30 [Лю Цзин. Отправная точка творчества Му Мутяня и японский фактор // Журнал Чунцинского университета искусств и наук. Сер.: Общественные науки. 2010. № 29(06). С. 28–30]; 穆木天. 我与文学 // 见陈淳、刘象愚. 选编 穆木天文学评论选集. 北京, 2000. 页. 427 [Му Мутянь. Я и литература // Чэнь Чунь, Лю Сяньюй. Избранные произведения литературной критики Му Мутяня. Пекин, 2000. С. 427]; 穆木天. 我的诗歌创作之回忆 // 见陈淳, 刘象愚. 选编 穆木天文学评论选集. 北京,

называл «печалью упадка класса помещиков», а личная жизненная ситуация усиливала эти эмоции: «Мои мечты были разбиты, и чувствую, что в жизни нет выхода», «я чувствую свой упадок и заунывную историю жизни»²⁰³. Предки Му Мутяня были очень богатыми, они владели плодородными землями, различными магазинами. До поколения его отца каждый родственник курит опиум, играл на деньги, поэтому положение семьи приходит в упадок, братья делят имущество. Его отец считался многообещающим предпринимателем, но недолго, вскоре семья разорилась. В глазах молодого Му Мутяня его семейное гнездо было разрушено, вернувшись, он увидел старый и обветшалый большой дом, заросший сорняками двор, полную картину упадка²⁰⁴.

С 1920-х гг. он проникся символистской эстетикой²⁰⁵, в русле которой был создан сборник стихов «Дрейфующее сердце», в 1930 г. «Песнь изгнанников» уже будет написана в стиле реализма. В 1940-х гг. Му Мутянь решил объединить реализм и романтизм, итогом упорного труда стал сборник «Новое путешествие».

Му Мутянь отмечал: «Мир поэзии – это мир подсознательного. Поэзия должна обладать огромной силой намёка. Мир поэзии закреплен в обычной жизни, но в ее глубинах. Поэзии нужен намёк, поэзия запрещает употреблять объяснение. Объяснение характерно для мира прозы. За поэзией должна стоять большая философия, но поэзия не может объяснить философию»²⁰⁶. В сборник «Дрейфующее

2000. 页. 418 [Му Мутянь. Воспоминание о моём поэтическом творчестве // Чэнь Чунь, Лю Сяньхой. Избранные произведения литературной критики Му Мутяня. Пекин, 2000. С. 418]; 穆木天. 我的文艺生活 // 蔡清富, 穆立立. 穆木天诗文集. 长春, 1985. 199 页. [Му Мутянь. Моя литературная жизнь // Цай Цинфу, Му Лили. Сборник стихов и очерков Му Мутяня. Чанчунь, 1985. 199 с.].

²⁰³ Цит. по: 陈淳. 穆木天与象征主义全 // 全球化时代的世界文学与中国. 北京, 2010. 页. 368 [Чэнь Чунь. Му Мутянь и символизм // Мировая литература и Китай в эпоху глобализации. Пекин, 2010. С. 368].

²⁰⁴ 陈淳. 穆木天与象征主义全 // 全球化时代的世界文学与中国. 北京, 2010. 页. 369 [Чэнь Чунь. Му Мутянь и символизм // Мировая литература и Китай в эпоху глобализации. Пекин, 2010. С. 369].

²⁰⁵ 孙先庆. 穆木天的文学思想 // 松辽学刊 (社会科学版). 1991. № 3. 页. 77–82 [Сунь Сяньцин. Литературная мысль Му Мутяня // Журнал Сунляо. Сер.: Социальные науки. 1991. № 3. С. 77–82].

²⁰⁶ 穆木天. 谭诗-寄给郭沫若的一封信 // 穆木天文学评论选集. 北京, 2000. № 3. 页. 140 [Му Мутянь. О поэзии – письмо Го Можо // Избранные произведения литературной критики Му Мутяня. Пекин, 2000. Вып. 3. С. 140].

сердце» вошло всего 31 стихотворение, которые написаны автором до 1927 г. Название «Дрейфующее сердце» состоит из двух лексем. Слово *дрейфующее* – прилагательное, образованное от глагола *дрейфовать*. Толкование слова *дрейфовать* в различных словарях разнится. В.И. Даль не включил лексему в словарь. Толковый словарь С.И. Ожегова дает определение понятию дрейф: «1. Отклонение движущегося судна от курса под влиянием ветра или течения. 2. Движение чего-н. (судна, льдов), несомого течением. 3. Медленное перемещение чего-н. под влиянием внешних воздействий. 4. В выражениях: лечь в дрейф (лежать в дрейфе), сняться с дрейфа сохранение почти полной неподвижности судна в результате маневрирования парусами или остановки двигателя»²⁰⁷.

Толковый словарь Д.Н. Ушакова даёт лексеме следующие толкования: «1. Уклоняться от взятого курса под влиянием ветра или течения. 2. Быть сносимым с места ветром или течением (о судне, стоящем на якоре). 3. То же, что лежать в дрейфе (см. дрейф). 4. Не будучи в состоянии двигаться самостоятельно, оставаться на месте или уноситься течением (О судне, о находящихся на нем, о льдах)»²⁰⁸.

Толковый словарь под редакцией С.А. Кузнецова включает следующие трактовки: «1. Отклоняться от курса под влиянием ветра или течения; непроизвольно двигаться, плыть по направлению ветра, течения (о судне). Дрейфовать по течению. Дрейфовать к берегу. 2. Сносить с места ветром или течением (о стоящем на якоре судне)»²⁰⁹.

Как видно, с течением времени основные значения слова *дрейфовать* неизменны, это значения «отклоняться от курса и быть сносимым (ветром или течением)». Можно сделать вывод, что глагол *дрейфовать* означает изменение направления движения под действием более значимых сил, находиться в движении не по собственному желанию.

²⁰⁷ Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 1994.

²⁰⁸ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М., 2000.

²⁰⁹ Большой толковый словарь русского языка / Под. ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.

В названии сборника слово *дрейфующий* используется в переносном значении: сердце поэта дрейфует, то есть находится в состоянии нестабильности, оно не на месте, под влиянием различных обстоятельств сердце движется не в ту сторону. Такая трактовка связана с тем, что большинство стихотворений в сборнике написано автором, когда он учился в Императорском университете Токио.

В стихотворении «Бледный колокольный звон» 《苍白的钟声》 поэт в полной мере использует суггестивный эффект создания образа через описание звона колоколов. Название «Бледный колокольный звон» – традиционный прием китайской поэзии. *Колокольный звон* не только объединяет время и пространство, но также создает сложную и запутанную сферу чувств, намекает на бесконечную любовь поэта²¹⁰ (Ван Вэй «Посещать храм сяньцзесы» (кит. 《过香积寺》) – «Древние деревья возвышаются к небу, но нет пешеходной дорожки, / где в горах появился колокольный звон» (кит. 古木无人径, 深山何处钟). Лю Чжанцинъ «Провожать Лин Чэ²¹¹» (кит. 《送灵澈上人》). «Зелёная роща скрывала храм Чжулин / издалека доносился сумеречный колокольный звон» (кит. 苍苍竹林寺, 杳杳钟声晚). Му Мутянь использовал большое количество намеков, полутонов, чтобы описать туманные колокольчики, и описал бледные, гниющие и серые колокола. Как сказал Ван Говэй: «Все пейзажные слова – это слова любви» («Человеческие слова») (《人间词话》) ²¹².

苍白的钟声衰腐的朦胧
疏散玲珑荒凉的蒙蒙的谷中
— 衰草千重万重 —
听永远的荒唐的古钟
听 千 声 万 声

古钟飘散在水波之皎皎

Бледный колокольный звон, гнилой сумрак,
Звук рассыпается в опустелой и туманной долине
— Падающие травы – больше и больше—
Слушайте вечный нелепый звон старинного колокола,
Слушайте много раз.

²¹⁰ 索荣昌. 丰富的蕴涵有益的探索—穆木天早期象征派诗和他的《苍白的钟声》// 名作欣赏. 1989. № 6. 页. 20–24 [Суо Жунчан. Обширная коннотация, полезные исследования – ранние символические стихи Му Мутяня и его «Бледные колокола» // Оценка шедевров. 1989. № 6. С. 20–24].

²¹¹ Лин Чэ был известным поэтом-монахом из династии Середина Тан.

²¹² Цитата Му Мутяня.

古钟飘散在灰绿的白杨之梢
古钟飘散在风声之萧萧
— 月影逍遥逍遥 —
古钟飘散在白云之飘飘

— 缕一缕的腥香
水滨枯草荒径的近旁
— 先年的悲哀永久的憧憬新
觞

听 — 声一声的荒凉
从古钟飘荡飘荡不知哪里朦
胧 之 乡

古钟消散人丝动的游烟
古钟寂蛰入睡水的微波潺潺
古钟寂蛰入淡淡的远远的云
山

古钟飘流入茫茫四海之间
— 暝暝的先年永远的欢乐辛酸

软软的古钟飞荡随月光之波
软软的古钟绪绪的人带带之
银 河
— 呀远远的古钟反响古乡之歌
渺渺的古钟反映出故乡之歌
远远的古钟入苍茫之乡无何

听残朽的古钟在灰黄的谷中
入无限之茫茫散淡玲珑
枯叶衰草随呆呆之北风
听千声万声 — 朦胧朦胧 —
荒唐茫茫败废的永远的故乡
之 钟 声
听 黄 昏 之 深 谷 中
1926年1月2日东海道上

Звон старинного колокола рассыпается в волне воды,

Звон старинного колокола рассыпается на верхушке серо-зеленых тополей.

Звон старинного колокола рассыпается в ветре,

— Тень луны, блуждает, блуждает—

Звон старинного колокола рассыпается в белых облаках.

Капля дурного рыбного запаха

Рассыпается около набережной, вялых трав, опустелой тропы,

— Печаль в прежние годы, постоянная мечта, новая чаша —

Слушайте опустелый звон!

Рассыпается со старинного колокола, рассыпается, не знает, где туманная родина.

Звон старинного колокола рассыпается в летающий дым,

Звон старинного колокола исчезает в волне спящей воды,

Звон старинного колокола исчезает в бледных облаках, в далекие горы,

Звон старинного колокола плывёт во всем мире,

— Тёмные прошлые годы, вечная радость и страдание.

Мягкий звон старинного колокола летает с волнами лунного света,

Мягкий звон старинного колокола рассыпается во Вселенной,

— О, далёкий звон старинного колокола отражает песню о древней стране,

Слабый звон старинного колокола отражает песню о родине,

Далёкий звон старинного колокола рассыпается в бездонной земле.

Слушайте звон разбитого гнилого старинного
 колокола, он рассыпается в серо-жёлтой до-
 лине,
 Рассыпается в бесконечный, мутный свобод-
 ный звук,
 Вялые листья и падающие травы следуют за
 северным ветром,
 Слушайте звон тысячу раз – туманный, ту-
 манный –
 В сумеречной и глубокой долине, слушайте
 нелепый расплывчатый запущенный вечный
 родной колокольный звон.

«На Токайдо», 2 января 1926 г.

Образ колокольного звона проходит через всё стихотворение. Для описания его звучания поэт использует синэстетические эпитеты 苍白 («бледный», «безжизненный», «немошный»), 荒唐 «лживый» и др. Кроме того, поэт использует немало эпитетов, обозначающих цвета и неотделимых от эмоций лирического героя: бледный, серо-зеленый, желтоватый. Колористика стихотворения усиливает гнетущую атмосферу, ощущение безысходности и безнадежности. Синэстетические приемы французского символизма вкупе с полисемантическими особенностями китайского языка передают сложные душевные движения лирического героя, тоскующего по родине.

Колокольный звон «рассеивается (рассыпается) в речных водах», «слышится в серо-зеленых кронах тополей», «в свисте ветра», «в белых облаках», что передаёт ощущение свободы, полёта – без направления и ограничений. Туда, вслед за звоном колокола, рвётся душа лирического героя. Приписывая колоколу человеческие чувства, поэт транслирует собственные эмоции – стремление посредством звука прикоснуться к родной земле и опоэтизированной родной реальности. «Бледный колокольный звон» становится сложным пространственно-визуально-слуховым образом. Описание окружающей героя действительности не столь лирично: «запах сырой рыбы разносится вдоль побережья», «заброшенная тропа» заросла сорняками... Здесь он не может найти пристанища.

唱 着 她 阿, в конце концов, где находится ро-
 “不要忘了山巅水涯到处是你们的故乡 дина жизни? Ах, как спокойно слушать
 到处你们是落花” опадающие цветы.

1925年6月9日

Сестра, давай, мы будем внимать всем
 сердцем: белые опадающие цветы глу-
 боко свернулись через смутную пряжу.
 Ты нежно опираешься на мою руку,
 внимательно слушаешь и поёшь
 Не забывайте о вершине горы, о берегу
 реки. Повсюду – ваша родина, вы сами
 повсюду – опадающие цветы.

9 июня 1925 г.

Чувство одиночества, бесприютности, приписываемое опадающим цветам, выражает эмоции молодого студента, покинувшего родную землю и живущего на чужбине. Печальная, безнадежная атмосфера усиливается за счёт использования слов и словосочетаний «бесшумно», «бесцельно», «печальный сон», «к покойному дому». Глагол «飘荡» (носиться в воздухе, гонимый ветром и др.) определяет отсутствие чувства принадлежности, – лирический герой и сам, как лепесток увядающего цветка, не имеет пристанища. «Не забывайте о горных вершинах, о берегах реки. Повсюду – ваша родина, вы сами повсюду – опадающие цветы», – такую песню поют цветы, умирая. Экзистенциальное состояние принадлежности к родной земле // отказа от этой принадлежности воплощает маргинальные ощущения китайского студента, мигрирующего по свету. Образ родины здесь, безусловно, имеет для него пространственную (ландшафтную) и эмоциональную закреплённость, это земля, где оставлены «корни» – «предки», родные люди, истоки всего сущего.

В стихотворении «Песня о нищем» «乞丐之歌» лирический герой предстает в образе нищего, у которого нет постоянного дома, потому для него «любое место» – это родина.

乞 丐 走 进 了 村 庄 Нищий вошел в деревню,
 乞丐在田间的道上 Нищий остановился на дороге в поле,
 乞丐轻轻 的 歌 唱 Тихо поет нищий:
 ‘啊这是给穷人的恩赏 «Ах, это подарок для бедных,

到处都是我们的家乡 Любое место – это наша родина.

“家乡在荒渡的渡头
家乡在古城的城上
家乡傍那里朦胧的池塘
啊这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡

Родина находится на пустынной пере-
праве.
Родина находится на стене старого го-
рода
Родина причалила к ночному пруду.
Ах, это подарок для бедных,
Любое место – это наша родина.

“翠柳是我的天帐
牧草是我的轻床
深更里还听得见黄鹂唾醒的歌唱
啊这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡

Зелёная ива – моя палатка,
Кормовые травы – моя лёгкая кровать,
В поздней ночи все еще можно слышать
пение иволги,
Ах, это подарок для бедных,
Любое место – это наша родина.

“我卧在乱冢中央荒凉的丘上
我望着落下了点点点点的星霜
接吻着虚虚的飞尽了野蔷薇的花香
啊这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡

Я лежу на среднем пустынном холме и
опустелой горе,
Я смотрел на падающие звезды мороза,
Целовал летающий аромат диких роз.
Ах, это подарок для бедных,
Любое место – это наша родина.

“我漫步沿海岸在人们都睡了的时光
我听着片的稻风声声的打波
冷的鱼腥中歌唱着的几个西林姑娘
啊这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡

Я гулял по берегу моря в то время, когда
люди спали,
Я слушал звук рисового ветра,
В холоде поют о нескольких силинских
девушек.
Ах, это подарок для бедных,
Любое место – это наша родина.

“我坐十字路头柳荫庙旁
我冷笑着对着许愿的烧香
我指量着虚伪燃在信心的头上
啊这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡

Я сидел рядом с храмом Люинь на пере-
крестке,
Я ухмыльнулся и зажег ладан желаю-
щим,
Я указал на лицемерие, горящее на го-
лове веры.
Ах, это подарок для бедных,
Любое место – это наша родина.

“水里的娃娃都像是我的儿郎
老年的翁媪都像是我的爹娘
都像我的爱人我都像抱过妙龄的女郎
啊这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡

Куклы в воде похожи на моего сына,
Старухи похожи на моих родителей,
Все, как мои возлюбленные.

‘泉水呀是我的椒汤
西风呀是我的沉香

我吃饭总在神荼郁垒-神仙-的身旁
啊 这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡”

乞丐走进了村庄
乞丐在田间的道上
乞丐轻轻 的 歌 唱
“啊这是给穷人的恩赏
到处都是我们的家乡”

Я всех обнимал, как девушек цветущего
возраста.

Ах, это подарок для бедных,
Любое место – это наша родина.

Родниковая вода – мой перечный суп,
Западный ветер – мой агар,
Я всегда ем рядом с Шеншу Юлей²¹³ –
рядом с феей.

Ах, это подарок для бедных,
Любое место – это наша родина».

Нищий вошел в деревню,
Нищий по дороге в поле идет,
Тихо поет нищий:

«Ах, это подарок для бедных,
Любое место – это наша родина».

Слово «нищий» (кит. «乞丐») в китайском языке обозначает людей, живущих подаянием, обычно у них нет ни денег, ни дома, ни собственности²¹⁴. Нищий в китайском сознании ни в коей мере не может быть романтизирован этническим сознанием (в отличие от русского пристрастия к «вольнице» и романтизации «босачества»). Для китайца нищие – жалкие люди с низким статусом, мало того, что они неимущи – нищие не родились и не жили в местах своих скитаний, это не земля их предков. Но поэт же в духе символистской эстетики воспекает именно бесприютность и одновременно – «всеприютность» нищих, которые ходят, куда хотят, и куда бы они не пришли – везде их родина.

Автор сравнивает ветви ивы с шатром, траву с кроватью, подобные образы призваны создать иллюзию дома, таким образом, для лирического героя, у которого нет настоящего дома, дом – повсюду. Возможно, к написанию подобного текста

²¹³ Шеншу Юлей – это два дверных бога, в которых верят ханьцы. Одного зовут Шэншу, обычно находится на левой половине двери, в ярких доспехах, с величественным лицом, великолепной позой. Он держит золотое оружие в руке; Юлей находится на правой половине двери. Он изображается в черном военном кафтане и выглядел свободным и комфортным. В обеих руках нет магического оружия или острого оружия. Он просто протягивает ладонь и нежно поглаживает огромного золотоглазого белого тигра, сидящего рядом с ним. Он возлагает добрые пожелания на трудящихся ханьцев, отводит несчастье, спасает от бед, помогает искать удачи и избегать зла.

²¹⁴ 新华字典. 北京, 2001. 页. 771 [Словарь иероглифов Синьхуа. Пекин, 2001. С. 771].

поэта подтолкнули потуги прекратить свои скитания, стремление обрести родное пристанище на чужбине. Не случайно рефреном в стихотворении звучат строки: «Ах, это награда для бедных, / Любое место – это наша родина».

奔遥遥的天边
 奔渺渺的一线
 奔杂杂乱乱灰绿的树丛
 奔雾瘴瘴的若聚若散的野烟
 旅人呀踏破了走不尽头的淡黄的小路
 问遍了点点的村庄青青的菜圃满目的
 农田
 旅人呀前进望茫茫的无限
 旅人呀哪里是你的家乡哪里是我的故
 园

不要忘我们的水沟
 不要忘我们的桥头
 不要忘田边水上拴着我们的老牛
 不要忘我们的菜车我们的背影我们的
 菜芜
 旅人呀走过了那漫坡坡的小丘
 问遍了那里的镇市那里的人家那里的
 街头
 旅人呀前进对茫茫的宇宙
 旅人呀不要问哪里是欢乐而哪里是哀
 愁

«С путешественниками – по дороге Му-
 сасино²¹⁵» («与旅人–在武藏野的道路上»)
 Броситься к далёкому небосклону,
 Броситься к крошечному,
 Броситься к беспорядочному серо-зеле-
 ному лесу,
 Броситься к туманному дикому дыму –
 Путешественник шел по бесконечной
 желтоватой тропе.
 Много раз спросил у маленьких дере-
 вьев, зеленых огородов, больших сель-
 скохозяйственных угодий.
 Путешественник, иди вперед, смотри в
 безграничные дали,
 Путешественник, где твоя родина, где
 мой родной город?
 Не забывай о нашей водосточной ка-
 наве,
 Не забывай о нашем предместье,
 Не забывай о наших старых коровах в
 воде,
 Не забывай о нашей тележке с едой,
 нашем силуэте со спины, нашем Лайу²¹⁶
 –
 Путешественник прошел по холмам
 склона.
 Спрашивали во всех городах, всех лю-
 дей на всех улицах
 Путешественник, продвигающийся в
 необъятную вселенную,
 Путешественник, не спрашивай, где ра-
 дость, а где печаль.

Однако лирика Му Мутяня – это не только стилизация эмоций в синтезе французской и японской эстетики. Это еще и отражение сложной рефлексии духов-

²¹⁵ Мусасино – город в центральной части региона Канто в Японии.

²¹⁶ Лайу – город в провинции Шаньдун.

ной универсалии «родина» в её корреляции с понятием «чужбина» китайским поэтом-эмигрантом. Автобиографический контекст такого образного ряда очевиден: жизнь на чужбине, в Японии, не была Му Мутяню в радость, он тосковал по дому, по родным местам, родным людям, родной культуре. В каждом из рассмотренных стихотворений лирический герой находится в «дрейфе», он – неприкаянный бездомный скиталец, не находящий своего места, но все жаждущий его обрести на родине.

Стихотворения «Дрейфующего сердца» отражают важнейший этап формирования в китайском культурном сознании китайцев представлений о любимой Родине, её независимости и силе, её самобытности во всех проявлениях. Открывшие для себя «чужой» мир китайские поэты и писатели в те годы осознают необходимость возрождения и развития единого, сильного Китая, способного вобрать иную культурную традицию, но усвоить её на свой манер.

Юй Дафу (7 декабря 1896 – 17 сентября 1945 г.) – известный китайский беллетрист, писатель, поэт. Настоящее имя Юй Вэнь, псевдоним Дафу (детское имя А Фэн). Родился в городе Фуян провинции Чжэцзян. Когда ему было три года, умер отец, и семья оказалась в крайне тяжелом положении. В автобиографическом стихотворении «В возрасте 9 лет... всем» («九岁提诗四座惊») Юй Дафу писал: «в возрасте 9 лет я написал стихи, что стало приятным сюрпризом для всех»²¹⁷. В 1910 г. Юй Дафу поступил в среднюю школу Ханчжоу, где был одноклассником Сюй Чжимо²¹⁸. В 1913 г. отправился на учебу в Японию вслед за своим старшим братом Юй Маньтуо. В 1913 г. Юй Дафу поступает на медицинский факультет Токийской высшей школы № 1, к тому времени он уже свободно говорит на японском, английском, немецком, французском и малазийском языках. Затем будущий писатель пе-

²¹⁷ 李韬瑾. 郁达夫日本留学的经历对小说《沉沦》的影响 // 青年与社会. 2013. № 12. 页. 305 [Ли Таоцзинь. Влияние опыта учебы Юй Дафу в Японии на роман «Чэнь Лунь» // Молодежь и общество. 2013. № 12. С. 305].

²¹⁸ Сюй Чжимо (кит. упр. 徐志摩, пиньинь Xú Zhì mó; 15 января 1897 – 19 ноября 1931) – китайский поэт первой половины XX в. Окончил известную в Китае школу в Ханчжоу, изучал право в Тяньцзине и Пекине.

реводится на факультет гуманитарных наук. В июле 1914 г. Юй Дафу начал пробовать себя в писательстве. В 1919 г. он поступает на экономический факультет Императорского университета Токио. В июне 1921 г. в Токио он и Го Можо, Чэн Фанву, Чжан Цзыпин, Тянь Хань, Чжэн Боци и др. основали новую литературную группу – Ассоциацию «Творчество». В июле того же года вышел первый сборник рассказов Юй Дафу «Чэнь Лунь» («沉沦»), имевший в то время большой резонанс. В 1922 г. Юй Дафу возвращается в Китай, где преподает поступательно в Пекинском университете, Учанском педагогическом университете, университете Чжуншаня и других университетах. В марте 1930 г. была создана Лига левых писателей Китая, одним из инициаторов которой был Юй Дафу. В 1937 г. разразилась антияпонская война, и Юй Дафу посвящает себя антияпонскому движению. В 1938 г. отправляется в Ухань, чтобы участвовать в антияпонской пропагандистской работе. В конце года его приглашают в Сингапур, чтобы он руководил газетой и занимался пропагандой в борьбе против Японии²¹⁹.

В 1942 г. японские войска распространяются до Сингапура. Юй Дафу (под псевдонимом Чжао Лянь), Ху Юйчжи, Ван Жэншу и другие переезжают на Суматру. Писатель вынужден был работать в японской службе переводов. Положение Юй Дафу позволило спасти и защитить большое количество изгнанных из культурных кругов друзей, патриотически настроенных зарубежных китайских лидеров и местных жителей.

Юй Дафу исчез на Суматре 29 августа 1945 г., был тайно убит японской военной полицией 17 сентября. Ему было 49 лет.

В его литературном наследии особенное место занимает сборник рассказов «Чэнь Лунь» («沉沦») («Погрязшие»), в него входят одноименный рассказ «Чэнь

²¹⁹ 李韜瑾. 郁达夫日本留学的经历对小说《沉沦》的影响 // 青年与社会. 2013. № 12. 页. 305–306 [Ли Таоцзинь. Влияние опыта учебы Юй Дафу в Японии на роман «Чэнь Лунь» // Молодежь и общество. 2013. № 12. С. 305–306].

Лунь» и рассказы «Осень в старой столице» («故都的秋»), «Ночь, опьяненная весенним ветерком» («春风沉醉的晚上»), «Прошлое» («过去») и др.²²⁰.

Рассказ «Чэнь Лунь» («Погрязшие») – история китайского студента, обучающегося в Японии. Герой рассказа подавлен и обеспокоен суровой реальностью окружающей среды, постоянно «погрязает» в противоречивом состоянии и, наконец, заканчивает свою только начавшуюся жизнь, прыгнув в море. Талантливый, чувствительный, но замкнутый и высокомерный, он чувствует себя одиноким и подавленным из-за того, что он – гражданин слабой страны. Он хочет разрушить свое внутреннее одиночество и чувство униженности через чувство любви к женщине, но получает еще больше пустоты и депрессии. Его личное несчастье усугубляется чувством национальной униженности²²¹.

Во время учёбы Юй Дафу познакомился с большим корпусом японской, а также европейской и американской литературы²²². Ван Чэнбинь и Чжан Юньюнь отмечают, что на создание сборника Юй Дафу повлияли «материнская культура» и японская литература²²³. Десять лет обучения Юй Дафу в Японии пришлось на расцвет исповедальных («частных романов», «романов настроения»). Эти романы были исполнены чувства упадка, депрессии, печали и одиночества главных героев («Ватное одеяло» Таямы Ханабако (田山花袋), романы Сига Наоя (志贺直哉), Касаи Дзэндзо (葛西善藏), Сато Харуо (佐藤春夫) и др.). Юй Дафу писал: «Среди современных японских писателей я больше всего восхищаюсь Сато Харуо»²²⁴.

²²⁰ Ван Юйци. Поэтика названия сборника Юй Дафу «沉沦» (1921) как образ восприятия и самовосприятия // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 16–24.

²²¹ 郁达夫. 沉沦. 北京, 2015. 262 页. [Юй Дафу. Чэнь Лунь. Пекин, 2015. 262 с.].

²²² 李韬瑾. 郁达夫日本留学的经历对小说《沉沦》的影响 // 青年与社会. 2013. № 12. 页. 305–306 [Ли Таоцзинь. Влияние опыта учебы Юй Дафу в Японии на роман «Чэнь Лунь» // Молодежь и общество. 2013. № 12. С. 305–306].

²²³ 王成滨, 张云云. 母体文化与日本文学对郁达夫小说创作的影响 // 名作欣赏. 2020. № 8. 页. 65–66 [Ван Чэнбинь, Чжан Юньюнь. Влияние материнской культуры и японской литературы на создание романа Юй Дафу // Оценка шедевров. 2020. № 8. С. 65–66].

²²⁴ 李韬瑾. 郁达夫日本留学的经历对小说《沉沦》的影响 // 青年与社会. 2013. № 12. 页. 305 [Ли Таоцзинь. Влияние опыта учебы Юй Дафу в Японии на роман «Чэнь Лунь» // Молодежь и общество. 2013. № 12. С. 305].

На художественное сознание писателя оказало влияние и его увлечение психоанализом, русской литературой XIX в. (в частности, творчеством Тургенева) и стремление определить свою этническую идентичность в порубежных условиях эмигрантского существования в более развитой стране, чем только что освободившийся от средневековых оков Китай²²⁵.

Помимо этого, откровенные сцены, стремление к чувственному наслаждению и сильный эстетизм в «Чэнь Лунь» опираются на творческие приемы литературного стиля «даньмэйтизм» («耽美派») («эстетизм»), неоромантизм, в своей основе близкий европейскому декадансу), популярного в те годы в Японии²²⁶. «Название рассказа “Чэнь Лунь” определяет сложное психологическое состояние погрязания героя во внутренних противоречиях: он оказывается в замкнутом круге, желая спастись от одиночества и выпустить внутреннее напряжение через воображаемые и реальные сексуальные действия. Герой не может вырваться из омута внутренних сомнений и переживаний – уже начало сборника предвещает всё более тягостное развитие процесса саморазрушения героя»²²⁷.

Главный герой совершает прыжок в море и заканчивает жизнь самоубийством, чтобы выразить свое нежелание подвергаться издевательствам и унижениям со стороны не принимающих его японцев²²⁸. Китайские исследователи склонны политизировать этот поступок: «Его стремление к возвышению родины, несомненно, является представлением о патриотизме молодых интеллектуалов во время “Движения 4 мая”»²²⁹. Так или иначе, но поведение безымянного героя отражает типичные настроения эмигрантской интеллектуальной молодежи того периода, отча-

²²⁵ Ван Юйци. Поэтика названия сборника Юй Дафу «沉沦» (1921) как образ восприятия и самовосприятия // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 16–24.

²²⁶ 李韬瑾. 郁达夫日本留学的经历对小说《沉沦》的影响 // 青年与社会. 2013. № 12. 页. 305–306 [Ли Таоцзинь. Влияние опыта учебы Юй Дафу в Японии на роман «Чэнь Лунь» // Молодежь и общество. 2013. № 12. С. 305–306].

²²⁷ Ван Юйци. Поэтика названия сборника Юй Дафу «沉沦» (1921) как образ восприятия и самовосприятия // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 19.

²²⁸ 石春雨. 论《沉沦》中郁达夫的祖国情怀 // 文学教育(下). 2017. № 4. 页. 16–17 [Ши Чуньюй. О чувствах Родины Юй Дафу в «Чэнь Лунь» // Литературное образование. 2017. № 4. С. 16–17].

²²⁹ Там же.

сти переживающей сложные отношения по отношению к принимающей их сильной стране и культуре. Поступательно традиционные представления о родине трансформируются в их сознании и обретают новые формы.

Представление о родине в начале произведения связано с образом Китая как местом рождения и взросления, местом, где живут предки, где родная природа. В непривязанных к государственным реалиям японских пейзажах герой ищет духовного пристанища, «родственности». Когда он смотрит вокруг, то чувствует, что все окружающие травы и деревья улыбаются ему: *«Вот здесь это твоё пристанище. Обычные люди в мире завидуют вам, смеются над вами, обманывают вас, только такая природа, такое вечное новое небо и прекрасное солнце, такой поздний летний бриз, такое дыхание ранней осени, все еще ваши друзья, ваша любящая мать, ваш возлюбленный, и вам больше не нужно ехать в этот мир, чтобы жить с этими легкомысленными мужчинами и женщинами. Просто в объятиях природы, в такой простой деревне можно умереть»*²³⁰. Герой хочет обмануть себя «всемирностью», «ничейностью» природы, так напоминающей ему его родные места. Природа – словно общая мать, которая дарит ему утешение.

Изучая культуру и литературу других стран, автобиографический герой сразу хочет переводить чужие тексты на родной язык, для него очень важна его самоидентификация как китайца. Но корреляции родной литературы и чужой (английской) литературы обнажают иллюзорность его попыток скрыться в эстетизме от насущных проблем: *«Английские стихи – это английские стихи, китайские стихи – это китайские стихи, зачем переводить их на другие языки?»*²³¹.

Во время занятий, хотя он сидит с однокурсниками в самом центре аудитории, он чувствует себя очень одиноким. Все слушают лекцию, а он только делает вид, что на занятии, а его сердце уже летит далеко, он весь в пустых мечтаниях. Другие студенты разговаривают друг с другом, он тоже хочет, чтобы его товарищи разговаривали с ним, но когда они видят его грустное лицо, то все уходят от него. Он не может влиться в группу, состоящую из японских студентов: *«Он все больше*

²³⁰ 郁达夫. 沉沦. 北京, 2015. 页. 18 [Юй Дафу. Чэнь Лунь. Пекин, 2015. С. 18].

²³¹ Там же.

и больше ненавидит своих одноклассников». Он пишет: «Все они японцы, Они все мои враги, я рано или поздно отомщу, я обязательно отомщу им». Он пытается уйти от этих мыслей, но все равно к ним возвращается: «Все они японцы, конечно, они не сочувствуют тебе, потому что ты хочешь их сочувствия, поэтому ты обвиняешь их, разве это не твоя собственная вина?». Чувство этнического одиночества сопровождают сексуальные фрустрации: «Зачем я приехал в Японию, зачем я получаю знания. Раз уже в Японии, естественно, должны быть оскорблены японцами. Китай, Китай! Почему бы тебе не стать богатым и сильным. Я больше не могу этого терпеть!»²³².

Трансформация образа родины в представлениях героя связана с пониманием, что Китай – не только прекрасная родина, место рождения, но и слабое государство, которое презирают японцы. Родина для героя в эмиграции – это государство, чье положение не стабильно, оттого его собственная национальность вызывает глубокие переживания. Его родина – слабая, не достойна уважения.

Воспоминания о родных местах антитетичны его пониманию статуса Китая в мире:

«Разве на родине нет красивых гор и рек? Разве на родине нет прекрасных девушек? Почему я должен приехать в эту островную страну в Токае²³³!

Приехать в Японию – это нормально, но почему я должен пойти в эту проклятую высшую школу.

<...>

Мне не нужно знаний, не нужны слова, мне только нужно одно “сердце”, которое сможет утешать и понимать меня. Одно раскалённое горячее сердце! Из такого сердца может родиться сочувствие!

А из сочувствия рождается любовь!

Все, что я хочу, это любовь!

²³² 郁达夫. 沉沦. 北京, 2015. 页. 25 [Юй Дафу. Чэнь Лунь. Пекин, 2015. С. 25].

²³³ Токай (яп. 東海) – старая японская географическая область. Является подобластью региона Тюбу в Японии.

Если есть одна красавица, и она поймет моё мучение, и она хочет, чтобы я умер, я соглашусь.

Если есть одна женщина, независимо от того, красива она или уродлива, и может она меня искренне полюбить, я готов умереть за нее.

Все, что я хочу, это любовь к противоположному полу!

О, Боже, Боже, я не хочу знаний, я не хочу слов, я не хочу никчемные деньги, если вы можете, дайте мне И Фу²³⁴ в Эдемском саду, чтобы её тело и душа принадлежали мне, я буду удовлетворен»²³⁵.

Герой в дневниковых записях сравнивает родину с Японией, там тоже есть красивые пейзажи, тоже есть красавицы, и родина – добрая мать, а Япония – равнодушная мачеха. Для героя родина становится символом любви и утешения, отсюда сравнения с женщиной, которая может подарить ему любовь. Он готов умереть за любящую женщину и за родину. Понятия родины и женщины у него связаны и во многом имеют общие черты. Он мечтает о красавице, о женщине, он хочет любви, которая поможет ему выйти из депрессии, он ищет утешение у женщины, у родины.

Родина – это земля предков. В третьей части книги герой переходит к любованию своей далекой родиной как местом рождения его самого и его предков: *«Его родина находится на реке Фу Чун... Есть поэт танского периода, который описал эту реку: "такая непрерывная река как картина"»²³⁶*. «Этот отрывок из описания Юй Дафу своего родного города описывает среду взросления главного героя, красивые и приятные пейзажи, полные древнего очарования, что, естественно, подразумевает, что главный герой находился под влиянием традиционной культуры с детства»²³⁷.

Герой «Погрязших» – во многом автобиографический персонаж. Юй Дафу воссоздает нам попытки эмигранта найти замену родным местам, обрести «малую

²³⁴ «И Фу» – это Ева, женщина, созданная Богом в Библии.

²³⁵ 郁达夫. 沉沦. 北京, 2015. 页. 26 [Юй Дафу. Чэнь Лунь. Пекин, 2015. С. 26].

²³⁶ Там же.

²³⁷ 石春雨. 论《沉沦》中郁达夫的祖国情怀 // 文学教育(下). 2017. № 4. 页. 16–17 [Ши Чуньюй. О чувствах Родины Юй Дафу в «Чэнь Лунь» // Литературное образование. 2017. № 4. С. 16–17].

родину» в привычных уже через несколько лет пейзажах Токио. Четвёртая часть описывает переезд из Токио в город N, где герой грустит, так как второй раз уезжает из «родины» – уже привычного Токио. На его глазах появляются слёзы. Он кричит «Sentimental, too sentimental»²³⁸. Несмотря на нелюбовь к Японии, герой успел полюбить Токио. Герой ведет внутренний монолог: *«У тебя нет любовницы, осталась в Токио, у тебя нет братьев и друзей, они остались в Токио, а твои слёзы проливаются для кого? Или из-за печали о прошедшей жизни, или для оставшегося чувства этих двух лет, ты все-таки часто говоришь, что не любишь Токио»*. Герой сильно привязался к городу, в котором жил около двух лет – в этом состоит экзистенция эмигранта, пытающегося найти пристанища и покоя хотя бы на какое-то время: *«Бездомные, жившие под мостом, когда покидали побережье его родного города, были примерно такими же, очень торжественно-печальными, как я»*. Переезд в другой город заставляет героя еще больше ощутить себя бездомным. Он родился не здесь, но испытывает родственные чувства к этому городу. Переезд напомнил ему и о родине, родном городе, его малая родина – тоже небольшой городок. Чувства героя трагичны: вечером, в тихой комнате, он почти плачет, его болезнь «怀乡病» («nostalgia»), в этот вечер он очень сильно болеет.

Пятая и шестая седьмая части рассказывают о его депрессии, которая сильнее с каждым днем. Он мечтает о женщине, тело которой может подарить утешение. Тело женщины как храм, где герой ищет успокоения, утешения, любви. Женщина выступает и как символ родины и матери, чье призвание понять, утешить, дать покой. Однажды он встречается с японской служанкой, которая спрашивает героя: *«Где находится твой дом?»* Он испытал чувство сильного самоунижения, потому что он китаец: *«На самом деле японцы презирают китайцев, как китайцы презирают свиней и собак. Японцы называют китайцев Чжи На Жэн (кит. «支那人»²³⁹), вот такие три иероглифа «支那人» в Японии, неприятнее слушать чем наши бранные слова «подлец» (кит. «贱贼»)*. А сейчас он сидит перед красивой девушкой, и

²³⁸ Печально, очень печально.

²³⁹ Чжи На – это презрительное наименование для Китая со стороны японцев в период новой истории.

ему придется признаться, что он китаец». Он унижает себя своим признанием, не может поднять голову перед красавицами. Он приехал из небольшой, небогатой страны, поэтому с одной стороны, он стыдится своей страны, ее слабости, с другой стороны, выражает любовь к Родине: *«Я только люблю мою Родину, я буду относиться к своей родине как к любовнице»*²⁴⁰. Он таит обиду на родину, чья слабость заставляет его страдать: *«Китай! Китай! Почему ты не станешь сильным!»*²⁴¹

Образ родины для героя – это, прежде всего, образ женщины, которая любит его, но только сильное государство способно подарить ему любовь женщины, любовь Родины, образы Родины-женщины и Родины-государства тесно связаны в сознании героя.

Бросаясь в море, герой обращается к родине: *«"Под ветряной звездой находится моя родина, которая является моим местом рождения. Я провел 18 лет осенью и зимой под этой звездой. Моя Родина, я больше не могу с тобой встретиться"»*.

Он глубоко дышал и прерывистым голосом обращался к своей любимой – Родине: *«"Родина – Родина! Моя смерть – твоя вина, ты губишь меня! Скорее стань богаче, сильнее, у тебя все еще есть много страдающих детей"»*.

Его сердце переполняют любовь и ненависть. Он ненавидит слабую страну и в то же время он любит свою Родину. В его сердце есть любовь и ожидание встречи с родиной.

Концептуальное значение слова «родина» для писателя состоит из нескольких коннотаций. Родина – это родные места, которые прекрасны, это окружающая природа, место рождения и взросления, место, где родились и жили предки. Этот образ на протяжении всей книги – в мыслях главного героя. Этот образ связан и с образом любящей и любимой матери, который постепенно трансформируется в образ любимой женщины, любовь которой хочет иметь собирательный герой сборника. В то же время образ родины связан с образом государства, Родина – это Китай. Китай в то время слабое государство, и этот факт заставляет героя страдать, он

²⁴⁰ 郁达夫. 沉沦. 北京, 2015. 页. 51 [Юй Дафу. Чэнь Лунь. Пекин, 2015. С. 51].

²⁴¹ Там же.

мечтает о сильном Китае, сильная родина делает и его сильным. К сожалению – этого не происходит с героем Юй Дафу, что отражает определенный этап развития социально-политического и этнокультурного сознания китайцев-эмигрантов 20-х гг. XX в.

Итак, в китайской литературе первых десятилетий XX в. наиболее пронзительными рефлексиями образа родины отличается творчество писателей-эмигрантов, вынужденных поехать учиться в другие страны (Японию, Америку) на фоне послевоенного национального кризиса конца XIX столетия. В творчестве Юй Дафу, Му Мутяня образы родины обретают андрогинные черты, семантически амбивалентные – они одновременно соединяют в себе женское начало (образ родной земли – оставленной матери, любимой и желанной женщины, навеянный отчасти японским модернизмом) и мужское начало (образ отца – слабого мужчины, государства, неспособного оценить и защитить своих детей).

Через несколько лет китайские патриоты-эмигранты, вернувшись из разных стран, соберутся в родной стране, и весь свой пыл по отношению к Родине воплотят в художественном творчестве, в политической борьбе, социальном строительстве. Но перед этим многим из них придется пережить противостояние японской оккупации и культуре государства-агрессора.

Тоска по сильному, маскулинному началу – несмотря на позднее возникшие обвинения китайских писателей-эмигрантов в модернизме и эстетстве – стали художественной предтечей складывания идеала образа Родины в национальном сознании китайцев – сильного, способного постоять за себя единения разных народов, образующих единое государство, Китая.

2.2 Культурно-исторические, этнопсихологические и социально-политические обстоятельства формирования образа Родины в творчестве северо-восточных писателей периода антияпонского сопротивления (Сяо Хун, Дуаньму Хунлянь и др.)

Литература Северо-Востока Китая начинает формироваться в начале 20-х гг. прошлого века – именно в те годы только-только для этого созрели социокультурные, общественно-политические и этнопсихологические условия. В складывании идейного пафоса этой литературы огромное значение имели базовые этнокультурные и этнопсихологические установки писателей. Многие из молодых авторов были потомками мигрантов в Северную Маньчжурию либо оказались в этих краях по разного рода вынужденным обстоятельствам – мало кто из китайцев в ситуации процветания обращает свои взоры на Север²⁴²: «традиционное китайское сознание сохраняет в своей основе опору на древние мифологические оппозиции, потому иероглиф "北" ("север"), в противоположность "достоинству" и "богатству" юга, обозначает "низкий статус" и "бедность", от этого, например, производное выражение – "败北»", (потерпеть поражение; поражение (военное, в войне)). В нем иероглиф "败" уже значит неудачу, поражение»²⁴³. Будучи сами мигрантами, по сути, «чужаками», новообретенные «северяне» столкнулись на территории дальневосточного фронта не только с уходящим наследием маньчжурского правления, но и с мощным влиянием европейской культуры – многонациональный и многоконфессиональный Харбин в эти годы процветал, русское начало по линии КВЖД преобладало. Китайское же население в городах (в первую очередь, в Харбине) в основном состояло из сезонных рабочих и тех, кто работал по линии дороги, а также представлял обслуживающий персонал.

В 1931 г. начинается оккупация Японией Северной Маньчжурии, и китайцы первыми оказываются наиболее уязвимыми перед репрессивной машиной захватчиков. В данных обстоятельствах базовая константа родины как центральной уста-

²⁴² Ван Юйци. Поэтика названия сборника Юй Дафу «沉沦» (1921) как образ восприятия и самовосприятия // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 16–24.

²⁴³ 许慎. 说文解字. 北京, 2014. 页. 510 [Сюй Шен. Происхождение китайских иероглифов. Пекин, 2014. С. 510]; Эйдлин Л. Китайская классическая поэзия // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии / Сост. С. Серебряный, П. Самасундарам. М., 1977. С. 196.

новки этнического сознания претерпевает в творчестве писателей серьезные трансформации. В первую очередь, речь идет о прозаиках – именно эпическое творчество востребовано в те годы в литературных и читательских кругах Северо-Востока.

После инцидента «18 сентября» писатели северо-восточной группы один за другим отправляются в изгнание во Внутренний Китай. Большинство их произведений теперь будет обращено к образам ставших родными городов Северо-Восточного Китая, к страданиям народов Северо-Востока под гнетом японского империализма. Благодаря местным реалиям и диалектным особенностям языка в этих произведениях передается колорит Северо-Востока, формируя творческое направление – группу писателей Северо-Востока (Сяо Цзюнь, Сяо Хун, Ло Фэн, Шу Цюнь, Бай Лан, Ма Цзя, Гао Лан и др.)²⁴⁴. Молодые писатели естественным образом объединялись в группы, преодолевая трудности изгнания, а их произведения демонстрировали общий освободительный пафос²⁴⁵.

Именно в Харбине собрались писатели из четырех северо-восточных провинций. Эти провинции, расположенные на территории дальневосточного фронта, имеют границу с Россией, кроме того, всегда были тесно завязаны на Харбин. Такое положение имело большое значение в политике, экономике и культуре. В начале правления Маньчжоу-го политическая атмосфера в Харбине была более свободной, чем в Мукдене, Чанчуне и Цицикаре. В то время в Харбине издавалась «Газета Международной ассоциации» с литературным и художественным приложением под названием «Международный парк», где публиковались Лю Цзюнь (Сяо Цзюнь), Лю Ли (Бай Лан), Цюй Инь (Сяо Хун) и другие писатели. Относительно свободная ситуация в Харбине длилась недолго, молодым писателям под давлением властей пришлось бежать в Пэйпин, Тяньцзинь, Циндао, Шанхай и др.²⁴⁶. Их произведения печатались в таких изданиях, как журналы «Литература», «Чжун

²⁴⁴ 覃治华. 浅谈东北作家群 // 参花(下). 2014. № 7. 页. 159–160 [Цинь Чжихуа. Разговоры о Северо-восточной писательской группе // Женьшень. 2014. № 7. С. 159–160].

²⁴⁵ Там же. С. 159.

²⁴⁶ 王培元. 论东北作家群 // 中国现代文学研究丛刊. 1992. № 1. 页. 303–304 [Ван Пэйюань. О группе писателей Северо-Востока // Серия исследований современной китайской литературы. 1992. № 1. С. 303–304].

Лю» (中流, среднее течение реки), «Свет», «Ежеквартальный литературный журнал», «Литературный журнал». Рассказы и повести публикуются в разделе литературы и искусства еженедельного журнала «Гоуэн» (国闻) и журнала «Восток»²⁴⁷. Основной сюжет публикуемых произведений – героические подвиги людей в четырех северо-восточных провинциях. Такие сюжеты были основаны на личном опыте писателей. Еще один важный сюжет – тоска по природным красотам, по белым горам и черным водам родного города, старикам в родном городе и партизанам, которые отчаянно там сражаются. Именно эти два основных сюжета нашли горячий отклик у читателей.

Уникальность этого литературного течения основывается на нескольких признаках. Во-первых, эти авторы стали выражением народного сознания жителей Северо-Востока²⁴⁸. Ли Хуэйин после инцидента «18 сентября» писал: «Я был после инцидента “18 сентября” в негодование. Внезапно я потерял Шэньян и Чанчунь. Я потерял всю северо-восточную провинцию, и 30 миллионов человек были поработаны. В тяжелой ситуации я начал писать. Безоружный. Трудно работать над тем, чтобы показать позор своей страны»²⁴⁹.

Главной темой творчества северо-восточных писателей становится мысль: без сопротивления – смерть, только поднявшись против японцев, можно выжить²⁵⁰.

Потеря родины наполнила творчество писателей неизбывной ностальгией по своему родному городу, как сказал Сяо Цзюнь в «Истории зеленого листа: предид-

²⁴⁷ 王培元. 论东北作家群 // 学术月刊. 1991. № 5. 页. 60–66 [Ван Пэйюань. О группе писателей Северо-Востока // Академический ежемесячник. 1991. № 5. С. 60–66].

²⁴⁸ 覃治华. 浅谈东北作家群 // 参花(下). 2014. № 7. 页. 159 [Цинь Чжихуа. Разговоры о Северо-восточной писательской группе // Женьшень. 2014. № 7. С. 159].

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ 章绍嗣. 试论“东北作家群” // 武汉教育学院学报 (哲学社会科学版). 1992. № 2. 页. 29–35 [Чжан Шаоши. О «группе писателей Северо-Востока» // Журнал Уханьского института образования Сер.: Философия и социальные науки. 1992. № 2. С. 29–35].

словие»: «Я вырос в Северной Маньчжурии. Я люблю белое снежное поле без границ, люблю высокое синее небо без границ... Я люблю этих здоровых и простых людей»²⁵¹.

Большинство работ писателей посвящено родным городам, родной природе: степям, горам, рекам, лугам. Северо-восточная земля становится настоящим «По-лем жизни и смерти»²⁵².

Дуаньму Хунлянь пишет об утрате чувства принадлежности родины, о жизни и душевной боли старейшин и жителей деревни, а также о борьбе сопротивления людей на Северо-Востоке («Меланхолия озера Юлу» (鸢鹭湖的忧郁), «Пески далеких ветров» (遥远的风砂), «Пороги реки Хунхэ» (浑河的急流), «Степь Хорчинского аймака» (科尔沁旗草原), «Земное море» (大地的海), «Река Янцзы» (长江)) – в самих названиях произведений отражается национальное самосознание²⁵³.

Шу Цюнь занялся литературной деятельностью в Харбине после инцидента «18 сентября». Он опубликовал «Сборник стихов черных людей» (黑人小诗集) и «Дневник недели» (周间日记), разоблачающий жестокость японских правителей. В марте 1934 г. он уехал из Харбина в Циндао, в 1935 г. переехал в Шанхай, где опубликовал книгу «Дети, у которых нет Родины» (没有祖国的孩子). В романе рассказывается о радостях и горестях троих детей разных национальностей после вторжения японских империалистов на Северо-Восток. Страдания северокорейского

²⁵¹ 萧军. 绿叶的故事. 兰州, 1983. 191 页. [Сяо Цюнь. История зеленого листа. Ланьчжоу, 1983. 191 с.].

²⁵² 覃治华. 浅谈东北作家群 // 参花(下). 2014. № 7. 页. 159 [Цинь Чжихуа. Разговоры о Северо-восточной писательской группе // Женьшень. 2014. № 7. С. 159]. 萧军. 八月的乡村. 广州, 2016. 308 页. [Сяо Цюнь. Деревня в Августе. Гуанчжоу, 2016. 308 с.]; 覃治华. 浅谈东北作家群 // 参花(下). 2014. № 7. 页. 160 [Цинь Чжихуа. Разговоры о Северо-восточной писательской группе // Женьшень. 2014. № 7. С. 160]; 李重华. 《呼兰河传》导读新论 // 大庆社会科学. 2011. № 1. 页. 149–153 [Ли Чжунхуа. Новый взгляд на роман «Сказание о реки Хулань» // Социальные науки Дацина. 2011. № 1. С. 149–153].

²⁵² 沫祥. 端木蕻良的生活与创作 // 驻马店师专学报(社会科学版). 1987. № 2. 页. 3–12. [Бянь Сян. Жизнь и творчество Дуаньму Хунляня // Журнал Педагогического колледжа Чжумадянь. Сер.: Общественные науки. 1987. № 2. С. 3–12].

²⁵³ Там же.

ребенка Го Ли, потерявшего свою родину, помогает людям осознать страдания, причиненные утратой родины, учит людей под угрозой реальной опасности тому, что выжить можно только через сопротивление²⁵⁴.

Одним из авторов, в чьем творчестве рефлексия образа родины обрела новаторское звучание, была Сяо Хун.

Сяо Хун (настоящее имя – Чжан Сюхуань) (1911–1942) родилась в зажиточной семье Хуланьского района города Харбин в провинции Хэйлунцзян, в семье мигрантов третьего поколения. Мать писательницы рано умерла, отношения с мачехой не сложились. Единственным близким человеком был дед, который учил ее жизни, играл с ней, рассказывал древние сказания. Сяо Хун (萧红, пиньинь: Xiāo Hóng; настоящее имя Чжан Найин, Zhāng Nǎiyíng, 张乃莹; 1 июня 1911 – 22 января 1942) прожила в Хулане почти 20 лет. Она принадлежала к ханьским мигрантам шестого поколения из провинции Шаньдун. Ее дедушка был довольно богатым человеком, но отец не сумел продолжить семейное дело – и род постепенно разорился. За годы хуланченской юности Сяо Хун пережила смерть бабушки и матери, повторную женитьбу отца, раздор с ним, смерть любимого дедушки, конфликт с семьей из-за желаний учиться. Она дважды убегала из дома в Бэйпин и была заключена на полгода своей семьей в тюрьму. В последний раз вернулась в родной город весной 1932 г. И покинула его уже навсегда²⁵⁵.

Ее роман «Поле жизни и смерти» (生死场) (1933) вызвал огромный резонанс в литературном мире. Книга вышла в серии «Ну Ли» («奴隶»), принесла автору известность и признание. «Поле жизни и смерти», ранее известное как «Пшеничное поле». Роман отражает трагический опыт жизни крестьян до и после оккупации японцами, раскрывает беспросветное их существование, но при этом показывает

²⁵⁴ 宋丽娜, 金梦兰. 论东北沦陷时期的爱国抗日文化运动 // 沈阳航空工业学院学报. 2005. № 6. 页 . 7–9 [Сун Лина, Цзинь Мэнлань. О патриотическом антияпонском культурном движении в период оккупации Северо-Восточного Китая // Журнал Шэньянского института авиационной промышленности. 2005. № 6. С. 7–9].

²⁵⁵ 季红真. 萧红传. 北京, 2008. 页. 2–9 [Цзи Хунчжэнь. Биография Сяо Хун. Пекин, 2008. С. 2–9].

пробуждение сознания жителей Северо-Востока в этот период, их борьбу²⁵⁶. Лу Синь писал о романе Сяо Хун в предисловии к нему: «Люди на севере относятся к жизни серьезно и борются со смертью из последних сил. Описания Сяо Хун глубоки и сильны; она внимательный наблюдатель, а особая манера "женского письма" добавила много красоты и новизны роману»²⁵⁷.

В сентябре 1937 г. Сяо Хун и Сяо Цзюнь уехали в Ухань, где вместе с молодыми писателями Цзян Сицзинем, Дуаньму Хунляном, Шу Цюнем, Бай Лан, Ло Фэном, Кун Луосунем и другими активно участвовали в антияпонской культурной деятельности и сформировали очень влиятельную группу писателей Северо-Востока в Ухане. Молодых писателей объединяло то, что все они были изгнанниками из разных районов Северо-Востока Китая. Сяо Хун написала ряд работ на тему антияпонской войны, таких как «Небесное украшение» («天空的点缀»), «Бессонная ночь» («失眠之夜»), «В Токио» («在东京»), «Вторая глава за огнем: окно, маленькая жизнь и воин» («火线外二章：窗边、小生命和战士») и другие эссе²⁵⁸.

Уже больная и одинокая изгнанница в Гонконге, Сяо Хун за два года до смерти создает свою последнюю книгу «Сказание о реке Хулань» («呼兰河传») (1940), которая стала ее своеобразным литературным завещанием. Однако к написанию романа писательница обратилась задолго до своего жизненного финала – вероятно, сразу после последнего визита на родину²⁵⁹.

Роман выбивается из ряда других, созданных автором; в нем Сяо Хун отступает от левых идей, политики и антияпонской тематики. В пору человеческой зрелости, очевидно, предчувствуя скорый уход, писательница обращается к детским

²⁵⁶ 覃治华. 浅谈东北作家群 // 参花(下). 2014. № 7. 页. 159 [Цинь Чжихуа. Разговоры о Северо-восточной писательской группе // Женьшень. 2014. № 7. С. 159].

²⁵⁷ 王桂青, 姚若冰. 《生死场》“自然”网络中的群体生命形态 // 东岳论丛. 2012. № 9. 页. 59–61 [Ван Гуйцин, Яо Жобин. Типология сюжетов в цикле «Природа» – «Поле жизни и смерти» / Ван Гуйцин, Яо Жобин // Сборник рассуждения Дун Юэ. 2012. № 9. С. 59–61].

²⁵⁸ 林贤治. 漂泊者萧红. 北京, 2009. 页. 306 [Линь Сяньчжи. Странник Сяо Хун. Пекин, 2009. С. 306].

²⁵⁹ 林贤治. 漂泊者萧红. 北京, 2009. 页. 306 [Линь Сяньчжи. Странник Сяо Хун. Пекин, 2009. С. 306].

годам и пишет о родном городе в жанре сказания. Ее второй гражданский муж Дуаньму Хунлян писал о названии последней книги писательницы: «Твоя работа называется "Сказание о реке Хулань". Сказание начинается с твоего детства. Оно течет, как вода реки Хулань, и ты растешь вместе с рекой... Как это красиво!²⁶⁰»

Несмотря на то, что Сяо Хун пишет о совсем недалеком прошлом – ее детство в восприятии читателя предстает как «стародавняя быль». Очевидно, эта повествовательная стратегия стала данью памяти любимому деду – знатоку древнего китайского фольклора и прекрасному рассказчику. Весьма важно подчеркнуть, что, будучи приверженкой литературы «Левого крыла», Сяо Хун была воспитана в передовых идеях Гоминьдана²⁶¹. Потому интерес к национальным истокам, к народным обычаям, этническим корням – невзирая на социалистическую установку – был укоренен в ее сознании. Неосознанно следуя любимому учителю Лу Синю, в своем отрицании «учителей прошлого» – последовательно утверждавшему традиционные ценности китайской культуры²⁶², Сяо Хун проделывает то же самое с описанием традиционной жизни ее родного городка и религиозных обычаев его горожан²⁶³.

«Сказание о реке Хулань» – это 7 глав-рассказов о небольшом провинциальном городке на реке Хулань, соединенных общей темой воспоминаний самой писательницы. Это автобиографическое повествование о детстве, о родном городе,

²⁶⁰ 钟耀群. 端木蕻良与萧红. 北京, 1998. 页. 66 [Чжун Яоцюнь. Дуаньму Хунлян и Сяо Хун. Пекин, 1998. С. 66].

²⁶¹ 季红真. 萧红传. 北京, 2008. 页. 36 [Цзи Хунчжэнь. Биография Сяо Хун. Пекин, 2008. С. 36].

²⁶² 莫珊珊. 试论萧红《呼兰河传》中的“家园”书写 // 名作欣赏. 2017. № 12. 页. 69–70 [Мо Шаньшань. Воплощение образа родины в «Сказании о реке Хулань» Сяо Хун // Интерпретация шедевров литературы. 2017. № 12. С. 69–70].

²⁶³ 王劲松. 抗战初期左翼文化活动与萧红、白朗的发轫 // 重庆师范大学学报(社会科学版). 2018. № 5. 页. 48–59 [Ван Цзиньсун. Левая культурная деятельность и Сяо Хун в ранний период антияпонской войны // Журнал Чунцинского педагогического университета. 2018. № 5. С. 48–59]; 钱理群, 温儒敏, 吴福辉. 中国现代文学三十年. 北京, 1998. 页. 310 [Цянь Лицюнь, Вен Жумин, Ву Фухуэй. Тридцать лет современной китайской литературы. Пекин, 1998. С. 310].

где писательница родилась и выросла, о людях, окружавших ее, о традициях и обычаях, о темных сторонах феодального строя Китая. Главным героем выступает город Хулань²⁶⁴.

Жанр «Сказания о реке Хулань» неоднозначен, исследователи называют произведение сплавом эпического и лирического начала. Мао Дунь в предисловии к роману охарактеризовал его как «повествовательную поэму, красочную пейзажную живопись и цепочку грустных песен»²⁶⁵. В нашей работе мы будем использовать термин роман как жанр, описывающий жизнь, развитие главного героя, допуская, что в качестве главного героя выступает сам город²⁶⁶.

Действие романа «Сказание о реке Хулань» происходит примерно в середине 1910-х гг. – сразу после Синьхайской революции. Таким образом, наблюдения детства фиксируют ситуацию в Хулане примерно спустя 10 лет после того, как в городе побывал русский этнограф П. Шкуркин²⁶⁷.

В романе река Хулань – это не сама река Хулань, а небольшой город с фиксированным географическим положением на северном берегу реки Сунгари и реки Хулань и протекающей в нем, как сама река, жизнью²⁶⁸.

Первая глава описывается облик, окружение и погоду в городе Хулань. Городок небольшой и имеет всего несколько улиц, автор подробно описывает его географию, особенный климат Северо-Востока Китая и рисует суровые пейзажи

²⁶⁴ 姚润南. 故乡, 是一首凄婉的歌谣—读萧红《呼兰河传》 // 读与写 (教育教学刊). 2018. № 15(01). 页. 125–126 [Яо Жуньнань. Родина – это грустная и эфемистическая баллада. Чтение «Сказания о реке Хулань» Сяо Хун // Чтение и письмо. Сер.: Образование и педагогика. 2018. 15(01). С. 125–126].

²⁶⁵ 萧红. 呼兰河传. 长春, 2019. 页. 3 [Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. Чанчунь, 2019. С. 3].

²⁶⁶ 覃治华. 浅谈东北作家群 // 参花(下). 2014. № 7. 页. 159 [Цинь Чжихуа. Разговоры о Северо-восточной писательской группе // Женшень. 2014. № 7. С. 159]; 王劲松. 抗战初期左翼文化活动与萧红、白朗的发轫 // 重庆师范大学学报 (社会科学版). 2018. № 5. 页. 48–59 [Ван Цзиньсун. Левая культурная деятельность и Сяо Хун в ранний период антияпонской войны // Журнал Чунцинского педагогического университета. 2018. № 5. С. 48–59].

²⁶⁷ Забияко А.А., Чжоу Синьюй, Лю Ши, Фэн Ишань, Цюй Чжи. Религиозная жизнь северо-маньчжурского города первой половины XX в. (Павел Шкуркин) // Религиоведение. 2022. № 3. С. 64–76.

²⁶⁸ 李重华. 《呼兰河传》 导读新论 // 大庆社会科学. 2011. № 1. 页. 149–153 [Ли Чжунхуа. Новый взгляд на роман «Сказание о реке Хулань» // Социальные науки Дацина. 2011. № 1. С. 149–153].

Маньчжурии: «Суровый мороз расколол землю»²⁶⁹, «Сегодня так холодно, что раскололась земля»; «когда старик входит в комнату, у него на бороде сосулька». «“Какая сильная погода! Как маленький ножик”, – говорит возница. У него руки замерзли и треснули от холодной погоды»; «Чан для воды лопнул»; «колодец замерз»; «Ночью, когда идёт метель, она накрывает весь дом, утром дверь невозможно открыть»²⁷⁰.

Расположение улиц, география города прописаны детально, с фотографической точностью: «Хулань – это такой маленький город, имеет только два больших проспекта, один с юга на север, другой с востока на запад. Самая известная улица называется перекрёсток, там есть аптека, чайный магазин, магазин золота, стоматологическая больница и другие. Кроме перекрёстка, ещё есть две улицы, одна называется восточная вторая улица, другая – западная вторая улица, все эти две улицы идут с юга до севера»²⁷¹. Сяо Хун описывает улицы Хуланя с макроскопической точки зрения в соответствии с пространственной последовательностью²⁷².

Особое внимание в повествовании уделено большой грязевой яме, практически болоту, где постоянно гибнут животные: «На второй восточной улице есть одно большое болото, пять или шесть футов глубиной. Если не идёт дождь, земля как каша, если идёт дождь, то это болото превращается в реку. А если больше месяца не идёт дождь, в болоте вообще нет влажности, вода испаряется, а земля в болоте становится вязкой, как клейстер»²⁷³.

Подробно описывая грязевую яму, Сяо Хун отмечает роль этого места в жизни хуланьцев. Яма мешает движению, в ней периодически вязнут экипажи, тонут различные животные, а иногда даже дети, она мешает ходьбе по улице и совсем не украшает город: «Это болото несет опасность для людей. Многие лошади и

²⁶⁹ 萧红. 呼兰河传. 长春, 2019. 页. 3 [Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. Чанчунь, 2019. С. 3].
Здесь и далее перевод Фэн Ишань.

²⁷⁰ Там же. С. 4.

²⁷¹ Там же. С. 6.

²⁷² 段从学. 呼兰河传的“写法”与“主题” // 中国现代文学研究丛刊. 2014. № 7. 页. 1–13 [Дуань Цунсюэ. Образы и тематика «Сказания о реке Хулань» // Серия исследований современной китайской литературы. 2014. № 7. С. 1–13].

²⁷³ 萧红. 呼兰河传. 长春, 2019. 页. 7 [Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. Чанчунь, 2019. С. 7].

возницы проваливались в болото и увязали в грязи. Только при помощи прохожих можно выйти из болота»²⁷⁴.

Болото является неотъемлемой частью жизни города, оно позволяет людям находить тему для беседы, общения, болото живое, у него своя жизнь, в которой каждый день что-то происходит, особенно в сравнении с жизнью самих хуланцев. Все люди очень заботятся о грязевой яме. И никто не говорит, что нужно засыпать болото землей. Однажды один старик упал в болото, когда его вытащили, он сказал: *«Это улица очень низкая, кроме этого болота нет места для ходьбы, вот дворы на двух сторонах, почему не демонтировать стену, чтобы было место»²⁷⁵*. Другие люди предлагают *«демонтировать стену»*, еще предлагают: *«сажать деревья (для того, чтобы ходить через болото, можно поднимать дерево)»²⁷⁶*. Однако засыпать болото не предлагает никто из жителей Хуланя.

Яма становится темой для беседы, люди с интересом узнают, кто из животных утонул в ней или попала ли в яму повозка. Эти беседы становятся развлечением в обычной жизни горожан Хуланя. *«Часто проваливались повозки с лошадьми, погибали цыплята и утята, что становится темой для разговоров, для развлечения. В этом болоте погибают поросята, собаки, котята, цыплята и утята»²⁷⁷*.

Помимо этого, яма решает вопрос питания: туда скидывают туши больных свиней, а затем продают их дешевле, не как больных, а как утонувших в яме. Например, если на рынке продают дешевую свинину, то люди вспоминают болото, и говорят, что *«эта свинья утонула в болоте»*. А если это свинина заражена, люди не признаются. *«...если нет этого болота, как покупать дешевую свинину, если есть болото, очень удобно, свинина с эпидемией может превратиться в свинину,*

²⁷⁴ Там же. С. 9].

²⁷⁵ Там же. С. 12.

²⁷⁶ Там же. С. 13.

²⁷⁷ Там же.

которая утонула в болоте. Люди покупают такое мясо, во-первых, очень экономно, во-вторых, не считается антисанитарным»²⁷⁸.

Сяо Хун сравнивает весь город с этой ямой, в романе ей уделяется столько же внимания, как и описанию храмов. Для хуланьцев болото-яма – олицетворение их жизни, это символ феодального Китая, мрачного прошлого маленьких средневековых городов. Самой писательнице удалось вырваться из этого болота, из тисков феодализма. Люди же Хуланя живут согласно привычкам, передаваемым тысячелетиями.

Особенность художественного этнографизма в том, что писатель схватывает своим сознанием наиболее яркое явление – в образной форме аккумулирующее типологические особенности. Так – в романе запечатлены самые характерные с точки зрения писательницы религиозные традиции Хуланя – как для коренного населения пограничного города, так и для выходцев из разных провинций, откуда они прибывали.

Религиозность хуланьцев, описанная Сяо Хун, охватывает различные практики, присущие жителям Северо-Восточного Китая. Хуланьцы, с одной стороны, верят в китайских богов, посещают храмы и совершают традиционные ритуалы, с другой стороны, верят в колдовство, шаманские практики, присущие как маньчжурам, так и китайцам, активно воспроизводя их в жизни.

Культ предков – основа религиозного сознания китайцев, восходящая к глубокой древности и присущая потому трем системам верований – даосизму, буддизму и конфуцианству. Культ предков связан с традицией поминовения умерших²⁷⁹. В народе это праздник получил название «Встреча призраков» (кит. 鬼节)²⁸⁰. 15 июля по лунному календарю в Китае пускают речные фонари по реке.

²⁷⁸ 萧红. 呼兰河传. 长春, 2019. 页. 13 [Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. Чанчунь, 2019. С. 13].

²⁷⁹ 高丙中. 中国民俗概论. 北京, 2009. 页. 279 [Гао Бинчжун. Введение в китайский фольклор. Пекин, 2009. С. 279].

²⁸⁰ 何新. 中外文化知识辞典. 哈尔滨, 1989. 页. 576 [Хэ Синь. Словарь китайских и иностранных культурных знаний. Харбин, 1989. С. 576].

Сяо Хун описывает этот красивый мистический праздник, в котором участвуют все жители Хуланя. Весь народ идет к реке и ждёт, когда взойдет луна, затем выпускает фонарики – в виде капусты, арбуза или лотоса. Люди думают, что в этот день, если каждый призрак будет держать речной фонарь в руках, то дорога из загробного мира до мира живых будет светлой, поэтому пускание фонарей – знак того, что живые люди не забыли о мертвых. *«Мертвые души не могут выбраться из своей жизни. Они замучены в аду и хотят выбраться, но выхода нет. Если в этот день каждый призрак держит речной фонарь, он может уйти из ада. Вероятно, дорога из реального мира в ад очень темная, и невозможно увидеть дорогу без огней. Так что поставить фонарь на реке – добрый поступок. Видно, что живые люди не совсем забыли души мертвых»²⁸¹.*

Вера в духов. Жители Хуланя, сохраняя невероятно безразличное отношение к жизни, испытывают при этом большой энтузиазм по отношению к миру духов – возможно, именно их беспомощность и незнание реального мира побудили их возлагать самые большие надежды на заботу о загробной жизни²⁸². В маленьком городке Хулань есть целый комплекс, рассчитанный на «обслуживание» духов – бесов и божеств Куй Шэн (кит. 鬼神 guishen)²⁸³: магазины, Храм Лао Е, Храм Няньнянь, Храм Лун-вана, Храм Цзу Ши и Храм Чэнхуан.

Чтобы задобрить духов, создана целая индустрия различных предметов для покойников 彩扎 (Cai Zha), которые помогут им в мире мертвых. В романе Сяо Хун описана особая техника ручной работы Чжа Цай [扎彩] – и так называется магазин, где продаются товары для умершего, которые должны помочь ему в мире мертвых. Сяо Хун описывает отношение китайцев к смерти и мертвым: *«Когда человек умирает, душа отправляется в ад. В аду, я боюсь, что у него нет дома, в котором он мог бы жить, нет одежды, которую он мог бы носить, и нет лошади, на которой*

²⁸¹ 萧红. 呼兰河传. 长春, 2019. 页. 39 [Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. Чанчунь, 2019. С. 39].

²⁸² Там же.

²⁸³ 方克立. 中国哲学大辞典. 北京, 1994. 页. 436 [Фан Кэли. Словарь китайской философии. Пекин, 1994. С. 436].

можно было бы ездить. Живые люди делают для него такой набор и сжигают его на огне. Говорят, что все это попадет в преисподнюю»²⁸⁴.

Помимо этого, в романе красочно и с этнографической точностью описаны шаманские ритуалы (к ним можно отнести 跳大神 Tiao Da Shen), шаманский танец²⁸⁵, а также традиции посещения храмов и поклонение богам.

Храмовый праздник восемнадцатого апреля Няннян (娘娘), или храмовая ярмарка Няннян (богини-покровительницы чадородия), также предназначена для богов и призраков. Местное название этой храмовой ярмарки – «Посещение храма» (кит. 逛庙会):

«Все люди посещают храм, но большинство из них – женщины. После посещения люди гуляют на улице, там продаются игрушки, самая известная игрушка – это ванька-встанька (不倒翁). Каждая семья покупает, богатые семьи – большую, бедные – маленькую. После праздника у каждой семьи есть ванька-встанька, таким образом, игрушка показывает, что эта семья участвовала в посещении храма. В народной песне поётся: "Девушка идёт в храм, ходит кругами и поворотами, купит ваньку-встаньку и вернется домой"»²⁸⁶.

Храмовая ярмарка Няннян связана с легендой о Бессмертной фее Бисе (碧霞元君)²⁸⁷. Бессмертная фея Бися была богиней, которая поднялась на гору Тайшань в период Чжэньцзун династии Северная Сун (宋真宗, 968–1022). После того, как Бессмертная фея Бися «родила», она стала богиней, отвечающей за плодородие и благословляющей мир, ее храм также называют Храмом Богини-покровительницы чадородия²⁸⁸ (храм Няннян).

²⁸⁴ 萧红. 呼兰河传. 长春, 2019. 页. 39 [Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. Чанчунь, 2019. С. 39].

²⁸⁵ Там же. С. 37].

²⁸⁶ Там же. С. 57.

²⁸⁷ 丁世良. 中国地方志民俗资料汇编 (东北卷). 北京, 1989. 506 页. [Дин Шилян. Сборник китайских местных хроник и фольклорных материалов (Северо-восток). Пекин, 1989. 506 с.].

²⁸⁸ Согласно хроникам, храмы Бессмертной феи Биси распространены в Шаньдуне, Хэбэй, Хэнани, Шаньси, Аньхойе, Шэньси и других местах на севере, также расположен в Цзянсу, Чжэцзян, Цзянси, Хунань, Хубэй, Гуандун, Сычуань и др. Среди них наиболее распространены районы Шаньдун, Хэбэй и Хэнань.

Этнические меньшинства – чжурчжэни, маньчжуры, дауры – не знали Бессмертную фею Бисю. Появление многочисленных храмов Няннян²⁸⁹ в этих районах в период ранней династии Цин Шэнцзине (Шэньяне), Цзилине и Хэйлунцзяне, по мнению Тянь Чэнцзюнь, связано с миграцией северных хань: «Когда мигранты приезжали в необжитый Северо-Восточный регион, утрата родных мест и проживание в другом месте вызывали у них особую тоску по родине. Оказавшись вдали от родины, они еще больше дорожили растениями, деревьями, горами, и реками в родном городе, упорно трудились для сохранения обычаев, традиций и народных верований родного города»²⁹⁰.

Причин, по которым мигранты и их потомки так сильно поклонялись Бессмертной фее Бисе, несколько. Во-первых, это даровало возможность на чужбине получить благословение богов города исхода. Во-вторых, суровая окружающая среда. На обширных северо-восточных равнинах размножение людей особенно важно, а Бессмертная фея Бися – богиня, отвечающая за плодородие в легенде, поэтому люди поклоняются ей еще больше. В-третьих, храм Няннян играет роль объединяющего начала в местах компактного поселения мигрантов из Шаньдун, Хэбэй и Хэнань, объединяет чувства земляков. Каждый год во время храмовой ярмарки Няннян в апреле многие земляки, разбросанные по всей стране, приезжают, чтобы принять участие в храмовой ярмарке и поговорить о своей ностальгии по родным местам²⁹¹.

²⁸⁹ И сегодня Бессмертная фея Бися по-прежнему имеет сильный региональный характер. У нее больше верующих и более обширная база веры в Шаньдуне, Хэбэе, Хэнане и других провинциях (две провинции Хэбэй и Хэнань примыкают к Шаньдуну и имеют схожие культурные традиции, обычаи и т.д.). Люди в этих районах больше любят и восхищаются феей Бисей, чем в Центральном и Южном Китае.

²⁹⁰ 田承军. 清代东北地区的碧霞元君庙 // 泰安师专学报. 2002. № 1. 页. 18–21 [Тянь Чэнцзюнь. Храм Бессмертная фея Бися на северо-востоке Китая во времена династии Цин // Журнал Тайаньского педагогического колледжа. 2002. № 1. С. 18–21]; 石秀峰. 民国. 礼俗志 // 盖平县志. 2002. 卷. 10. № 1. 页. 18–21 [Ши Сюэфэн. Китайская Республика. Хроника обрядов и обычаев // Хроника округа Гайпин. 2002. Т. 10. № 1. С. 18–21].

²⁹¹ 田承军. 清代东北地区的碧霞元君庙 // 泰安师专学报. 2002. № 1. 页. 18–21 [Тянь Чэнцзюнь. Храм Бессмертная фея Бися на северо-востоке Китая во времена династии Цин // Журнал Тайаньского педагогического колледжа. 2002. № 1. С. 18–21].

Следующие пять глав романа описывают детские воспоминания о родных людях – дедушке, невестке Туань Юань, Фэн Вэйцзуйцзы и втором дядюшке Ю.

Самым значимым для писательницы является образ ее родного дедушки, с которым ее связывало духовное родство: *«В этом маленьком городе Хулань живёт мой дедушка»*. Личность деда делает Хулань родным, ведь там живет самый близкий для писательницы человек. Несмотря на значительную разницу в возрасте (*«когда я родилась, дедушке уже было за 60, когда мне исполнилось 4–5 лет, дедушке было под 70 лет»*), внучка и дед – настоящие друзья: *«Только мой дедушка больше всего заботился обо мне из дома. И так, весь день, он за дверь, и я за дверь. Он часто учил меня читать стихи и водил меня играть во внутренний сад»*²⁹². Героиня вспоминает о том, как играла с дедушкой в саду – месте, которое объединило два поколения любящих друг друга родных. Сад стал местом, где прошли самые счастливые моменты детства писательницы: *«У нашей семьи есть большой сад, дедушка целый день в заднем саду, я тоже вместе с дедушкой, все, что дедушка делает, я тоже делаю. Например: дедушка сажает цветы, я тоже сажаю, дедушка выдёргивает траву, я тоже выдёргиваю и т.д.»*²⁹³.

Сад – это то пространство, где аккумулированы лучшие воспоминания девочки о своей родине: *«когда я родилась, я принесла дедушке бесконечную радость, когда я выросла, дедушка очень любил меня, заставлял меня чувствовать, что в этом мире есть дедушка и этого достаточно, так чего я ещё боюсь? Хотя отец относится ко мне равнодушно, мать говорит плохие слова, все это для меня не важно. Кроме того, у меня ещё есть сад!»*²⁹⁴.

Дед – старейшина династии, рода, который жил на этой земле. Он передает внучке свою любовь к родной земле через заботу о саде. Сад становится важной частью образа родного дома, родной земли, родины в сознании героини: *«Когда я не могла ходить, дед меня держал. Я пошла, дед тянет меня в сад. Дед и внучка*

²⁹² 萧红. 呼兰河传. 长春, 2019. 页. 58 [Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. Чанчунь, 2019. С. 58].

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Там же. С. 70–71.

близки друг другу и безмерно счастливы. Я нашла свободу и счастье в саду за домом»²⁹⁵.

Дом и двор, наоборот, описаны в романе как опустевшее гнездо: «Мой дом опустелый / Двор моего дома очень опустелый / Двор моего дома очень опустелый / Мой дом опустелый»²⁹⁶. Автор неоднократно подчеркивает пустоту своего дома, что, возможно, связано с холодными отношениями в семье Сяо Хун, с нелюбовью близких родственников: «моя семья пустынная», «двор моей семьи пустынный», то есть пустой, потому что в их доме комнат много, двор большой, а людей мало, нет близости между родственниками (истории невестки Туань Юань, Фэн Вэйцзуйцзы, о дядюшке Ю²⁹⁷).

Для Сяо Хун понятие родины – это родные места, родной город, родная земля, и в то же время родина предков, где поколениями жили самые близкие люди. И хотя в «Сказании о реке Хулань» писательница описывает все неприглядные стороны феодализма в Китае, в то же время она искренне любит свою родину, своего дедушку, свой сад²⁹⁸.

Образ родины стал основной темой произведений и северо-восточного писателя Дуаньму Хунляна (25 сентября 1912 г. – 5 октября 1996 г.), настоящее имя Цао Ханьвэнь (Цао Цзинпин); родился в уезде Чанту провинции Ляонин²⁹⁹.

В 1928 г. будущий писатель поступил в среднюю школу Нанкай в Тяньцзине. В 1932 г. Дуаньму Хунлян поступил на исторический факультет Университета Цинхуа, в том же году вступил в «Левую лигу», начал литературную деятельность и опубликовал первый роман «Мать» 《母亲》, начал писать роман «Степь Хорчинского аймака» в 1933 г. и завершил его в 1935 г. В годы сопротивления Японии и

²⁹⁵ 萧红. 呼兰河传. 长春, 2019. 页. 62 [Сяо Хун. Сказание о реке Хулань. Чанчунь, 2019. С. 62].

²⁹⁶ Там же. С. 86.

²⁹⁷ Там же. С. 104.

²⁹⁸ 莫珊珊. 试论萧红《呼兰河传》中的“家园”书写 // 名作欣赏. 2017. № 12. 页. 69–70 [Мо Шаньшань. Обсуждение образа Родины в «Сказании о реке Хулань» Сяо Хун // Оценка шедевров. 2017. № 12. С. 69–70].

²⁹⁹ 侯志平. 中国世界语人物志. 北京, 2002. 161 页. [Хоу Чжипин. Описание персонажей китайского эсперанто. Пекин, 2002. 161 с.]; 教育部. 语文七年级下册. 北京, 2016. 169 页. [Филология: учебник: 7 класс / Под ред. Вэнь Жумин. Пекин, 2016. 169 с.].

освободительной войны писатель последовательно преподавал в Шаньси, Чунцине и других местах. В Чунцине, Гонконге, Шанхае и других местах он редактировал журналы «Обсуждение» («论述»), «Литература времени» («时代文学»), «Великая река» («大河») и долгое время занимался прогрессивной культурной работой и литературным творчеством.

Главные произведения – роман «Степь Хорчинского аймака» 《科尔沁旗草原》, «Земное море» 《大地的海》, «Пейзаж в Цзяннань» 《江南风景》, «Клятва земли» 《土地的誓言》, сборник рассказов «Ненависть» 《憎恨》 и др.

Как отмечает Чжан Чан, «ностальгия – одна из важных культурных тем в антияпонских романах на материке во время антияпонской войны. Можно сказать, что комплекс ностальгии – это комплекс, от которого не могут отказаться все китайцы, потому что китайская нация и земля неразрывно связаны кровными узами. Ностальгия – это своего рода эмоциональный опыт, повторяемый людьми и имеющий долгую историю. Он постоянно усиливался в жизненном опыте китайцев. Он вышел за пределы личного опыта и вошел в коллективное бессознательное китайского народа»³⁰⁰.

Родина, которую видит писатель, – это не просто непрерывный кусок желтой и черной земли, описание родины включает в себя описание пейзажей, времен года, родного города, родственников и друзей, легенды и мифы, сельскую систему и т.д.³⁰¹.

Чэн Цзихуэй, анализируя творчество Дуаньму Хунляна и его единомышленников, подчеркивает: «авторы сельских романов 1930-х гг. обратили все внимание на "ключ к земле". Благодаря богатому культурному содержанию, содержащемуся в "земле", они раскрывают облик китайской деревни 1930-х годов»³⁰².

³⁰⁰ 张畅. 共同的怀乡母题不同的文学书写 // 集美大学学报 (哲学社会科学版). 2012. № 15(02). 页. 99–104 [Чжан Чан. Общие мотивы ностальгии и разные литературные произведения // Журнал Университета Цзимей. Сер.: Философия и общественные науки. 2012. № 15(02). С. 99–104].

³⁰¹ Там же.

³⁰² 陈继会. 中国乡土小说史. 合肥, 1999. 页. 143 [Чэнь Цзихуэй. История китайских сельских романов. Хэфэй, 1999. С. 143].

В автобиографии Дуаньму Хунлянь неоднократно говорит о своей связи с плотью и кровью своего родного города на Северо-Востоке. Он сравнивает землю с образом матери: «Земля – моя мать ... Я – плоть от плоти земли, и я не могу уйти от нее»³⁰³. Он воспринимает свое писательское умение как долг перед родиной: «Я живу так, будто приехал сюда специально, чтобы писать историю земли»³⁰⁴. После эмиграции его тоска по родине возрастает с каждым днём. Потеряв родную землю, он с грустью писал: «Все, что я пишу, – это истории о почве»³⁰⁵.

Судьба матери Дуаньму Хунляня оказала на него и его творчество огромное влияние: «Судьба моей красивой и доброй матери такова: молодой сын крупного землевладельца в большом городе жестоким способом отобрал дочь у крестьянина-арендатора, сделав ее своей второй женой»³⁰⁶. Врожденная ненависть и любовь, текущая в крови, не дает уйти от моей тоски!»³⁰⁷. В его творчестве любовь к земле и первородная ненависть переплелись в едином чувстве.

В интервью писатель признается: «Тургенев сказал: "Можно только любить свою родину". Я не исключение. Люди рождаются на земле, люди рождаются от своих матерей, обе дарят мне жизнь. На данный момент человек является частью природы, и эти двое едины. Когда ребенок рождается, говорят в других местах – "приземляется", но в моем родном городе говорят – "падает в траву". С тех пор люди неотделимы от земли. Судьба моей матери несчастна, и судьба моей родины несчастна; в то же время земля, которая меня питает, прекрасна, и мать, которая

³⁰³ 端木蕻良. 土地的誓言 // 时代文学. 1941. № 5. 页. 6–8 [Дуаньму Хунлянь. Клятва земли // Время литературы. 1941. № 5. С. 6–8].

³⁰⁴ 端木蕻良. 我的创作经验 // 万象. 1944. № 5 [Дуаньму Хунлянь. Мой творческий опыт // Природа жизни. 1944. № 5].

³⁰⁵ 端木蕻良. 大地的海. 上海, 1957. 页. 259 [Дуаньму Хунлянь. Земное море. Шанхай, 1957. С. 259].

³⁰⁶ У отца Дуаньму есть жена, её фамилия Ван, и у них есть одна дочь, мать Дуаньму очень красивая, ее фамилия Хуан. Его отец взял ее силой, чтобы жениться, и она родила ему четверых сыновей. Дуаньму – младший сын, и мать часто рассказывала ему о её жизни, поэтому он с сочувствием относился к несчастью своей матери с детства. Первым псевдонимом, использованным в школьные годы, была фамилия матери по имени «Хуан Е», и первый опубликованный роман также был назван «Мать».

³⁰⁷ 端木蕻良. 我控诉, 为了三千万被侮辱和损害的人民 // 新华日报. 1946. № 4. 页. 25 [Дуаньму Хунлянь. Я подаю в суд на 30 миллионов человек, которые подверглись оскорблениям и причинению вреда // Синьхуа. 1946. № 4. С. 25].

меня родила, также красива. Моя мать заслуживает того, чтобы ее называли дочерью пастбища»³⁰⁸.

«Земное море» описывает искреннюю любовь к родной земле Дуаньму Хунляна. В романе речь идет о том, что на Гуаньдунской равнине на Северо-Востоке есть одно родное место для писателя, которое называется «Ляньхуапао» (莲花泡): *«Если в мире есть пустынное и привольное место, то это место является самым знаменитым. Какое безмолвное: укромнее, чем пустыня, проще, чем пустыня, если утренний ветер весёлый, то он может дуть до конца горизонта. ... Это место было очень однообразно, его украшает пустынный пейзаж»*³⁰⁹.

Он описывает климатические особенности родного края на Северо-Востоке Китая, отмечая суровость этих мест, холодные зимы и ветра: *«Зимой идёт снег, такое тихое пространство заполняют снег, снег идёт сильнее и сильнее и ветер холодный»*³¹⁰. И даже весна здесь холодная, жесткая: *«...весной так пустынна северная часть Китая, не теплее, чем зимой, ветер настолько сильный и холодный, что уши, нос, щеки людей сильно мерзнут. Сильный северный ветер даже вырвал толстое дерево, и часто идёт дождь»*³¹¹.

Летнюю пору писатель описывает поэтически: *«В начале лета ветер мягкий, уже проросли восходы, в Ляньхуапао нет застоя воды, земля как зелёное море, на земле, перед глазами можно увидеть коричневые почвы, если смотреть издали, земля как желто-зелёное озеро»*³¹².

Родная земля для него – живая. О сравнивает ее с матерью, придает ей антропоморфные черты: *«они родились на земле, они являются сыновьями земли», «только земля является настоящей матерью сына», «сын земли приехал сюда, чтобы возделывать, работать и жить, потом вернуться к земле», «они являются*

³⁰⁸ 杨义. 叩问作家心灵. 北京, 2000. 页. 101 [Ян И. Спросите душу писателя. Пекин, 2000. С. 101].

³⁰⁹ 端木蕻良. 大地的海. 上海, 1957. 页. 3 [Дуаньму Хунлян. Земное море. Шанхай, 1957. С. 3].

³¹⁰ Там же. С. 246.

³¹¹ Там же. С. 8.

³¹² Там же. С. 125.

сыновьями земли», «земля воспитывает их, стала их колыбелью, няней, кормилицей, смотрит, как они спят, растут, смеются»; «земля заболела, у земли грипп», «кожа земли из-за слабости выглядит бледно».

Он не использует прямое название, употребляя местоимение «она», воссоздавая архетипическое отношение крестьян к земле-божеству, земле-родительнице. Во время страды *«люди знают, когда ей нужно удобрение, знают, когда она хочет пить, только они могут заботиться о земле, проявлять любовь к земле»³¹³*. Когда японцы оккупировали его родной край, крестьяне утрачивают эту родственную (утробную) связь с землей: *«Они относились к ней холодно, хотя они ходят по земле, в руках их лежит земля, но земля уже не у них»³¹⁴*. Война превращает его цветущую степь – в пустыню.

Герои романа каждый по-своему проходят проверку своим отношением к земле (Папаша Ай и два его сына, Хутоу и Лайтоу, девушка Синьцзы). Ставший предателем родной земли, Хутоу также относится и к своему чувству к любимой девушке, убивая ее после поругания.

Концептуальное понятие родины для Дуаньму Хунляна – это родная земля, которую он сравнивает с матерью, это родина предков, то, что рождает самого человека, в творчестве писателя человек – плоть от плоти родной земли.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

Период антияпонского сопротивления в Китае связан с деятельностью группы северо-восточных писателей, для которых Северная Маньчжурия не была настоящей родиной (Сяо Хун, Сяо Цзюнь, Дуаньму Хунлян). В ситуации, когда недавние мигранты (потомки мигрантов) были вынуждены оставить уже ставшие привычными места и отправиться в изгнание, их представление о родине востребовало укорененное в традиции представление о родных местах, родной земле предков. Литераторы периода антияпонского сопротивления придали образу родины особые значения, связанные с высоким патриотизмом и желанием освободить род-

³¹³ 端木蕻良. 大地的海. 上海, 1957. 页. 86 [Дуаньму Хунлян. Земное море. Шанхай, 1957. С. 86].

³¹⁴ Там же.

ную землю, ставшую им матерью, и всю страну от захватчиков. Образ родины связан с образами родной земли, родной природы – родной матери, любимой женщины (Дуаньму Хунлянь), места, которое стало родиной для китайских мигрантов из центральной части страны, с теми традициями и обычаями, что принесли с собой переселенцы (Сяо Хун). Так традиционный образ *земли предков* обретает черты образа *Родины-матери*, щедрой кормилицы и заботливой родительницы, возлюбленной, на которую посягают иноземцы-японцы, этот образ становится ключевым в китайской литературе дальневосточного фронта. Именно такие коннотации образа родины лягут в современные метафорические обозначения представлений китайцев и сформируют новое понятие «страна предков».

Глава 3. Формирование образа родины в русской литературе Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.

Русская литература Маньчжурии – часть русской литературы дальневосточного фронта, в своем комплексе включающей и литературу российского Дальнего Востока. До 1917 г. русская дальневосточная литература развивалась в русле общих тенденций провинциальной литературы, ориентированной на традиции русской классики, народнического бума конца XIX в., «серебряного века» и нарождающихся социалистических импульсов. При этом бесконечные пространства Уссурийской и Маньчжурской тайги, богатые удивительными представителями флоры и фауны, населенные экзотическими народами, создают особые предпосылки для возникновения в этой литературе абсолютно новых тем и даже направления.

С началом строительства КВЖД (Китайской Восточной железной дороги), образованием на территории полудикой Маньчжурии Харбина русские писатели начинают постепенно осваивать новые пространства, свободно вояжируя из Харбина – во Владивосток (В.К. Арсеньев, В. Март), из Благовещенска – в Харбин (П. Чудаков). Ни события «боксерского восстания», ни русско-японская война не мешают осознавать данные территории неким общим для русских и китайских пассионариев пространством поиска лучшей доли и достата³¹⁵.

До 1917 г. ощущение единого геополитического пространства, скрепляющего линию дороги и просторы России и Маньчжурии, не вызывает в творчестве немногочисленных авторов, связавших свою жизнь с Маньчжурией, особых позывов к рефлексии образа Родины. Россия, хоть и далекая, является центробежной силой, определяющей развитие социально-культурной, этнорелигиозной и политической жизни этого региона. А по линии КВЖД практически все жители говорят по-русски, действует российская инфраструктура. Харбин обустроивается по типу военных российских поселений, за его архитектурный образец берется петербургская модель. Командированные «на ветку» жители Российской империи ощущают

³¹⁵ *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. М., 2004. 432 с.

себя выполняющими государственное задание по обустройству этих целинных пространств. Никто не ощущает себя живущими на чужбине, в Китае – о подобном восприятии русскими Маньчжурии пишут китайские писатели, в то время посещавшие Харбин³¹⁶.

Особые смыслы понимания родины как базовой универсалии русского этнического сознания пробудились в русской ментальности в момент резкого слома социальной системы и потери реальной родины в период эмиграции 20–40-х гг. XX в. Рассеявшиеся по разным странам и континентам русские беженцы были вынуждены примерять свои глубинные представления о родной земле, родной природе, родных людях – к абсолютно чуждым реалиям³¹⁷. Так представления о Святой Руси, России-матушке, родине-матери, складывающиеся в русском этническом сознании веками, подверглись трансформациям, особенно явным в художественном творчестве.

Специфика художественного самопознания русских писателей в Маньчжурии 20–40-х гг. XX в. сложилась в особых пространственно-временных и ментальных координатах. После революции 1917 гг., Гражданской войны и вынужденной эмиграции сотен тысяч русских в Маньчжурию дальневосточное порубежье, помимо пространственных и геополитических, обрело экзистенциальные характеристики границы между жизнью//смертью, эмиграцией//метрополией, и онтологические, связанные с восприятием прошлого//будущего, отчизны//чужбины, России//Китая.

Особенным образом дальневосточный фронт и порубежная ментальность отразились в художественном творчестве харбинских писателей и поэтов, в первую

³¹⁶ *Сенина Е.В.* Образ России и русских в «Путевых заметках о новой России» Цюй Цюбо // Проблемы Дальнего Востока. 2017. №4. С. 158–166.

³¹⁷ *Агеносов В.В., Выгон Н.С., Леденев А.В.* История литературы русского зарубежья. Первая волна. М., 2022. 365 с.; *Агеносов В.В.* Категории «свое/чужое» как выражение национальной идентичности в поэтическом сознании русских эмигрантов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 7: Мост через Амур. Благовещенск, 2006. С. 273–285.

очередь – в динамическом развитии в их художественных рефлексиях коннотативной цепочки фронтирных образов-концептов: *родина–граница–эмиграция–пограничье*³¹⁸.

Данная парадигма репрезентативно прослеживается в творчестве, казалось бы, абсолютно разных с точки зрения социокультурного опыта и художественного мировидения поэтов – А. Ачаира, А. Несмелова, М. Колосовой, Н. Щеголева, В. Перелешина, Ю. Крузенштерн-Петерек и др. Именно лирическое творчество становится той сгущенной формой концентрации ментальных представлений эмигрантов, которые обращены к образу Родины.

3.1 Религиозно-философские, социально-политические коннотации образа Родины в творчестве старшего поколения дальневосточной эмиграции (А. Ачаир, М. Колосова, А. Несмелов)

Для старшего поколения дальневосточных эмигрантов, родившегося в России и покинувшего ее, чувство родины связывалось не только с местом рождения, географической принадлежностью, но и представлениями о прошлом: величии Российской империи, гордостью за историческое прошлое Родины, тоской о покинутом доме – каким бы он ни был³¹⁹. Старшие эмигранты были представлены разными социальными слоями, выходцами из разных регионов бывшей империи, но большую – интеллектуально активную их часть составляли белопоходники, пережившие Ледяной поход, прошедшие дальневосточными дорогами отступления и потерь³²⁰. В их сознании Россия обрела мифологический образ, во многом восходящий к древнерусским истокам: «Святой Руси» как оплота православной идеи, Руси-

³¹⁸ *Zabiyako A.A., Zinenko Ya.V., Feng Yishan, Zhou Xinyu, Liu Shi. Frontier as an artistic concept // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2021. Vol. 102. P. 1172–1179.*

³¹⁹ *Забияко А.А. Дальневосточный фронтир в художественном сознании русских эмигрантов // Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015. С. 142–158.*

³²⁰ *Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М., 2004. С. 86–90.*

матушки – родины отцов и дедов, Русской земли как опоры государственности и силы. При этом этнические, конфессиональные, языковые различия перестали иметь значение в ситуации встречи с инокультурой в порубежье. Русскость стала доминантой сознания, Россия – абсолютной величиной. Таким образом, укорененное представление о Родине – России, пронизывающее сознание старших эмигрантов, курьезным образом отразилось в воспринимающем сознании живущих с ними бок о бок китайцев: «Помню такой забавный эпизод. Где-то в году 1948 или 1949, когда ещё не совсем закончилась китайская гражданская война и ещё трудно было куда-либо выехать из Харбина, и вдруг наш местный китаец-лавочник заявил, что он продаёт свою лавку и уезжает... в Россию (!?) Это было просто невероятно. Ведь Россия – СССР тогда и для русских харбинцев была недоступна, и вдруг китаец-лавочник едет туда?! Когда же его ещё раз спросили, правда ли, что он уезжает в Россию? Ответ был – да, в Россию. Тогда его спросили: а в какой город? Ответ был: "в Чифу" (это старое название теперешнего города Яньтай в китайской провинции Шаньдун). Оказалось, что из разговоров русских он вынес впечатление, что Родина и Россия – это одно и то же, – синонимы. Поэтому вместо того, чтобы сказать, что уезжает к себе на родину, т.е. в китайский Шаньдун, он сказал, что едет в Россию!»³²¹

Выразителями этнического сознания дальневосточной эмиграции изначально становятся литературно одаренные ее представители, в первую очередь – поэты (В. Крейд)³²². Одним из самых ярких поэтов-эмигрантов старшего поколения является Алексей Алексеевич Ачаир – самобытный поэт, внесший значительный вклад в литературу дальневосточной эмиграции³²³.

Алексей Алексеевич Ачаир (Грызов) родился в семье потомственного казака, полковника Сибирского казачьего войска. Местом рождения стала станица Ачаир

³²¹ Мезин Н. Харбинцы // Единение: газета русской общины Австралии с 1950 года. URL: <https://www.unification.com.au/articles/1553809797/> (дата обращения: 01.12. 2022).

³²² Крейд В. Все звезды повидав чужие... [вступ. ст.] // Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 5–38.

³²³ Фэн Ишань. Образ Родины в художественной картине мира дальневосточного поэта-эмигранта Алексея Ачаира // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. XVII. Вып. 1. С. 205–211.

под Омском. Название малой родины впоследствии стало псевдонимом поэта и во многом определило его творческую направленность³²⁴.

А. Ачаир не принял революцию, пройдя через массу испытаний – контузию, болезни, Гражданскую войну, Ледяной поход – в 1922 г. после того, как Владивосток заняли красные, он пешком дошел до Кореи, затем оказался в Китае, в Харбине – городе, приютившем многих беженцев из Российской Империи. Здесь Ачаир стал активно развивать литературные таланты и культурную жизнь русской молодежи³²⁵.

Детство и юность, проведенные на Алтае – регионе, где исторически переплелись судьбы разных народов, языков, культур, – определили особенности этнической картины мира поэта и его политические ориентации³²⁶. Ачаир мечтал о том, что когда-нибудь Сибирь сможет стать отдельным регионом, где богатство природных недр, пространственная протяженность органично переплетутся с творческим потенциалом лучших представителей населяющих Сибирь этносов³²⁷.

Значимой вехой в постижении искусства и духовных основ стало для Ачаира учение Николая Рериха – художника, эмигранта и философа. Ачаиру были близки идеи Живой Этики – духовного пути совершенствования через искусство, расширение границ познания, что и отразилось в его произведениях³²⁸. Рерихианство также повлияло на концепцию образа родины в мире поэта.

В 1923 г. Ачаир стал руководителем «Христианского союза молодых людей» в Харбине, а также основателем и вдохновителем литературно-художественного кружка «Молодая Чураевка», с 1926 г. – редактором газеты «Чураевка». Это объединение стало оплотом развития русской культуры и литературы в Харбине³²⁹. В своей «Чураевке», названной так вослед идеям Г. Гребенщикова – автора «Братьев

³²⁴ Горшенин А. Дорога к дому // Сибирские огни. 2011. № 8.

³²⁵ Жутикова Н., Таскина Е. К столетию со дня рождения А. Ачаира // На сопках Маньчжурии. Новосибирск. 1996. № 35.

³²⁶ Забияко А.А. Тропа судьбы А. Ачаира. Благовещенск, 2007. 250 с.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Горшенин А. Дорога к дому // Сибирские огни. 2011. №8.

³²⁹ Росов В. «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира // Новый журнал. Нью-Йорк, 2009. № 256. С. 239–263.

Чураевых», создателя одноименной русской деревни в Америке, ученика Рериха – Ачаир мечтал воплотить все свои религиозно-философские и патриотические устремления.

Ачаир писал стихи, пробовал себя в разных жанрах и формах. На поэтическое мировидение Ачаира оказало влияние творчество поэтов Серебряного века, а именно – Н.С. Гумилева, С.А. Есенина, А. Блока, А. Ахматовой и других поэтов³³⁰. Не имея возможности посещать литературные салоны Москвы и Санкт-Петербурга, Ачаир выбрал эстетику поэтов-модернистов, но наполнил свои тексты собственной органикой – ощущениями казака-белопоходника, выросшего в Сибири и имеющего свое представление о судьбе России.

Творчество А.А. Ачаира дает богатый материал для понимания различных коннотаций образа Родины в художественном сознании дальневосточных эмигрантов старшего поколения. Он создавал в произведениях свое мифологическое пространство – Россию, оставшуюся в душе и воплощенную в харбинской лирике. Поэтом было написано 5 книг: «Первая» (Харбин, 1925); «Лаконизмы» (Харбин, 1937); «Полынь и солнце» (Харбин, 1938); «Тропы» (Харбин, 1939); «Под золотым небом» (Харбин, 1943), также Ачаир много печатался в журналах, общих сборниках³³¹.

В сознании многих эмигрантов и более поздних читателей Алексей Ачаир ассоциируется с сакраментальной фразой, ставшей девизом русского беженства в его отношении к Родине:

Не согнула судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
А за то, что нас Родина выгнала –
Мы по свету ее разнесли

«По странам рассеяния» [Первая, 1925]³³²

³³⁰ *Забияко А.А.* Тропа судьбы А. Ачаира. Благовещенск, 2007. 250 с.

³³¹ Там же.

³³² *Ачаир А.* Мне кто-то бесконечно дорог. М., 2009. С. 40.

Образ Родины представляется ключевым в художественном мире Ачаира – 419 стихотворений, составляющих его книги, содержат 75 разнообразных коннотаций: Родина, Россия (милая, родная), Сибирь (моя, милая), Русь (Вселенская, Великая, Древняя), земля (моя, родная, холодная, милая, дорогая), родной край, родной дом; моя страна; отчизна // чужбина; и др.³³³.

Выделенные образы-концепты создают несколько семантических групп, особым образом характеризующих как модели исторической памяти русских эмигрантов в целом, так и индивидуальную картину мира Алексея Ачаира.

1. Утраченная Родина не только как конкретное историческое, хронологическое и территориально закрепленное понятие, но как обобщенный и мифологизированный образ «Русской земли». Именно такое понимание образа Родины характеризует ранние этапы формирования этнического сознания русских, очевидно, актуализированное в эмиграции в сознании поэтов старшего поколения.

Жизнь в эмиграции наложила на чувства Ачаира к России особые оттенки: ностальгии, грусти, тоски. В эту группу входят образы-понятия «Россия», «Родина», «моя страна», «отчизна// чужбина», «родная земля», «наша земля».

Он напрямую обращается к Родине:

Прекраснейшую изо всех даров,
из всех красот и мифов небывалых...
О, *Родина*, виденьем у дорог
встающая на снежных перевалах!

«Дары вершин» [Полынь и солнце, 11 июля 1935]³³⁴

Неслучайно отношение к Родине перекликается с отношением к возлюбленной:

Как этот, еле уловимый
осенний запах *русских трав*...
Как будто встретиться с любимой,
перед которой был неправ.

³³³ Фэн Ишань. Образ Родины в лирике А. Ачаира // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае / Отв. ред. Ли Яньлин. Владивосток, 2019. С. 242–250.

³³⁴ Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог. М., 2009. С. 67.

«Родные травы» [Полынь и солнце, 1932]³³⁵

Любовь у Ачаира «горчит», она наполнена сожалением, горечью расставания, невозможностью забыть. Его любовь оставляет ощущение печали и грусти:

Оттого и молчит, что понять,
как питаются телом и кровью, –
это значит – *Россию* обнять
с небывалой и грустной любовью!

«Чаша неба» [Рубеж, 21 декабря 1929, №52]³³⁶

Чувство утраты такой важной части человеческой жизни, как Родина, приводит лирического героя Ачаира к рассуждениям о чужой России – советской. Эта чужая Россия не приняла его; он подчеркивает разницу между двумя «родинами».

Именно в такой ситуации Китай стал для Ачаира новой Родиной, которую он приветствует как новый этап жизни.

Привет наш Востоку! Привет наш восходам янтарным!
Теперь мы в *России*, и каждый – хотел и достиг
желанной победы... И сорван листок календарный.
Харбинское время – сверкающей юности миг.

«Когда-нибудь...» [Сборник А.Т. Тарам, А.Ф. Недельского,
В.В. Белоусовой, 1922–1942]³³⁷

В то же время чужбина – это эмиграция, которая тяготит и даже кажется сном, навеянным миражом. Стихотворения «Халло, Иркутск» (1928), «Эмигрантка» (1933), «Как и прежде» (1933), «Ноктюрн» (1940) показывают эмигрантский быт как суровую реальность Китая, а удел эмигрантов – лишь мечтать о возвращении назад, в былую Россию:

Суровые лица
со мной и бездушные боги.
Ты – в шумной столице
встаешь на вечерней заре.
Мы Бога просили –
(Как горестно быть одиноким!)
о *милой России*,

³³⁵ Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог. М., 2009. С. 58.

³³⁶ Там же. С. 219.

³³⁷ Там же. С. 410.

о встрече на *нашей земле*

«Как и прежде» [Тропы, 1933]³³⁸

Автор подчеркивает, что верность «Русской земле» дает силы выстоять среди невзгод, надежда помогает не опускать руки, верить в будущее своей страны.

Но, верностью нашей хранимо,
когда мы брести не могли,
перед нами сияло незримо
величие *Русской земли*.

«За рубежом» [Рубеж, 1941, № 16]³³⁹

В образе «Русской земли» А. Ачаир выражает свою органическую связь с древними представлениями предков, мифологизирующих свои представления о родине³⁴⁰. Его Родина обладает всеми приписываемыми Русской земле мифологическими характеристиками (правильной по понятиям мифологического мышления устроенностью, религиозной праведностью, божественным присутствием и попечительством, чистотой, светлостью)³⁴¹. Эти представления обуславливают появление религиозных коннотаций в образе-концепте «Русской земли» и рождение группы образов со значением святости, приписываемым Русской земле – «Святой Руси».

2. Родина – «Святая Русь»; в эту группу входят понятия «Русь», «Вселенская Русь», объединенные общим значением религиозно-философского характера³⁴². Подобный «образ Руси отстрадавшей и готовой еще пострадать во славу Божию выступал необходимой предпосылкой развития идеи святости Руси» – плоть от плоти мифологической картины мира, усвоенной из древности³⁴³.

Ачаир обращается к истории Древней Руси, пытается осмыслить настоящее своей Родины сквозь призму становления российской государственности:

Люблю Руси *старинный вид*,
боярских шапок мех и бархат.

³³⁸ Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог. М., 2009. С. 92.

³³⁹ Там же. С. 347.

³⁴⁰ Забияко А.П. Начала древнерусской культуры. М., 2002. С. 243.

³⁴¹ Там же. С. 245.

³⁴² Там же. С. 245–251.

³⁴³ Там же. С. 248.

Все в них о славе говорит
величественного монарха.

«В ночном трамвае» [Под золотым небом, 2 января 1942]³⁴⁴

На примере реализации мифологемы «Святая Русь» в лирике Ачаира мы можем проследить включение механизмов мифологизирования истории в сознании эмигрантов. Ачаиру импонирует религиозно-мифологический образ Святой Руси, «выражавший глубоко религиозное отношение русского человека к Русской земле», в критические для русского народа моменты истории принимавшей облик «мученицы в святом венце страданий или твердыни святой веры в сиянии славы»³⁴⁵. В процессе мифологизирования Руси и идеи ее святости Ачаир апеллирует к личностям, несущим это качество. Как и в стародавние времена, носителями святости выступают религиозные подвижники:

Невиданное зрелище творилось:
 пред юношей-священником, рыдая,
 весь мир лежал, вся *наша Русь святая*,
 религии ее и племена.

«Священник» [Полынь и солнце, 1934]³⁴⁶

Но лирический герой Ачаира и сам не лишен этого подвижнического и пастырского порыва. Как руководитель молодого поколения, поэт считает своим долгом донести до молодежи священное чувство гордости и любви к истории Родины, готовности защищать родную землю. Чаще всего он обращается к будущему – молодому поколению русских ребят. От того религиозный посыл лирики Ачаира, посвященной Древней Руси, обуславливает ее назидательный характер.

Учи, родной! От князя Святослава
 пройди всю Русь, сравни, что нынче есть.
 Я знаю, путь твой – мужество и слава,
 и выше: *Бог, величие и честь.*

«Урок истории» [Полынь и солнце, 1933]³⁴⁷

³⁴⁴ Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог. М., 2009. С. 175.

³⁴⁵ Забияко А.П. Начала древнерусской культуры. М., 2002. С. 251.

³⁴⁶ Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог. М., 2009. С. 52.

³⁴⁷ Там же. С. 53.

За годы эмиграции у Ачаира родился сын, подросли воспитанники «Чуравки» – те, кому он считает своим долгом передать свое отношение к Родине:

И стоим мы здесь – *русские оба* –
в этот дивный, решающий миг.
Будь же *верен России*. До гроба.
Ты ведь *молод*, а я уж *старик*.

«Встреча в грозу» [Под золотым небом, 3 августа 1941]³⁴⁸

В стихотворениях, посвященных русским праздникам, лирический герой обращается к детским годам, когда вся семья и близкие собирались за одним столом – это самые теплые и дорогие воспоминания о Руси:

О, дальнейшее детство!
О, близость любимых!
О, Русь дорогая!

«Пасха» [Полюнь и солнце, 1936]³⁴⁹

Религиозно-философский характер раздумий лирического героя может передаваться через образы-детали, например, «колокольный звон». В стихотворении «Колокола в душе» колокольный звон – символ духовной связи с родными традициями:

За дверью смутного «вчера»
Оставлен посох пилигрима.
О том поют колокола
Так полнозвучно и любимо...
О чем?.. О чем?.. Удар и звон...
Поют... Гудят... Гудите, пойте,
Всю землю, весь небесный склон –
Цветами радости укройте!

«Колокола в душе» [Первая, 1925]³⁵⁰

Отметим, что не только в творчестве Анны Ахматовой образ Родины в эти годы так же ассоциируется с «колокольным звоном» – типологически близкое значение этот образ обретает в творчестве Му Мутяня.

³⁴⁸ Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог. М., 2009. С. 160–161.

³⁴⁹ Там же. С. 71.

³⁵⁰ Там же. С. 38.

Новый год – время порубеежное. Как известно, в Харбине по православной традиции Новый год не имел такого статуса, как в Советской России. Ачаир придает ему религиозный смысл, вопреки советизации древних традиций: его лирический герой обращается к Богу с пожеланием Руси новой жизни, с верой в лучшее, в перемены.

Дал бы Бог, чтоб стала жизнь иная!
Прочь, тоска, не время тешить грусть!
С новым годом, ты, моя *родная*,
нынче *обездоленная Русь!*..

«Новогодняя ночь» [Рубеж, 1939, № 1]³⁵¹

В молитве о «Божьей стране» лирический герой искренен, его слова должны дойти до Бога, он говорит о самом сокровенном и дорогом – Родине-Руси.

Всею душой молюсь:
Господи! – *наша Русь*,
Божья страна.
Утром – в снопах лучей,
ночью огнем свечей
озарена...

«Радость» [Рубеж, 1941, № 17]³⁵²

Герой просит Бога сохранить Русь в своем призыве, молитве, просьбе. Это крик души, обращенный не только к Богу, но и к самой Родине, к будущему поколению.

Вся Русь одно. Отцы и дети...
В колосьях Русь... А степь звенит...
О, Боже, пусть же звоны эти
нам память в сердце сохранит.

«Степные звоны» [Под золотым небом, 6 августа 1942 г.]³⁵³

Стихотворения о Святой Руси присутствуют в творчестве Ачаира и в 1930-е, и в 1940-е гг. Это – один из ключевых образов его творчества, тесно связанный с образами малой родины – Сибири. Сибирские казаки несли свою православную веру от поколения к поколению. Эта вера помогала русским беженцам в эмиграции

³⁵¹ Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог. М., 2009. С. 298.

³⁵² Там же. С. 348.

³⁵³ Там же. С. 190.

сохранить свою суть, свое духовное начало с Родиной. Не случайно в поэтической картине мира Ачаира мы наблюдаем четкое разделение концепта «Родина» на материальный мир, где символом Родины выступает горсть, комочки земли, и духовный, где Родину олицетворяет Бог, молитва.

3. «Родина» – Сибирь («дорогая земля», «милая земля», «моя земля», «родной край», «родной дом», «родная земля»).

Россия для Ачаира – это, прежде всего, его малая родина, Сибирь, ей посвящены строки стихотворений «Сибирь», «Ангара», «Тайга», «На моей земле», «Чаша неба» и др. Вдали от родной Сибири А. Ачаир продолжал жить и дышать ею. В письме Г.Д. Гребенщикову 28 марта 1927 г. он признается: «Мне не о чем думать, кроме Сибири»³⁵⁴.

Именно Сибирь стала для Ачаира тем самым отрезком родной земли, заполнившим его творчество мотивами бескрайней земли, красоты и величия, а также отсылками к детству, к родным и близким, к истории России, ее прошлому, настоящему и будущему.

Сибирь для него – не просто образ родного села, дома, но и прообраз родной земли, всего того, из чего состоит любовь к Родине. Для Ачаира Сибирь – это отцовское наследство, которое нужно сохранить и приумножить, не растерять³⁵⁵.

Святая Русь, Суровая Сибирь!

Так вот и все, что сохранилось с детства...

И от тебя, годов изгнанья пыль,

уберегу отцовское наследство.

«Сибирь» [Полынь и солнце, 1932]³⁵⁶

Объединенные в перечислительной конструкции, эти образы-концепты выражают аксиологические ориентиры поэта – и на религиозную святость Руси, и на

³⁵⁴ Росов В. «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира // Новый журнал. Нью-Йорк, 2009. № 256. С. 239–263.

³⁵⁵ Горшенин А. Дорога к дому // Сибирские огни. 2011. № 8.

³⁵⁶ Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог. М., 2009. С. 50.

конкретный уголок родной земли, где прошло его детство («На моей земле» [Полынь и солнце, 1933]³⁵⁷.

Сибирь в стихах Ачаира предстает через образы сибирской природы: для лирического героя важна сама земля его родины, комочки почвы, хранящие метафизическую составляющую любви к России:

И вижу я... что же? –
 что родину... Боже! –
 имеет на свете любой.
 И ценит, и нежит,
 и реже, и реже
 по-русски мне жизнь говорит.
 И бьются в котомке немые обломки,
комочки родимой земли...

«Обретенная Русь» [Полынь и солнце, 1931]³⁵⁸

Ачаир подчеркивает волшебную силу русской земли, как в русских былинах про богатырей, где горсть земли питала героя, давала ему силы на чужбине, помогала выстоять против полчищ врагов. Образ «родной земли» («дорогой земли») выражает его отношение к Сибири как к тому первоисточнику, который поможет выстоять в эмиграции, не потерять себя, сохранить свою русскость под крышами фанз. Родная земля дает герою произведений Ачаира силу, стойкость, память и любовь.

А богатства, чем владеет свет,
 что он жадно бережет и множит...
 Знаешь, – нам *родной земли* привет –
 горсть земли – милее и дороже!

«На Родине» [Рубеж, 1932, № 25]³⁵⁹

Сибирь – это нечто постоянное и неизменное, некая «константа, устойчивое внутреннее самочувствие, противостоящее жизненным тайфунам»³⁶⁰. Герой Ачаира признается ей в любви, считает своим настоящим домом, куда стремится его

³⁵⁷ Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог. М., 2009. С. 50.

³⁵⁸ Там же. С. 59.

³⁵⁹ Там же. С. 246.

³⁶⁰ Горшенин А. Дорога к дому // Сибирские огни. 2011. № 8.

душа на чужбине. Оттого путешествие в тайгу, пусть маньчжурскую, а не сибирскую, дает лирическому герою Ачаира возможность почувствовать себя «словно на Родине»:

В родной тайге ты – дома;
у впадины речной
под кровлей бурелома
ты – словно зверь ручной.

«Ночью в Тайге» [Рубеж, 1939, № 39]³⁶¹

Сравнение лирического героя себя со зверем символично: это парадоксальная отсылка к мечтаниям поэта-эмигранта о возвращении домой, в Сибирь. Таежного зверя практически невозможно приручить в неволе. Но «родная тайга» творит чудеса даже с диким зверем:

И тогда, распластавшись по снегу,
я услышу, почувствую я.
Мне животному, мне человеку, –
быть с тобой, *дорогая земля*.

«Философия вечности» [Сборник А.Т. Тарам,
А.Ф. Недельского, В.В. Белоусовой, 1944]³⁶²

А. Ачаира называют «казачьим поэтом»³⁶³, тема казачества проходит через все стихотворения писателя. Поэт вспоминает славное казачье прошлое – ведь сибирские казаки всегда были опорой Российской империи и великой силой. Они не сдавались, не предавали, служили своей Родине до конца с честью и верой, казак в русской традиции – неустрашим и непобедим.

Во имя правды, красоты и славы
мы слиты в сталь – в прапрадедовский меч.
В дни детских игр и в юности забавы –
куется он, чтоб Родину беречь.
Казачья правда, мужество и вольность –
девиз России в рыцарском гербе.
Вся наша жизнь – одной тебе достойной,
и наша честь, *Империя*, – тебе»

³⁶¹ Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог. М., 2009. С. 313.

³⁶² Там же. С. 408.

³⁶³ Забияко А.А. Тропа судьбы А. Ачаира. Благовещенск, 2007. 250 с.

«Казачи империи» [Под золотым небом, 26 сентября 1940]³⁶⁴

Таким образом, Сибирь – это целый мир, включающий прошлое: историю великой Империи, казачью славу и доблесть дедов и отцов, и детские мечты; и настоящее: красоты таежной земли, которая излечит душу и даст силу, и родной дом. Этот мир для Ачаира живой, дышащий, это мир его души и жизни, лирический герой слит с этим миром нераздельно, их связь не могут разорвать ни война, ни эмиграция.

Очевидно, мечты о возможности реализовать идеи «сибирского регионализма» Ачаир долгое время воспринимал как возможность «нести Россию» по странам и континентам.

Мы кинуты жизнью по целому миру
России нести лучезарное имя, –
мы, дети Сибири, мы, стражи Памира, –
кто Родину в сердце и в мире отнимет?

«Вселенская Русь» [Полынь и солнце, 1933]³⁶⁵

Можно обобщить, что коннотации образных воплощений представлений о Родине в художественном мире Алексея Ачаира отразили его стремление выполнять в харбинской диаспоре роль культурного героя-просветителя и представителя «сибирского областничества». В своем обращении к древним формам русского этнического сознания, воплощающим мифологизированные представления о Родине как залого единства и самобытности русских людей, Ачаир выразил чаяния и надежды старшего поколения дальневосточных эмигрантов. В подобном понимании содержательного наполнения образа Родины ему оказалась близка А. Паркау и В. Слободчиков³⁶⁶.

³⁶⁴ Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог. М., 2009. С. 164.

³⁶⁵ Там же. С. 51.

³⁶⁶ Забияко А.А. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов // Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015. С. 142–158.

Религиозно-философский характер отношения к Родине – России носило и творчество Марианны Колосовой. В биографии поэтессы не так уж много достоверных фактов. А.А. Забияко отмечает: «Данных о её жизни немного: до сих пор не установлены точно ни место её рождения, ни обстоятельства переезда в Харбин. Существует предположение, что отец Риммы Ивановны Виноградовой (настоящее имя поэтессы) был священником, впоследствии зверски убитым большевиками, о матери сведений вовсе нет»³⁶⁷. Немногочисленные биографические сведения выявлены исследователями творчества М. Колосовой (А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева, О.Е. Цмыкал (О.Е. Пышняк) и др.) из воспоминаний самой поэтессы, ее окружения, писем и архивных документов. Известно, что М. Колосова училась в томском епархиальном училище. Митрополит Московский Макарий и Архиепископ Харбинский Мефодий были ее духовными наставниками³⁶⁸. Марианна Колосова воспитывалась в глубокой православной вере, религиозность пронизывала всю жизнь поэтессы и нашла отражение в ее творчестве.

Литературное наследие поэтессы составляет 5 сборников: «Армия песен» (1928), «Господи, спаси Россию!» (1930), «Не покорюсь!» (1932), «На звон мечей...» (1935), «Медный гул» (1937)³⁶⁹.

А.А. Забияко подчеркивает «неистовость» веры Колосовой: она была яркой, фанатично верующей христианкой, достаточно нетерпимой, что привело ее в группу харбинских фашистов, которые хотели создать неделимую православную Россию³⁷⁰. Образ Неделимой Православной России зачастую встречается в стихотворениях поэтессы. Как подчеркивает в своих работах А.А. Забияко, Марианна

³⁶⁷ Забияко А.А. «Всё мнится мне, что я в России, а не маньчжурском городке...»: Россия и проблема русскости в творчестве харбинских поэтов // Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015. С. 155–180.

³⁶⁸ Забияко А.А. Литературное кликушество: драма женской души и форма этнорелигиозной идентификации // Религиоведение. 2010. № 1. С. 160.

³⁶⁹ Забияко А.А. «Всё мнится мне, что я в России, а не маньчжурском городке...»: Россия и проблема русскости в творчестве харбинских поэтов // Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015. С. 161.

³⁷⁰ Там же.

Колосова рассматривала образ родины как нерушимый симбиоз Православия и России: «В письме члену Братства Русской Правды Г.П. Ларину М. Колосова признавалась: «Я дала клятву быть верной моей Родине – Православной Великодержавной Единой Неделимой России. И этой клятвы я не изменяла ни на минуту»³⁷¹. Эти слова являются ключевыми для понимания мировоззрения и творческой позиции поэтессы: «Родина» и «Православие» для неё – неразделимые концепты»³⁷².

А.А. Забияко выделяет обращение к христианским, библейским образам, историческим персонажам и событиям, фольклорные истоки образа родины: обращение к песенным жанрам и формам, балладам, былинам и т.д.³⁷³.

Образ родины в стихотворениях Марианны Колосовой передается с помощью различных коннотаций, из 377 стихотворений поэтессы мы выделили 257 стихов, содержащих концепты «родина», «Россия», «Русь», «русский», «родной», «Сибирь», «Отчизна», «чужбина», «чужой» – данные значения составляют понимание родины. Данные занесены в таблицу 1.

Таблица 1

Лексемы	Количество употреблений
Россия	64
Русский (российский)	61
Родина	57
Русь	21
Родной	12
Сибирь	8
Чужой	13
Чужбина	7
Отчизна	5
Эмиграция	3
Отчий дом	1
Край	1
Берег (берег мой)	1
Русский мир, русский гигант	1

³⁷¹ Письмо М. Колосовой Г.П. Ларину. Цит. по: Вспомнить нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / Сост. В. А. Суманосов. Барнаул, 2011. С. 26.

³⁷² Там же. С. 162.

³⁷³ Забияко А.А. Лирика «Харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика: дис. доктора филол. наук. М., 2007. С. 166.

Исходя из данных таблицы, мы видим, что ядро значений, составляющих образ родины, составляют концепты *Россия*, *родина*, *Русь*, сюда же мы относим группы *русские* и *родные*, так как все группы значений составляют единый и неделимый образ родины³⁷⁴. Марианна Колосова в своем творчестве не ставит четких границ между Родиной, Россией, Русью. Это три образа родины, связанные с таким чувством лирической героини, как любовь:

Смотри, сейчас под буквами чужими
 Просвечивает что-то, словно кровь?
 Не кровь на карте. Видишь? Это-Имя:
 Россия... Родина... Любовь...

«Карта России», 8 февраля 1936 г.³⁷⁵

Мы видим, что образы-концепты *Россия* и *Родина* используются как синонимы – два имени одной неделимой страны, они тесно взаимосвязаны.

Концепт *Россия* в творчестве М. Колосовой используется чаще, чем другие коннотации. При обращении к ней задействована большая группа концептов с эпитетом *русские* – русский солдат, русский царь, русский мир, русский человек, русское небо, русские горы, русская женщина, русский народ, русский позор и т.д. Русскость для Марианны Колосовой – важный показатель чувства родины, объединяющий русских людей в народ, в братьев. Россия – МОЯ, так пишет поэтесса в стихотворении «Наше богатство»:

Нашими были – и будут навеки –
 Русские пашни, леса и поля,
 Русские горы и Русские реки, –
 Прадедов наших святая земля!
 <...>
 Прадеды полили потом и кровью
 Землю родную. Недаром же я
 С болью и гневом, с тоской и любовью
 Громко кричу, что Россия – МОЯ!

³⁷⁴ Забияко А.А. Лирика «Харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика: дис. доктора филол. наук. М., 2007. С. 166.

³⁷⁵ Вспомнить нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / Сост. В.А. Суманосов. Барнаул, 2015. С. 414.

«Наше богатство», 8 февраля 1935 г.³⁷⁶

Поэтесса верит и надеется, что СССР снова станет Россией, неоднократно в своих стихах она пишет о воскрешении именно России, русского народа:

И мысли их упрямые о чуде:
Чтоб СССР – РОССИЕЙ снова стала!
Россией эти люди рождены,
И для России жить они должны!

«Русские», 29 марта 1936 г.³⁷⁷

Россия должна быть неделимой, в своем призыве к Богу Колосова просит избавить ее страну от раздела. Настоящие патриоты, герои своей страны должны стремиться к неделимой Родине, а не к ее разделу:

«Не чужой страны мы патриоты,
Патриоты Родины СВОЕЙ!»
Их ответ (не красных и не белых)
Русских героических людей:
«Мы не станем помогать разделу
НЕДЕЛИМОЙ Родины своей».

«Бесстрашные люди», 18 января 1936 г.³⁷⁸

Россия в стихах Марианны Колосовой – это страна, которая, с одной стороны, является великой, большой, прекрасной, грозной, с другой, восставшей, осажденной, покрытой кровью, всеми преданной. В то же время Россия родная, это родной берег, родная граница.

Марианна Ивановна с большим почтением относится к прошлому России – великим, достойным деяниям предков; к Николаю II и его семье, считая, что смерть цесаревича – тот самый грех, за который Россия платит кровью и будет платить. Убийство цесаревича – убийство надежды Великой страны:

За эту смерть Россия отвечает;
За это голод, мор, гражданская война.
Страна в мученьях кровью истекает
И в будущем еще страдать осуждена!

³⁷⁶ Вспомнить нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / Сост. В.А. Суманосов. Барнаул, 2015. С. 421.

³⁷⁷ Там же. С. 445.

³⁷⁸ Там же. С. 460.

«За кровь царевича», 1928 г.³⁷⁹

Концепт *Россия* чаще используется автором, что напрямую связано с активной гражданской позицией Марианны Ивановны³⁸⁰, поэтесса – русская женщина, которая любит свою родину и готова встать на ее защиту. Гражданственность лирической героини тесно переплетена с женским началом. Марианна Колосова пишет от лица женщины и о женщине – русской, много пережившей и ставшей сильной.

Россия-родина – тоже женщина, в стихотворении «В пустыне» поэтесса называет Россию матерью, замученную детьми, без которой горько жить, ее нужно любить и понимать.

Детьми замученная мать!
И мы обречены судьбою
Тебя любить и понимать,
И плакать горько над тобою.
Какое счастье русским быть!
Какая тяжесть быть им ныне...
В России горько стало жить,
А без России мы... в пустыне.

«В пустыне», 4 июля 1932 г.³⁸¹

Гражданская война в России привела к тому, что изменилась не только Россия, но и русская женщина – роль хранительницы очага, матери, жены трансформировалась в роль защитницы, воительницы. Русским женщинам и самой Марианне Колосовой пришлось многое пережить: и братоубийственную войну, и эмиграцию, жизнь в чужой стране, гибель друзей и родных и многое другое. В стихотворении «Что может сделать женщина?» поэтесса отвечает на свой же вопрос:

И плачет обезумевшая женщина
И слабыя руки ломает...
Чем может помочь она Родине?
Не знает она... Не знает!!

³⁷⁹ Вспомнить нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / Сост. В.А. Суманосов. Барнаул, 2015. С. 191.

³⁸⁰ Несмелов А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006. С. 100, 105.

³⁸¹ Вспомнить нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / Сост. В.А. Суманосов. Барнаул, 2015. С. 266.

«Что может сделать женщина?», 1934³⁸²

М. Колосова подчеркивает, что, несмотря на то, что у женщин своя доля, они берутся за мужские дела, ведь Родине нужна защита:

*Слезами женскими заплачу
Над милым сердцу словом «Русь».
Решать мудреную задачу
С мужской отвагою возьмусь.*

«Письмо наркомуну», 1930³⁸³

Ее Россия православная, где есть Бог, и она молит Богоматерь о защите. Молитва Марианны Колосовой наполнена болью, состраданием к людям, утратившим родину:

*Заступись, Пречистая, за тех,
У кого душевная усталость
Выжгла веру в правду и в людей...
Ты когда-то с Сыном расставалась,
Мы расстались с Родиной своей...*

«Пожалей Россию», июнь 1934 г.³⁸⁴

Ее молитва обращена к самой России, к тому, что утеряно и погибло, к тем, кто ушел из жизни, к теням прошлого:

*Вспоминаю имена убитых,
О покое их вечном молюсь,
Плачу о надеждах разбитых
И скорблю за несчастную Русь.*

«Ночи слезные...», 27 сентября 1925 г.³⁸⁵

В то же время молитва у М. Колосовой похожа на песню-призыв к борьбе, к действиям:

*Пошли мне, Боже, в год напасти
Бесстрашие познать больней,
Мое единственное счастье:
Быть верной Родине моей!*

³⁸² Вспомнить нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / Сост. В.А. Суманосов. Барнаул, 2015. С. 197.

³⁸³ Там же. С. 13.

³⁸⁴ Там же. С. 294.

³⁸⁵ Там же. С. 190.

«Наедине с совестью», 5 сентября 1935 г.³⁸⁶

Трансформация в молитве показывает, что такие черты женщины как мягкость, кротость, всепрощение остались на долю Богородицы, а живым русским женщинам приходится становиться воинами, бороться за свою страну, быть жестче и сильнее. Поэтесса не забывает об исконной роли русской женщины, которой свойственно заниматься хозяйством, рукоделием, вышивкой. Но в годы бедствий женщинам приходится менять свое предназначение. В стихотворениях Марианны Ивановны повторяется сюжет, когда лирическая героиня берет из своего сердца ленты стихов и выплетает их, вышивает знамя для России.

Из сердца ленты тяну я,
Белые ленты стихов.
За свою Россию родную
И поэт умереть готов!

«Из сердца»³⁸⁷

Сама М. Колосова называет свои стихи песнями, которые она поет своей Стране: то матери России, то Святой Руси, то любимой родине.

Концепт *родина* употребляется в творчестве Марианны Колосовой в тесном единстве с концептами *Россия* и *Русь*.

Религиозность Марианны Ивановны нашла отражение как во всем ее поэтическом наследии, так и в использовании сочетания *Святая Русь*: «М. Колосова была склонна соотносить современную судьбу России с судьбой Иисуса Христа: по мысли поэтессы, Россия искупает великий грех, проходит крестный путь, после чего её ожидает воскрешение»³⁸⁸:

Жизнь мою отдам, Родина – тебе,
Пусть погибну я в бешеной борьбе!
Если будет бой, буду и в бою
Песней прославлять Родину мою.
<...>

³⁸⁶ Вспомнить нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / Сост. В.А. Суманосов. Барнаул, 2015. С. 447.

³⁸⁷ Там же. С. 223.

³⁸⁸ Забияко А.А. «Всё мнится мне, что я в России, а не маньчжурском городке...»: Россия и проблема русскости в творчестве харбинских поэтов // Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015. С. 162.

С именем Твоим я сильнее льва!
С именем Твоим смерти не боюсь,
– Родина моя, мученица-Русь...

«Что тебе отдать?»³⁸⁹

Обращение к истории, фольклору, мифологии значительно расширяет границы поэтического текста Марианны Колосовой.

Концепт *Сибирь, сибирский* создают образ родной земли, родного, отчего дома – малой родины. В ответном стихотворении Демьяну Бедному она восклицает:

Я, Русская и Сибирячка
Скажу тебе: Демьян, не ври,
Сепаратистов только три!
А не продаем за жвачку
Просторы Родины любимой,
*/Ты не суди-ка по себе!/
Нет, мы привычные к борьбе,*
Россию мыслим НЕДЕЛИМОЙ!

«Ответ Демьяну Бедному», 20 июля 1934 г.³⁹⁰

Дед мой был священник (в рясе богатырь!)
Для трудов он выбрал дикую Сибирь.
Молодым приехал и полсотни лет
Богу и России прослужил мой дед.

«Дорогой предков», 14 марта 1934 г.³⁹¹

Марианна Колосова в своих стихах практически не пользуются концептами *дом, отчий дом* (1 стихотворение), но, находясь в чужой стране, думает, как попасть домой – в Сибирь, то есть Сибирь – это родной дом:

И здесь, в чужом холодном мире,
Вдруг, не сдержавшись, закричу:
«Эй, далеко ли до Сибири?
Гони, ямщик! Домой хочу!»

³⁸⁹ Вспомнить нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / Сост. В.А. Суманосов. Барнаул, 2015. С. 177.

³⁹⁰ Там же. С. 120.

³⁹¹ Там же. С. 268.

«На постоялом дворе», 26 декабря 1933 г.³⁹²

Анализ концептов, создающих образ родины в поэзии М. Колосовой включает и понятия *чужбины, чужого, эмиграции*, которые оттеняют особую неистовую любовь к родине, к России, к Руси:

Жилище несколько квадратных аршин.
Плита. Два окна. Живи!
Здесь о России стихи пиши,
О ненависти и любви.
В этой конуре проходят года,
А годы свое берут...
Здесь о России говорят всегда
И врагов России клянут.

«В эмигрантской конуре», 16 января 1935 г.³⁹³

Память о родине жива и дарит эмигрантам надежду на воссоединение с любимой Россией, с родиной:

«Я так люблю тебя, Россия,
Что не пойду сейчас к тебе»?
Горячим ветром иностранным
Шумит чужбина за окном,
А сердце стуком неустанным
Напоминает о родном.

«Национал-оборонцы», 4 августа 1936 г.³⁹⁴

Чужбина, чужая сторона, эмиграция помогают особенно остро любить родину, тосковать по ней, помнить и ждать чуда – встречи с Россией.

Марианна Колосова в своих стихах создала образ родины-России – Великой, русской, неделимой, преданной, но не сломленной. Поэтесса поет своей любимой родине песни, чья армия стоит на страже интересов России.

Описывая старшее поколение харбинских литераторов, нельзя обойти вниманием фигуру Арсения Несмелова – самого знаменитого писателя, поэта дальневосточной эмиграции.

³⁹² Вспомнить нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / Сост. В.А. Суманосов. Барнаул, 2015. С. 294.

³⁹³ Там же. С. 449.

³⁹⁴ Там же. С. 467.

Арсений Иванович Митропольский (псевдоним – Несмелов) родился в 1889 г. в Москве. Семья будущего поэта была известной, отец – надворный советник, секретарь Московского окружного военно-медицинского управления, занимался и литературным творчеством, дядя – известный писатель³⁹⁵. Герой Первой мировой войны, имел 4 ордена, он был демобилизован в 1917 г. из-за ранения. Несмелов – активный представитель Белого движения, после борьбы с большевиками в 1917 г. в Москве уехал на Урал, затем стал подвижником адмирала А.В. Колчака, участвовал в Великом Сибирском Ледяном походе³⁹⁶.

В 1924 г. пешком пересек русско-китайскую границу вместе с другими белыми офицерами. В Китае проживал в Харбине, был редактором газет «Дальневосточная трибуна» и «Рупор», широко известного журнала «Рубеж» и других изданий. С 1929 по 1942 гг. были опубликованы шесть сборников стихов поэта: «Без России» (1931), «Белая флотилия» (1942), «Кровавый отблеск» (1929), «Полустанок» (1938), «Протопопица» (1939), «Через океан» (1934), а также прозаический сборник «Рассказы о войне» (Шанхай, 1936)³⁹⁷.

Сблизившись с Константином Родзаевским, лидером фашистского движения, Арсений Несмелов вступает в ряды Всероссийской фашистской партии и печатается в их в журнале «Нация» под псевдонимом Николай Дозоров и др.³⁹⁸.

Арсений Несмелов относился к старшему поколению эмигрантов, который не только помнил и любил Россию, но и чувствовал вину за проигранную борьбу с большевиками. Его гражданская борьба активно велась на страницах периодики и сборников его произведений.

³⁹⁵ *Пигин А.В.* Древнерусская и фольклорная легенда в поэме Арсения Несмелова «Прощёный бес» // Труды Отдела древнерусской литературы. 2010. № 61. С. 606–618.

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ *Можжев А.* Белый поэт Арсений Несмелов. По следу памяти (литературно-исторический очерк) // Новый берег. 2008. № 22; *Агеносов В.В.* Несмелов Арсений Иванович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: в 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 631–634.

Образ родины стал ключевым в его творчестве и жизни. Нами отобрано 52 стихотворения из 339, включающие коннотации, описывающие образ родины, что отражено в таблице 2.

Таблица 2

Образ	Количество употреблений
Родина, родной (очаг, берег)	18
Россия	11
Восток, Харбин	6
Русский	5
Чужой	4
Русь	2

Как видно из таблицы, для Несмелова образ родины, прежде всего, связан с самим понятием родины и России, он не разделял эти понятия. Родина – это Россия, государство, страна, за которую он воевал. На протяжении всего творческого пути Арсений Несмелов обращался к родине – из окопов Первой мировой, во время борьбы за империю и, конечно же, во время вынужденной эмиграции, когда чувство к родине стало важнейшим мотивом для творчества.

Арсений Иванович был настоящим патриотом России. Для него Россия была настоящей родиной, которую он защищал и в Первую мировую войну, и в борьбе с большевиками, и в рядах армии Колчака. Острое чувство вины и потери родины, любви к ней стало канвой многих стихотворений Несмелова в период эмиграции. Чувство потери, когда приходится отступать, оставляя город за городом врагу, описано в стихотворении «У карты»:

...И он глядит
 (Так смотрит хмара
 В окно)
 На черные кружки...
 - Вот этот – родина,
 Самара...
 Здесь были воткнуты флажки,
 Обозначая фронт и натиск,
 Его упругую дугу...
 Мы отползали,

Задом пятясь,
Уже Урал отдав врагу...

«У карты», 1928 (сб. «Кровавый отблеск»)³⁹⁹

Чувство вины перед Россией, потеря родины, неласковая чужбина – все это отразилось в стихах Несмелова. В беспокойное время революции, Гражданской войны, эмиграции его стихи полны пессимизма, как и у многих эмигрантов первой волны. Он тоскует по России, считая, что уже ничего невозможно изменить – родина потеряна. В стихотворении «Без России» поэт говорит о том, что нить, связывающая его с Россией, разрублена, и нет пути назад:

В живой стране, в России этих дней,
Нет у меня родного, как в Бомбее!
Не получить мне с родины письма
С простым, коротким: «Возвращайся, милый!»
Разрублена последняя тесьма,
Ее концы разъединили – мили.
<...>

Уже печаль и та едва живет,
Отчалил в синь ее безмолвный облик,
И от страны, меня отвергшей, вот –
Один пустой литературный облик.

«Без России», 1931 (сб. «Кровавый отблеск»)⁴⁰⁰

Прощается с Россией Арсений Иванович и в стихотворении «О России», где сравнивает родину с отходящим пароходом, когда и грустно, но при этом открываются новые горизонты:

Россия отошла, как пароход
От берега, от пристани отходит.
Печаль, как расстояние, растет.
Уж лиц не различить на пароходе.

«О России», 1928 (сб. «Кровавый отблеск»)⁴⁰¹

Поэт с горечью переживает разрыв с родиной, что его выбросили и больше он не нужен родной стране, он стал чужим, но опять же признает, что перед ним

³⁹⁹ Несмелов А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006. С. 82.

⁴⁰⁰ Русская поэзия Китая: антология / Сост. В. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 318.

⁴⁰¹ Несмелов А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006. С. 123.

открыты новые просторы и пути. Вместе с чувством тоски по потерянной родине появляется и чувство надежды, нового пути, новых горизонтов.

В стихотворении «Потомку» поэт разговаривает с гипотетическим потомком, рассказывая ему о причинах эмиграции. Потомок спрашивает, почему эмигранты не вернулись к родному очагу – родине?

«Горек путь, подслеповат маяк,
 Душно вашу постигать истому.
 Почему ж упорствовали так,
 Не вернулись к очагу родному?»

«Не суди. Из твоего окна
 Не открыты канувшие дали:
 Годы смыли их до волокна,
 Их до сокровеннейшего дна
 Трусами казненных закидали!...»

«Потомку», 1928 (сб. «Кровавый отблеск») ⁴⁰²

Пессимистические настроения первого периода эмиграции в творчестве Арсения Несмелова особенно прослеживаются в стихотворении «Эпитафия», само название которого символично:

И здесь, на самом берегу реки,
 Которой в мире нет непостоянной,
 В глухом окаменении тоски
 Живут стареющие россияне.

<...>

И через сколько-то летящих лет
 Ни россиян, ни дач, ни храма – нет,
 И только память обо всем об этом
 Да двадцать строк, оставленных поэтом.

«Эпитафия», 1928 (сб. «Кровавый отблеск») ⁴⁰³

Россияне без своей родины медленно стареют и умирают, оставляя после себя лишь строки стихов.

Гражданственность поэта подчеркивается и его отношением к чужбине, к Китаю, который он не признает.

⁴⁰² Несмелов А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006. С. 172–173.

⁴⁰³ Там же. С. 183–184.

Надменный, как откормленный буржуй,
Харбин вас встретил холодно и грубо:
«Коль вы, шпана, не добыли Москвы,
На что же, голоштаные, мне вы?»

«Броневик», Цицикар. 1928 (сб. «Кровавый отблеск»)⁴⁰⁴

При этом Арсений Иванович не раз подчеркивал, что Харбин – русский город, построенный русскими, и призывал не забывать об этом:

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.
Пусть удел подобный горек –
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик-историк,
Вспомяни о нас.

«Стихи о Харбине», 1920 г.⁴⁰⁵

Любовь к России связана с печалью, но эта печаль – светлая, связанная с воспоминаниями о мирной жизни, о простом быте и о любимом деле. Арсений Иванович описывает рыбную ловлю как связь с родной страной:

И кажется – опять бывшее с нами.
Где это мы в вечерний этот час?
Быть может, вновь на Иртыше, на Каме,
Опять на милой Родине сейчас?

«В закатный час» («Сияет вечер благодностью кроткой...»), 1939⁴⁰⁶

Арсений Иванович, перебирая теплые и светлые воспоминания о родине, связывает образ родины с чувством счастья, с золотыми годами:

Потому что в годы золотые,
В давние хорошие года,
Много было радости в России,
И она давалась без труда.

«Старая рифма» («Есть два слова: счастье и участие...»), 1941⁴⁰⁷

⁴⁰⁴ Несмелов А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006. С. 95.

⁴⁰⁵ Там же. С. 138.

⁴⁰⁶ Там же. С. 284.

⁴⁰⁷ Там же. С. 305.

Образ родины связан с лексемой *Русь*, которую А. Несмелов использует в значении *Святая Русь*, когда в своих стихах описывает славное историческое прошлое России или православные праздники, которые сохраняют и празднуют эмигранты, например, Пасху:

Вспомнив днем пасхальным, ясным
 Дедовскую Русь, –
 Я с тобой яичком красным
 Похристосуюсь...

«От друга» («Возле печки обветшало...»), 1944⁴⁰⁸

Вера в бога помогает и сохранить веру в родину, в свой язык, в свою культуру, которые невозможно отобрать:

Но веру нашу свято мы храним,
 Мы прадедовский бережем обычай,
 И мы потерь не сделали добычей
 То, что считаем русским и святым.
 <...>

С какую бы гримасою суровой
 Грядущий день ни выходил из тьмы.
 Но русской вере не изменим мы
 И не забудем языка родного!

«Великим постом» («Как говорит внимательный анализ...»), 1944⁴⁰⁹

Эти строки написаны за год до смерти поэта, он до последнего верил в Россию и был верен своей родине.

Образ родины в творчестве Арсения Ивановича Несмелова – это образ именно страны России, которая стала для него тем государством, которому он предан как настоящий офицер, и в то же время страной исхода, которой он стал чужд и не нужен.

Формирование образа Родины в творчестве старшего поколения дальневосточной эмиграции (А. Ачаир, М. Колосова, А. Несмелов) протекает в неразрывной традиции с архетипическими представлениями о родине, укорененными в русском этническом сознании, традициями русской литературой XIX–XX вв. и региональ-

⁴⁰⁸ Несмелов А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Владивосток, 2006. С. 336.

⁴⁰⁹ Там же. С. 333–334.

ными условиями формирования литературного процесса в Харбине. Потому коннотации образа родины в творчестве «старших поэтов» связаны с образами малой родины, образами родного дома, родной земли, Сибири, и имеют зачастую религиозное осмысление (Святая Русь, Золотая Русь, либо триединство Родина-Россия-Русь).

В творчестве Арсения Несмелова образ Родины обретает окказиональное для всей эмиграции значение «брошенной и разлюбившей женщины» с оттенками inferнальной угрозы (родины-волчицы) – такое толкование вызывает осуждение во всех эмигрантских поэтических кругах, но характеризует поэта как новатора и полемиста, не воссоздающего клише, опирающегося на психоаналитические интерпретации и неомифологию.

3.2 Этнокультурные, металитературные, социально-политические характеристики образа Родины в творчестве молодого поколения дальневосточных эмигрантов (Н. Щеголев, В. Перелешин, Ю. Крузенштерн-Петерец и др.)

В отличие от писателей «старшего поколения» эмиграции, беженская молодежь в Харбине в своем сознании имела особенный образ Родины. Многие из будущих поэтов были привезены в Маньчжурию детьми, кто-то родился уже в эмиграции⁴¹⁰. России помнить они не могли. Несмотря на открытость границ с метрополией, попасть в Советскую Россию с каждым годом для них становилось сложнее. Публикации же о новом устройстве «родины предков» в эмигрантских изданиях создавали весьма далекий от реальности образ России.

Но родители и окружение создали для своих детей, на которых возлагались большие надежды удивительный мир «как бы России» – в Харбине работали рус-

⁴¹⁰ Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...»: художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск, 2008. 428 с.

ские школы, гимназии, университетские кафедры принимали студентов по дореволюционным программам⁴¹¹. Обучение велось преподавателями, получившими классическое образование в России. Будничная и праздничная жизнь Харбина вплоть до начала японской оккупации была организована по «русскому обычаю» и с тщательным соблюдением всех исконных традиций, возведенных в абсолют⁴¹².

Особенное внимание уделялось русскому языку, который, в отличие от других беженских центров, в Харбине был языком общения для русских, евреев, грузин, армян, поляков – и, конечно, китайцев со всеми некитайскими жителями. Сохранению русского языка в его литературной форме уделяли первостепенное значение⁴¹³.

Огромное значение имело патриотическое воспитание. Даже работа ХСМЛ – Христианского союза молодых людей, рассчитанная на продвижение американского влияния среди христианской молодежи – получила в Харбине под чутким руководством А. Ачаира исключительно пророссийскую православную направленность⁴¹⁴. В Харбине и по ветке КВЖД работало огромное количество разнообразных кружков, объединений, где во главу угла было поставлено воспитание эмигрантских ребят в русском духе, с высокой мотивацией работать во благо России, которую их учителя мечтали восстановить в прежнем облике.

⁴¹¹ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. 319 с.; Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003. 440 с.; Забияко А.П. Харбинский политехнический институт. От паровоза к космическому аппарату: история, достойная стать легендой // Забияко А.П., Забияко А.А., Эфендиева Г.В., Киричков И.В., Конталева Е.А., Цмыкал О.Е., Лешошко С.С., Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Зиненко Я.В., Землянская К.А., Абеленцев В.Н. Легенды старого Харбина. Исторический путеводитель / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2022. С. 121–128; Забияко А.А., Землянская К.А. Школьные легенды Харбина // Там же. С. 115–120.

⁴¹² Забияко А.А., Цзюй Куньи. Религиозная жизнь Харбина первой половины XX в. в устных историях жителей города (по материалам Н.Н. Лалетиной) // Религиоведение. 2021. № 4. С. 78–94; Забияко А.А., Цзюй Куньи. Сюжет о Николае Угоднику в фольклорных текстах жителей Харбина // Религиоведение. 2022. № 1. С. 35–51; Лалетина (Николаева) Н.Н. «Жили... были... харбинцы». Воспоминания. Рига, 2021. 395 с.

⁴¹³ Цзюй Куньи. Образ Харбина в меморатах русских эмигрантов в Австралии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13: Народы и этнические культуры / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2020. С. 391–401.

⁴¹⁴ Забияко А.А. Тропа судьбы А. Ачаира. Благовещенск, 2007. 250 с.

Особенными были отношения младших писателей и со старшим поколением. Будучи всемерно им поддержанными, в отличие от европейской эмиграции, молодые не принимали много из наследия своих «отцов». Идеальный раскол наиболее явно дал о себе уже в «Чураевке». Молодежь не принимала назидательного тона, умозрительный характер, многословный дискурс многих стихотворений А. Ачаира, посвященных Родине, что стало во многом камнем преткновения в его отношениях с молодым поколением поэтов. Образы «Русской земли», «Вселенской Руси», «Святой Руси» не давали молодежи живых и непосредственных эмоций, необходимых для поощрения и развития патриотических чувств в условиях китайского окружения, новых форм для самовыражения и воплощения своих представлений о Родине. К сожалению, и образ Сибири, наиболее органичный, живой и емкий у Ачаира, не стал для молодого поколения ориентиром – молодежь желала славы, мечтала прославиться на Западе, среди парижских поэтов, не сумев понять патриотической утопии своего наставника⁴¹⁵.

Весьма сложным было отношение молодых и к творчеству А. Несмелова и М. Колосовой – наиболее ярких поэтов эмиграции, в чьем творчестве максимально ярко оплотнился концептуально значимый образ Родины-России.

Ландшафтные и климатические приметы дальневосточного фронта формировали в сознании молодежи представление о том, что именно Маньчжурия – и есть их родина, лучше которой и быть не может, несмотря на суровые зимы, пыльные бури и скудные дары земли. Память об этой своей родине разнесет харбинская молодежь в годы репатриации и последующего рассеяния по свету, и дети их будут расти с этим ощущением теперь уже потерянной родины – Маньчжурии.

Нельзя забывать еще и о том, что особенные коннотации в представление о Родине вносили и исторические события, свидетелем и участником которых были молодые эмигранты: гражданская война в Китае, бедствия, приносимые китайским милитаризмом; начавшаяся в 1931 г. японская агрессия, образование Маньчжоу-го;

⁴¹⁵ Фэн Ишань. Образ Родины в художественной картине мира дальневосточного поэта-эмигранта Алексея Ачаира // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. XVII. Вып. 1. С. 205–211.

Великая Отечественная война. Внешние исторические обстоятельства заставляли молодежь искать себе иные, более благоприятные условия жизни – многие разъезжались из Харбина в Шанхай, Корею, Японию⁴¹⁶. Чувство «малой родины» в «чужих землях» обострялось как никогда⁴¹⁷. А те беды, что несла собой Великая Отечественная война русскому народу и русской земле, пробудила в сознании детей эмиграции самые сокровенные струны их души.

К поэтам младшего поколения относятся Н. Щеголев, В. Перелешин, Н. Петерц, Л. Андерсен, Г. Гранин, Ф. Дмитриева, Ю.В. Крузенштерн-Петерц и др.

Николай Щеголев – представитель так называемой «плеяды харбинских юнцов»⁴¹⁸, принадлежал ко второму поколению эмигрантов. Известно, что родился будущий поэт в 1910 г. в семье Александра Владимировича и Анны Ивановны Щеголевых. Отец прибыл из Калужской губернии и был артельщиком в управлении КВЖД⁴¹⁹. Николай Щеголев родился на территории отчуждения КВЖД⁴²⁰ и не был настроен против Советов (как и многие «кэвэжедековцы»)⁴²¹. Такая позиция стала причиной добровольного возвращения Щеголева в Советский Союз в зрелые годы жизни.

Николай Щеголев получил достойное образование: окончил колледж ХСМЛ, коммерческое училище, Первую музыкальную школу им. А.К. Глазунова по классу рояля; а также Николай Александрович в совершенстве владел английским языком⁴²².

⁴¹⁶ *Цмыкал О.Е.* Восток в художественном сознании Лариссы Андерсен // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. № 4. С. 237–243.

⁴¹⁷ *Эфендиева Г.В.* Своеобразие патриотических мотивов в лирике А. Паркау // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века). Благовещенск, 2004. С. 378–382; *Эфендиева Г.В.* О последнем поколении харбинских лириков // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 8: От конфронтации к сотрудничеству / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009. С. 468–482.

⁴¹⁸ *Забияко А.А.* Лирика «Харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика: дис. доктора филол. наук. М., 2007. 480 с.; *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* «Четверть века беженской судьбы...»: художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск, 2008. 428 с.

⁴¹⁹ *Забияко А.А.* Харбинский поэт Николай Щеголев: из истории русской эмиграции // Уральский исторический вестник. 2013. №1(38). С. 67–77.

⁴²⁰ Там же.

⁴²¹ Там же.

⁴²² Там же.

В 1926 г. он стал одним из первых участников «Чураевки». Хотя ему исполнилось всего 16 лет, Щеголев уже активно писал стихи, статьи и пробовал себя в литературе. Уже в 1930 г. поэт стал одним из руководителей «Чураевки», в 1931 г. – председателем объединения⁴²³. Именно в Чураевке развился литературный талант поэта, в 1930 г. напечатали его первые стихи, а в 1932 г. совместно с Н. Петерцем поэт стал главой организации «Круг поэтов», параллельной «Чураевке», но уже через год покинул её⁴²⁴. В 1936 г. Николай Щеголев переезжает в Шанхай, где продолжает заниматься литературой, редактирует литстраницу в газете «Новый путь»⁴²⁵.

Н. Щеголев никогда не забывал и не забывает о России – недоступной для него родине отцов. В отличие от поэтов старшего поколения, на первый взгляд, Николай Щеголев не связан с прошлым России, он не горюет по утраченному, но в его стихах чувство тоски не менее остро: «тоска Щеголева совсем иного свойства, чем тоска того же Алексея Ачаира, которому было что вспоминать... <...> У Щеголева же, который был на 14 лет моложе и, соответственно, принадлежал ко второму поколению харбинских поэтов, это ощущение пронизывает его настоящее»⁴²⁶. Этот факт очень важен для понимания образа родины в лирике Н. Щеголева.

В своих стихах в «харбинский» период жизни поэт нечасто обращается к своей родине, к России. Для него слово Россия звучит необычно в обыденности его жизни:

Всё обиходно. Косые
Спят на обоях лучи...
Разве лишь слово «Россия»
Мне необычно звучит.

«Стансы», 1930 г.

⁴²³ *Забияко А.А.* Харбинский поэт Николай Щеголев: из истории русской эмиграции // Уральский исторический вестник. 2013. №1(38). С. 67–77.

⁴²⁴ *Забияко А.А.* Николай Щеголев: харбинский поэт-одиночка // Новый Журнал. Нью-Йорк, 2009. № 256. С. 310–324.

⁴²⁵ *Забияко А.А.* Харбинский поэт Николай Щеголев: из истории русской эмиграции // Уральский исторический вестник. 2013. № 1(38). С. 67–77.

⁴²⁶ Там же.

Щеголев осознает себя эмигрантом и понимает, что у него нет родины в прямом смысле этого слова, и такое положение вызывает в поэте различные чувства: прежде всего тоску по родине и ощущение одиночества, но при этом желание жить и творить⁴²⁷. Творчество для поэта – своего рода лекарство от тоски и одиночества. В стихотворении «Опыт» поэт описывает часть своей жизни – ощущение того, что он одинок, находясь в эмиграции, а также биографические факты – получение прекрасного образования *про запас*, его *мучительный опыт* ведет к созданию стихов, к творческому апогею («Опыт», 19.VII.1932).

Стихотворение «В раздумьи» открывает перед читателем взгляд Щеголева на его роль в жизненном пространстве эмиграции – он «калика переходжий», странник. Это образ русского странника, он близок герою Щеголева. Он всей душой стремится к родине, ему «мнится», что он в России, а не в «маньчжурском уголке». Он понимает, что не сможет осуществить все свои гордые замыслы, но стремится, верит, любит, и эти чувства рождают гордость за свою русскую кровь:

Что я? – *Калика переходжий*, –
 Смирился внешне и притих...
 Жизнь смотрит искривленной рожей
 На гордость замыслов моих,
 И с горечью я понимаю,
 Что я не всё осуществлю, –
 Но так безумно я мечтаю,
 С такою верностью люблю,
 Что даже и в часы лихие,
 В болезни, в гнете и тоске,
 Всё мнится мне, что я в России,
 А не в маньчжурском городке...

«В раздумьи», 1934 г.

При этом чувство тоски не отпускает лирического героя, оно ощущается остро, герой сроднился с ним. Тоска – его вечный спутник:

И в самом деле, в самом деле, –
 Иль не со мной моя тоска,
 И покаянные недели,
 И трепет сердца у виска, –

⁴²⁷ *Забияко А.А.* Харбинский поэт Николай Щеголев: из истории русской эмиграции // Уральский исторический вестник. 2013. № 1(38). С. 67–77.

Вся русская моя природа,
Полузадушенная мной?..

«В раздумьи», 1934 г.

Щеголев отмечает, что его «русская природа» самим им и «полузадушена», ведь он, с рождения проживая за границей, находится в двойном положении: с одной стороны, он русский, с другой, живет в Китае – стране, ярко отличающейся культурой и бытом.

Герой Щеголева осознает себя русским человеком, хотя и подчеркивает, что в нем есть иностранные черты:

Кидающий небрежно красок сгустки
На полотно, укрепленное в мольберт,
Художник я и, несомненно, русский,
Но не лишенный иностранных черт.

«Русский художник», 1933 г.

Герой искренне любит родину, которую он никогда не видел, но эту родину любили его родители, наставники, друзья, которые создали кусочек России в отдельно взятом китайском городе. Это чувство любви к родине, переданное через связь поколений, проявляется исподволь: в памяти, в истории, в литературе, в быту, в чувствах.

Россия в стихах Н. Щеголева предстает исторической родиной, которую помнят потомки. Образ России представлен лексемой *огромная*, создавая ощущение огромной ледяной пустыни, через которую идут мужественные люди:

Нас всё время наказывал Бог.
Мы умели хотеть, мы боролись,
Мы не ждали, чтоб кто-то помог,
Шли мы к северу, прямо на полюс, –
А потомок прочтет свысока,
Как мы шли сквозь поля ледяные –
То без Бога, то без языка,
То без солнца – в огромной России!

«Нас всё время наказывал Бог», 1931 г.

При всей любви и тоске по России Харбин занимает свое место в душе поэта. Щеголев признает себя русским поэтом-эмигрантом, но при этом любит и вторую родину – Харбин, именно этот город, ставший родным и близким многим русским

эмигрантам. Находясь под иным небом, можно быть счастливым, когда расцветает душа:

И, смеясь над боязнью былою,
Синим воздухом страстно дыша,
Знай, что *пыльной маньчжурской весной*
Иногда воскресает душа.

«Отряхни свою внешнюю скуку», 1934 г.

Особое отношение к Харбину как к родине видно в стихах о Шанхае, где чувство тоски настолько беспросветно, что в стихах поэта звучат мысли о сумасшествии. Шанхай настолько безразличен к людям, что воспринимается как пустыня, где человек одинок перед беспощадным солнцем, другое сравнение *тюрьма* также говорит об одиночестве заключенного. В этот период в стихах Щеголева чувство тоски накрывает поэта с головой, его посещают мысли о самоубийстве. Это стремление описано в стихах «Светильник», «Море», «Химера», «Пустыня» и др.

В то же время такие переломные исторические моменты, как Великая Отечественная война в России, оккупация Китая японскими войсками – глубоко переживались Николаем Щеголевым. Обращаясь к родине в одноименном стихотворении, поэт сравнивает людей и себя с птицами, которые борются с жизнью-змеєю. Лирического героя не страшат жизненные трудности, тоска, «родины работы и заботы» помогают подняться с колен и гордиться родиной:

Страх змеиный мне не гнет колена,
И живу – живой...
Отчего такая перемена?
Гордость – отчего?
Оттого что и в плену болота,
И в тисках тоски
Родины работы и заботы
Стали мне близки...

«Родина», 1942 г.

Стихи этого периода полны патриотизма, Н. Щеголев все чаще обращается к родине, России, мечтая там оказаться, побывать в Москве. Он подчеркивает силу, мощь России, жидущуюся на преемственности:

Недаром герои твои темнолицы,
С прищуром, с усмешкой – то мудрой, то детской...

Из этой усмешки, из этих традиций
 И соткано слово: советский, советский!..
 Что может быть этого света прекрасней,
 Тобою, Россия, зажженного света?
 Она не исчезнет, она не угаснет,
 Она не померкнет – преемственность эта!

«Россия», 1944 г.

Россия становится мечтой, местом, куда направлена поэтическая мысль Николая Щеголева, его творческие силы и устремления. Николай Щеголев исполнил свою мечту – вернулся в Россию, он был репатриирован по собственному желанию, не попал в лагеря: «По мнению многих, в конечном итоге, его судьбу можно назвать даже благополучной. Особенно на фоне некоторых других литераторов, добровольно вернувшихся на родину, скажем, Марины Цветаевой или князя Святополка-Мирского»⁴²⁸.

Образ родины в творчестве Николая Щеголева связан с тоской и печалью по утраченному дому, хотя и не настолько острой, как у поэтов старшего поколения. Для поэта главное – это чувство сопричастности к России, ощущение своей русскости, он верил, что Россия возродится и примет своих детей.

В творчестве еще одного представителя «харбинской поросли» – Валерия Перелешина – в образе Родины усиливаются «китайские» коннотации, в целом присущие молодому поколению эмиграции.

Валерий Перелешин (Валерий Францевич Салатко-Петрище) родился 7 июля 1913 г. в Иркутске, когда ему было семь (1920 г.), вместе с матерью эмигрировал в Харбин, где и прошло становление будущего поэта.

В Харбине окончил школу, а затем в 1935 г. юридический факультет, изучая китайское право. В отличие от многих других харбинцев Валерий Францевич владел китайским языком и занимался в том числе и переводами с китайского, в чем достиг немалых высот. Уже в 1928 г. В. Перелешиним были опубликованы первые стихи, затем начали печататься и переводы. С 1932 г. он стал членом поэтического

⁴²⁸ *Забияко А.А.* Харбинский поэт Николай Щеголев: из истории русской эмиграции // Уральский исторический вестник. 2013. № 1(38). С. 75.

кружка «Чураевка», где занимался активной поэтической деятельностью. По утверждению самого Перелешина, он вместе с Н. Щеголевым и Н. Петерцем стали теми молодыми поэтами, которые провели революцию в «Чураевке», создав кружок «Круг поэтов», они стремились расширить горизонты поэтического творчества, пробуя себя в различных течениях. Валерий Перелешин стал последователем Николая Гумилева и считал себя акмеистом⁴²⁹.

Его китайская ориентированность была связана переездом в Пекин и работой переводчиком в духовной миссии; в 1946 г. В. Перелешин получил гражданство Советского Союза, но возвращаться не захотел. В связи с «культурной революцией» в Китае поэт вместе с матерью, которая всегда поддерживала его, переехал в Бразилию в 1953 г., где и прожил до своей смерти в 1992 г.⁴³⁰.

Образ родины в творчестве Валерия Перелешина китайского периода занимает особое место, ведь поэт считал, что у него три родины и искренне любил Китай.

В ранних стихах поэта все же заметно влияние старшего поколения. В 1934 г. в стихотворении «Мы» поэт признает себя частью России, частью того «мы», которым стали русские беженцы в Харбине – государства в государстве:

Все звезды повидав чужие
И этих звезд не возлюбя, –
Мы обрели тебя, Россия,
Мы обрели самих себя!
<...>
Мы – государство в государствах,
Сплотившееся навсегда.
<...>
Пусть мы бедны и несчастливы
И выбиваемся едва,
Но мы выносливы и живы,
И в нашем образе жива –
Пусть звезды холодны чужие –
Отрубленная голова

⁴²⁹ Забияко А.А. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов // Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015. С. 174.

⁴³⁰ Там же.

Неумирующей России.

«Мы», 1934, сб. «Добрый Улей»⁴³¹

В стихотворении преобладают меланхоличные настроения: тоска по утерянному, горечь, но и надежда на будущее. Эта надежда обращена к новой прекрасной родине – Китаю. Поэт искренне влюблен в Китай, считает его родным. В стихотворении «Китай» он поет песнь красоте этой страны, сравнивая ее с раем:

И родные озера, озера!
Словно на материнскую грудь
К ним я, данник беды и позора,
Приходил тишины зачерпнуть...
Словно дом после долгих блужданий,
В этом странном и шумном раю
Через несколько существований,
Мой Китай, я тебя узнаю!

«Китай», 1942, сб. «Жертва»⁴³²

Китай признается родиной – лирический герой обращается к озерам: «родные», а китайскую землю сравнивает с материнской грудью, Китай стал тем домом, к которому возвращается поэт после долгих блужданий, образ «южного дома» стал значимым в творчестве поэта, именно так назван и сборник стихотворений 1965 г., изданный в Мюнхене, где поэт опубликовал стихотворения, описывающие красоты Китая («Ночь на Сиху», «Хусиньтин», «Сянтаньчэн»).

Все чаще о России поэт стал вспомнить после 1940-х гг., когда оказался в сложной ситуации – перед началом очередной эмиграции, но уже в Бразилию. Как когда-то беженцев предала мать-Россия, так и «ласковая мачеха»-Китай снова выгнала поэта. В стихотворении «Ностальгия» Валерий Францевич признается в любви России, называя Китай – мачехой, хоть и ласковой, но менее любимой:

Я сердца на дольки, на ломтики не разделю,
Россия, Россия, отчизна моя золотая!
Все страны вселенной я сердцем широким люблю,
Но только, Россия, одну тебя больше Китая.
У мачехи ласковой – в желтой я вырос стране,
И желтые кроткие люди мне братьями стали...

⁴³¹ Перелешин В. Мы // Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 386–387.

⁴³² Перелешин В. Три родины. Стихотворения и поэмы. Т. 1. М., 2018. С. 106–107.

«Ностальгия», 1943, сб. Жертва⁴³³

О.А. Бузуев отмечает, что поэт, несмотря на всю свою любовь к Китаю, «всегда ощущал кровную связь со своей “первой родиной”»⁴³⁴, а Ю. Линник писал, что «Россия продолжала жить в сердце, памяти, языке – таков закон долгодействующей психологической инерции»⁴³⁵.

В стихотворении «Россия» сам поэт пишет, что хотел бы и забыть, казалось бы, ненужное слово Россия, но никак не может вырвать его из сердца:

Живу тревогами своими –
О бедном сердце, о семье,
А ты, Россия, только имя,
Придуманное бытие.

«Россия», 1944, сб. Южный дом⁴³⁶

И далее в стихотворении поэт восклицает:

Ужели в красоте раскосой,
В обетованьях смуглых тел
Голубоглазой, светлокосой
Одной России я хотел?

«Россия», 1944, сб. Южный дом

Эти строки подтверждают мысль О.А. Бузуева, когда кровная связь с родиной становится важнее приобретенной любви к Китаю. Образ родины в творчестве Валерия Перелешина – противоречивый и относится к трем странам, которые он считал родиной. Это Россия, Китай и позднее Бразилия. Китай стал главной любовью поэта, он искренне восхищался этой страной, вспоминал ее в солнечных и светлых тонах, с любовью и благодарностью, в то время как воспоминания о России окрашены в тревожные тона, преобладают такие чувства как обреченность, горе, тоска. Бразилия для поэта стала тем местом спокойствия и свободы, которыми так и не могли стать Китай и Россия. С Россией же поэта связывает кровное родство, кото-

⁴³³ Перелешин В. Ностальгия // Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 394.

⁴³⁴ Бузуев О.А. Творчество Валерия Перелешина. Комсомольск-на-Амуре, 2003. С. 60.

⁴³⁵ Линник Ю. Валерий Перелешин // Новый журнал. 1992. № 189. С. 233.

⁴³⁶ Перелешин В. Россия // Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 401.

рое он не может забыть, вытравить, променять на другие страны. Где бы он не находился, он ощущает себя русским – «я до костного мозга русский!» («Заблудившийся аргонавт», 1947)⁴³⁷. Эту русскость Валерий Перелешин передает в своих стихах, сохраняя в родном языке свою родину, он неоднократно подчеркивает особую силу русского слова.

Подводя итоги жизни, Валерий Перелешин в 1971 г. написал стихотворение «Три родины», где говорит о тех странах, которые считал родиной, это Россия, где он родился:

Родился я у быстроводной
неукротимой Ангары
в июле – месяц нехолодный,
но не запомнил я жары.
Со мной недолго дочь Байкала
резвилась, будто со щенком:
сначала грубо приласкала,
пинком отбросила потом.

«Три родины», 1971 г.⁴³⁸

Для поэта Россия – это та страна, которая отказалась от них, и он искренне полюбил свою новую родину – Китай, которым был очарован и любовь к которому он пронес через всю жизнь

И я, долгот не различая,
но зоркий к ярости обнов,
упал в страну шелков, и чая,
и лотосов, и вееров.
Пленённый речью односложной
(Не так ли ангелы в раю?..),
любовью полюбил неложной
вторую родину мою.

«Три родины», 1971 г.

⁴³⁷ Перелешин В. Три родины. Стихотворения и поэмы. Т. 1. М., 2018. С. 139.

⁴³⁸ Перелешин В. Три родины // Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 412.

Китайский язык для поэта подобен пению ангелов, он всю жизнь любил китайскую литературу, активно занимался переводами, считая и китайский язык родным. К сожалению, и Китай перестал быть безопасным, и поэт переехал в Бразилию.

Казалось бы, судьба простая:
то упоенье, то беда,
но был я прогнан из Китая,
как из России – навсегда.
Изгой, но больше не забытый,
я отдаю остаток дней
Бразилии провинциальной,
последней родине моей.
Здесь воздух густ, почти телесен,
и в нём, вращая в колдовство,
замрут обрывки давних песен,
не значащие ничего.

«Три родины», 27 сентября 1971 г.

Поэт был сыном трех матерей, у него три родины: неласковая России, сказочный Китай и не знаменитая спокойная Бразилия.

Достаточно репрезентативным, на наш взгляд, является образ родины в лирике Юстины Крузенштерн-Петерец (1903–1983). Она родилась 19 июня 1903 г. в городе Владивостоке в семье кадрового офицера – потомка знаменитого адмирала. В Харбин вместе с родителями попала в 1906 г. – семья не была эмигрантской по своей сути, а маленькая Юстина воспитывалась в осознании постоянного присутствия в ее жизни «большой родины». Несмотря на переезды, после смерти отца, семья в 1920 г. вернулась в Харбин. Юстина Владимировна с юных лет ощутила вкус к журналистике, сотрудничала в газете «Гун-Бао» и журнале «Рубеж». При этом писала стихи, прозу, занималась переводами. Она тоже была чураевкой – но, как сама признавалась, была там «перестарком»: самые зрелые члены «питомника» все были моложе ее лет на 7–10, а она пришла туда уже тридцатилетней⁴³⁹. В 1930 г. переехала в Шанхай и продолжила свою журналистскую деятельность. В 1934 г.

⁴³⁹ *Забияко А.А.* «Дело о "Чураевском питомнике"»: (некоторые штрихи к известной истории харбинского литературного объединения) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 139–152.

Ю.В. Крузенштерн вышла замуж за поэта и публициста Н. Петереца. Печаталась в газетах «Шанхайская заря», «North China Daily News». Писала фельетоны под псевдонимом «Merry Devil» и др., участвовала в шанхайском литературном кружке «Пятница».

С одной стороны – Крузенштерн-Петерец была ровесницей Марианны Колосовой, с другой же – была всецело погружена в молодежную жизнь литераторов русского Харбина, а затем и Шанхая. Потому ее трактовка родины, на наш взгляд, вмещает две тенденции в ее концептуальном осмыслении, о чем свидетельствуют представленные ниже стихотворения. Написаны они были в рамках литературной игры – так называемого «вдохновения из стакана»⁴⁴⁰. Напомним, не каждая тема была закрыта участниками «Пятницы» – несмотря на заданность, каждый был волен в своем лирическом порыве. Потому, к примеру, Л. Андерсен, Н. Щеголев и др. пропустили некоторые темы, видимо, им не близкие.

Тему «Россия» из островитян подхватили М. Коростовец, В. Перелешин, Н. Петерец, Л. Хаиндрова, Н. Щеголев – и анализ стихотворений этих авторов весьма показателен. Лирический субъект Валерия Перелешина, как было сказано выше – предпочитает России Китай; Николай Петерец воплощает присущее молодому поколению ощущение беспочвенности, его герой – живет в России литературной⁴⁴¹; Николай Щеголев слову «Россия» и «русский» – в полном согласии со своими убеждениями возвращенца – противопоставляет в прокламационном духе слово «советский».

На наш взгляд, стихотворение Ю.В. Крузенштерн в этом «веере» оказалось наиболее удачным и в отношении формы, и концептуальных смыслов:

Проклинали... Плакали... Вопили...
 Декламировали: «Наша мать!»
 В кабаках за возрожденье пили,
 Чтоб опять наутро проклинать.
 А потом вдруг поняли. Прозрели.

⁴⁴⁰ *Забияко А.А.* «Мои это годы, моя это жизнь и судьба!» (Жизнь и творчество поэта Николая Щеголева в контексте судьбы «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья) // Щеголев Н. Сочинения. М., 2014. С. 238–310.

⁴⁴¹ *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* «Четверть века беженской судьбы» (художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск, 2008. С. 286–386.

За голову взялись: «Неужели?
Китеж! Воскресающий без нас!
Так-таки великая! Подите ж!»
А она действительно, как Китеж,
Проплывает мимо глаз.

«Россия», 1944, Шанхай⁴⁴²

Стихотворение написано одической строфой, столь любимой Державиным – что сразу обращает наши ритмические ориентиры в эстетику XVIII в. Однако после прочтения этого десятистишия (рифмовка ababccded) читателя ждет эффект «обманутого ожидания»: вместо восхваляющего, торжественного содержания, ожидаемых пафосных восклицаний лексико-синтаксический уровень стихотворения (тезис) прошит неопределенно-личными глаголами несовершенного вида в прошедшем времени: *проклинали, плакали, вопили, декламировали, в кабаках за возрождение пили, (чтоб на утро снова проклинать)*. Глаголы в своем семантическом наполнении создают динамичный и ироничный образ душевного и духовного сумбура эмигрантского сознания по отношению к России-родине, длящегося не один год. Все глаголы-мотивы практически не обозначают действия, а по принципу градации передают образ речеизъявления (при этом – экспрессивного, истеричного).

Антитезис этому ментальному сумбуру строится на композиции трех фраз: *вдруг поняли, прозрели, за голову взялись* – данные глаголы обозначают «ментальные действия», причем тоже по принципу градации определяя фрустрацию эмиграции. Итак, мотивный строй стихотворения построен на гипертрофированной глагольности неопределенно-личных конструкций, подчеркивающих аморфность эмигрантского отношения к России и обобщенный характер этих настроений – мнимая динамика мотивов.

Образный же строй komponуется вокруг концепта «Россия», заявленного в заглавии. Образ «великой» России–«воскресающего Китежа» становится синтезом – вердиктом всем тщаниям эмиграции, пропившей свою родину «в кабаках». Как известно, в легенде о Китеже реальные события эпохи татаро-монгольского владычества приобрели фантастическую окраску: град был спасен от разорения татарами

⁴⁴² Крузеништерн-Петерец Ю.В. Россия // Остров. Шанхай, 1944. С. 206.

Божьим промыслом – он сделался невидимым и стал местом идеальной жизни. Мифологический образ мессианского города, ушедшего под воду пред угрозой быть захваченным и уничтоженным врагом (монголами), становится символом России-родины, обманувшей захватчиков и воскресающей без участия эмиграции. В образе не упоминаемых, но предполагаемых захватчиков, безусловно, для эмигрантской поэтессы, воплощены не только представления о большевиках, захвативших когда-то великую Россию, но и о фашистских войсках, которых в 1944 г. уже погнали с советской земли.

В целом же ритмический ореол одической строфы в столкновении с экспрессивной (сниженной) лексикой, просторечиями (*вопили, в кабаках, так-таки, подите ж*), градацией неопределенно-личных глаголов, оксюмороном (*в кабаках за возрождение*), реализованной метафорой (*проплывает мимо глаз*) и риторическими восклицаниями создают почти памфлетный настрой. Если бы не лирические и одновременно – торжественные интонации последних двух строк:

А она действительно, как Китеж,
Проплывает мимо глаз.

Усечение последнего слога в клаузуле 5-стопного хорее дает еще один эффект лирическому высказыванию – «немую паузу». Величественный образ неумирающей *России-Китежа* противостоит застывшей в немой паузе эмиграции, ощутившей свою духовную пустоту.

Ранее, чем «Россия», в веера «пятничных» конкурсов было написано стихотворение «Дым» – однако включено в публикацию оно не было. Из всех участвующих в этом начальном веере поэтов (пишущих о «дыме парохода», «дыме как тумане» и т.д.) одна Ю. Крузенштерн-Петерец обращается к образу «дыма родины» – перифразу известного державинского тезиса о «дыме Отечества» («Арфа», 1798), впоследствии приписанного Грибоедову. Однако само высказывание Державин заимствовал из латинской поговорки «*Et fumus patriae dulcis*», лат. («И дым отечества сладок»), принесенный Овидием из гомеровской «Одиссеи» («видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий»):

Уходя от родины навеки,

Не гляди на дым,
 А зажмурь заплаканные веки,
 Крепко их зажмурь.
 Дым не раз еще увидишь снова,
 Но таким седым
 Может быть он только у родного
Дома – в годы бурь.
 И еще не раз глаза усталой
 Ты протрешь рукой
 И подумаешь о том, как мало
 Свой любил ты кров,
 И еще не раз ресницы
 Обожжет тоской,
 Это зов далекий возвратится,
 Это – дыма зов⁴⁴³.

Не случайно метонимический образ *дыма* постепенно переходит в образ *дома*. Метонимия обращается в метафору дома-родины. Довольно хитрая рифмовка 5–3 ст. ямба аВаСdEdС способствует античным ассоциациям, придающим раздумьям лирического субъекта об оставленной родине эпический пафос.

Образ оставленного *дома-родины*, воскресающего все архетипические представления о родине в этническом сознании русских людей, возникнет еще в одном стихотворении этого периода «подведения итогов отношения к родине». Несмотря на схожесть названия, стихотворение «Дом» также не вошло в сборник «Остров» – там было опубликовано другое. На наш взгляд – намного слабее и по содержанию, и по стилю. В цитируемом стихотворении образ дома поначалу вполне реалистичен:

Холодный, опустевший дом,
 И тишина, и пыль, и мрак –
Дом выстроен был кое-как
И обречен давно на слом.
 А все ж он был кому-то мил,
 И кто-то в нем когда-то жил
 Еще недавно иль давно,
 И кто он был – не все ль равно.
 Я мертвого не разбужу,
 Я тихо сяду на скамью

⁴⁴³ *Крузеништерн-Петерец Ю.В.* Дым // Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 262–263.

И ношу тяжкую мою
 Бесшумно рядом положу.
 Багаж мой – паспорт да портплед,
 Стихов немного, много лет,
 Да сердце, ставшее сухим,
 Как будто вовсе не моим⁴⁴⁴.

Лишь включение точки зрения лирической героини помогает понять, что речь идет о «родном доме», «родительском доме», брошенной своими детьми матери-родины, старушки:

Но отчего же странный дом
 Меня заставил задрожать?
 Простой некрашенный фасад,
 Подслеповатый окон взгляд,
 И челюстью вперед крыльцо –
Совсем знакомое лицо.

Младшее поколение поэтов воспринимает образ России с чувством утраты, ощущение «беспочвенности» становится основным при рефлексии ими образа родины. Для Николая Щеголева родина проявляется в метапоэтических образах отечественной истории, культуре, традициях. Ларисса Андерсен в своем творчестве связывает родину с родной кровью, зовом предков, живущим в крови и памяти.

Наиболее репрезентативным среди молодых поэтов, многие из которых родились в Китае и не знали России, становится образ родины в творчестве В. Перелешина, контаминировавший традиционный литературный образ России и новообретенной родины – Китая.

Типологические схождения в рефлексии образа родины русскими и китайскими писателями дальневосточного фронта обусловлены укорененными в русском и китайском сознании отношении к родине как земле предков, обладающей притягательной, целительной силой, являющейся священной. Близкими коннотациями проникнут образ родины в творчестве китайских эмигрантов в Японии и Ар-

⁴⁴⁴ *Крузенитерн-Петерец Ю.В. Дым // Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 261–262.*

сения Несмелова; китайских писателей-мигрантов, обретших родину в Маньчжурии в результате исторических потрясений, и в творчестве молодых русских писателей, не знавших России и ищущих себе пристанища в Маньчжурии. Так, встреча двух этносов в типологически сходных условиях порубежья и типологически близком статусе мигрантов в определенный момент времени порождает сходные рефлексии образа Родины. В дальнейшем годы японской оккупации и события Великой Отечественной войны еще более сблизят понимание Родины в творчестве молодых русских эмигрантов и китайских авторов, что свидетельствует о глубинных точках совместимости двух этносов, в основе этнического сознания которых лежит представление о родине как «земле предков», «родительской земле».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучив особенностей формирования представлений о родине и их образного воплощения в русской и китайской литературе в условиях дальневосточного фронта в первой половине XX в., мы пришли к следующим выводам:

Формирование художественного образа родины в русской литературе определено архетипическими представлениями русских о Матери-земле, рождающей богине, непорочной защитнице своих детей, доброй и заботливой кормилице, священной земле (материнский образ родины, Родины-матери), также о земле рода (родной земле, земле предков) – территории, где сформировался и живет род и его потомки (патерналистский образ родины, легший в основу представлений об Отечестве, Отчизне – земле отцов,); о земле, населенной единоверцами и единокровцами (этнорелигиозный образ, легший в основу именованья «Русская земля», «Русь», «Россия», государство, управляемое старейшинами рода, впоследствии перешедший в национальный образ). В разные исторические периоды в русской культуре преобладал тот образ родины, который был наиболее востребован этническим сознанием (от личного, индивидуалистического до соборного толкования понятия), и находил отражение в русском фольклоре и литературе с самого начала их существования.

В китайской этнической картине мира мифологизированные представления о родине формировались в условиях фактической изолированности Китая от всего мира. В семантике элементов, составляющих понятие родины, исторически преобладали значения «земли предков» (где похоронены предки), родной земли (места, где родился; родной природы – ландшафта, климата). В творчестве классических китайских поэтов и писателей образ родины связан с описаниями окружающей природы, того, к чему человек привязан с детства. Только после Синьхайской революции и начала формирования национального сознания китайцев в семантику понятия «родина» проникает перенятый у иностранцев образ родины-матери – усвоенный через европейские лекала. Слово «Родина» в национальном звучании (кит. «祖国») – «страна предков», то есть некая территориально-антропологическая

общность) в современном китайском языке возникает только в 20–40-е гг. XX в., в переломный для китайской ментальности социально-политический и культурно-исторический период.

Дальневосточный фронт (порубежье пространственное, временное, этнокультурное и этнорелигиозное) стал в первой половине XX в. для русских и китайцев той экзистенциальной координатой, что обусловила типологически сходные трансформации этнических представлений русских и китайцев о родине и своем отношении к ней. На территории дальневосточного фронта встретились мигранты из Центрального Китая и Российской империи, вынужденные оставить свои родные насиженные места, родных людей, могилы предков и адаптироваться (выживать) в новых непривычных для себя условиях в инокультурном окружении, зачастую – в военном противостоянии. Эти обстоятельства обусловили типологически близкие художественные рефлексии образа родины в сознании литераторов, но и обозначили специфические формы этнического самостояния русских и китайских писателей на примере образа родины.

В китайской литературе первых десятилетий XX в. наиболее пронзительными рефлексиями образа родины отличается творчество писателей-эмигрантов, вынужденных поехать учиться в Японию на фоне послевоенного национального кризиса. В творчестве Юй Дафу и Му Мутяня возникают андрогинные образы родины, семантически амбивалентные – они одновременно соединяют в себе женское начало (образ родной земли – оставленной матери, любимой и желанной женщины, навеянный отчасти японским модернизмом) и мужское начало (образ отца – слабого мужчины, государства, неспособного оценить и защитить своих детей).

Период антияпонского сопротивления в Китае связан с деятельностью группы северо-восточных писателей, для которых Северная Маньчжурия не была настоящей родиной (Сяо Хун, Сяо Цзюнь, Дуаньму Хунлян). В ситуации, когда недавние мигранты (потомки мигрантов) были вынуждены оставить уже ставшие привычными места и отправиться в изгнание, их представление о родине востребовало укорененное в традиции представление о родных местах, родной земле предков. Литераторы периода антияпонского сопротивления придали образу родины

особые значения, связанные с высоким патриотизмом и желанием уберечь родную землю и страну от захватчиков. Образ родины связан с образами родной земли, природы (Дуаньму Хунлянь), места, которое стало родиной для китайских мигрантов с центральной части страны, с теми традициями и обычаями, что принесли с собой переселенцы (Сяо Хун). Так возникает образ Родины-матери, щедрой и заботливой кормилицы, на которую посягают иноземцы-японцы, и становится ключевым в китайской литературе дальневосточного фронта. Именно такие коннотации образа родины лягут в современные метафорические обозначения представлений китайцев и сформируют новое понятие «страна предков».

Формирование образа Родины в творчестве старшего поколения дальневосточной эмиграции (А. Ачаир, М. Колосова, А. Несмелов) протекает в неразрывной традиции с архетипическими представлениями о родине, укорененными в русском этническом сознании, традициями русской литературы XIX–XX вв. и региональными условиями формирования литературного процесса в Харбине. Потому коннотации образа родины в творчестве «старших поэтов» связаны с образами малой родины, образами родного дома, родной земли, Сибири, и имеют зачастую религиозное осмысление (Святая Русь, Золотая Русь, либо триединство Родина-Россия-Русь).

В творчестве Арсения Несмелова образ Родины обретает окказиональное для всей эмиграции значение «брошенной и разлюбившей женщины» с оттенками inferнальной угрозы (родины-волчицы) – такое толкование вызывает осуждение во всех эмигрантских поэтических кругах, но характеризует поэта как новатора и полемиста, не воссоздающего клише, опирающегося на психоаналитические интерпретации и неомифологию.

Младшее поколение поэтов воспринимает образ России с чувством утраты, ощущение «беспочвенности» становится основным при рефлексии ими образа родины. Для Николая Щеголева родина проявляется в метапоэтических образах отечественной истории, культуре, традициях. Ларисса Андерсен в своем творчестве связывает родину с родной кровью, зовом предков, живущим в крови и памяти.

Наиболее репрезентативным среди молодых поэтов, многие из которых родились в Китае и не знали России, становится образ родины в творчестве В. Перелешина, контаминировавший традиционный литературный образ России и новообретенной родины – Китая.

Типологические схождения в рефлексии образа родины русскими и китайскими писателями дальневосточного фронта обусловлены укорененным в русском и китайском сознании отношении к родине как земле предков, обладающей притягательной, целительной силой, являющейся священной. Близкими коннотациями проникнуты образы родины в творчестве китайских эмигрантов в Японии и Арсения Несмелова; китайских писателей-мигрантов, обретших родину в Маньчжурии в результате исторических потрясений, и в творчестве молодых русских писателей, не знавших России и ищущих себе пристанища в Маньчжурии. Так встреча двух этносов в типологически сходных условиях порубежья и типологически близком статусе мигрантов в определенный момент времени порождает сходные рефлексии образа Родины. В дальнейшем годы японской оккупации и события Великой Отечественной войны еще более сблизят понимание Родины в творчестве молодых русских эмигрантов и китайских авторов, что свидетельствует о глубинных точках совместимости двух этносов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «И будет вечен вольный труд...»: Стихи русских поэтов о родине / Сост. Л. Асанов. – М. : Правда, 1988. – 464 с.
2. Аблова, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае / Н. Е. Аблова. – М. : Русская панорама, 2004. – 432 с.
3. Агеносов, В. В. История литературы русского зарубежья. Первая волна : учебник для вузов / В. В. Агеносов, Н. С. Выгон, А. В. Леденев. – М. : Юрайт, 2022. – 365 с.
4. Агеносов, В. В. Категории «свое/чужое» как выражение национальной идентичности в поэтическом сознании русских эмигрантов / В. В. Агеносов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 7 : Мост через Амур : материалы IV междунар. конф. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2006. – С. 273–285.
5. Агеносов, В. В. Литература русского зарубежья (1918–1996) / В. В. Агеносов. – М. : Terra-Спорт, 1998. – 544 с.
6. Агеносов, В. В. Литература русского зарубежья. 11 класс / В. В. Агеносов. – М. : Дрофа, 2007. – 300 с.
7. Агеносов, В. В. Несмелов Арсений Иванович / В. В. Агеносов // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь : в 3 т. Т. 2. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – С. 631–634.
8. Александр Блок. Андрей Белый. Диалог поэтов о революции / Сост. М. Ф. Пьяных. – М. : Высшая школа, 1990. – 687 с.
9. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник / З. Е. Александрова ; под. ред. Л. А. Чешко. – М. : Русский язык, 2001. – 568 с.
10. Андерсен, Л. Н. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма / Сост., вступ. ст. и примеч. Т. Н. Калиберовой. – М. : Русский путь ; Библиотекафонд «Русское зарубежье», 2006. – 472 с.
11. Андерсон, Н. М. Путь русского офицера: записки из германского плена (1914–1918) / Сост. Т. Н. Калиберова. – Владивосток : Валентин, 2010. – 224 с.

12. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. – М. : Высшая школа, 2001. – 725 с.
13. Антология поэзии русской диаспоры 1920–1990 (первая и вторая волна) : в 4 кн. Кн. 3 : Мы тогда жили на другой планете... / Сост. Е. Витковский. – М. : Московский рабочий, 1994. – 400 с.
14. Апресян, В. Ю. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская и др. ; под ред. Ю. Д. Апресяна. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
15. Арбатский, Д. И. Основные способы толкования значений слова / Д. И. Арбатский // Русский язык в школе. – 1970. – № 3. – С. 26–31.
16. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
17. Ахматова, А. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения и поэмы / А. Ахматова. – М. : Правда, 1990. – 448 с.
18. Ахматова, А. Сочинения : в 2 т. Т. 2 : Стихотворения разных лет / А. Ахматова. – М. : Правда, 1990. – 432 с.
19. Ачаир, А. Мне кто-то бесконечно дорог / А. Ачаир. – М. : Янус-К, 2009. – 428 с.
20. Ачаир, А. Стихи / А. Ачаир. – Сан-Франциско, 2004.
21. Багичева, Н. В. «Пальнём-ка пулей в Святую Русь!»: ревизия образа Родины в пространстве интернета / Н. В. Багичева // Образ родины: содержание, формирование, актуализация : материалы Международной научной конференции (г. Москва, 21 апреля 2017 г.). – М. : МХПИ, 2017. – С. 3–8.
22. Багичева, Н. В. «Свиток, на котором отмечены все тайны бытия»: архетипы Родины-матери в русском менталитете / Н. В. Багичева, Т. А. Чикаева // Филологический класс. – 2017. – №3(49). – С. 34–40.
23. Баксанский, О. Е. Моя картина мира. Как человек создает повседневную реальность / О. Е. Баксанский, Е. Н. Кучер. – М. : Канон+; РООИ Реабилитация, 2014. – 576 с.

24. Балеевских, О. Ю. «Родина-Мать»: значение образа матери в формировании патриотизма / О. Ю. Балеевских // Сумма философии. – Екатеринбург, 2007. – № 7. – С. 35–40.
25. Баранов И. Г. Верования и обычаи китайцев / И. Г. Баранов. – М. : ИД «Муравей-Гайд», 1999. – 304 с.
26. Бежин, Л. Е. Ду Фу / Л. Е. Бежин. – М. : Молодая гвардия, 1987. – 271 с.
27. Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 140 : Бунин И. А. Стихотворения. Рассказы. Повести / Под ред. С. Чулкова. – М. : Худ. лит., 1973. – 528 с.
28. Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 105 : Русская поэзия XIX века / Под ред. А. Краковской, С. Чулкова. – М. : Худ. лит., 1974. – 703 с.
29. Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 151 : Есенин С. А. Стихотворения. Поэмы / Под ред. И. Чеховской. – М. : Худ. лит., 1973. – 383 с.
30. Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 93 : Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени / Под ред. С. Чулкова. – М. : Худ. лит., 1972. – 776 с.
31. Библиотека всемирной литературы: в 200 т. Т. 106 : Русская поэзия XIX века / Под ред. С. Чулкова, И. Щербаковой. – М. : Худ. лит., 1974. – 751 с.
32. Библиотека всемирной литературы: в 200 т. Т. 57 : Русская поэзия XVIII века / Под ред. С. Чулкова. – М. : Худ. лит., 1972. – 735 с.
33. Богданов, К. А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности / К. А. Богданов. – СПб. : Искусство-СПб., 2001. – 438 с.
34. Большой стих о Егории Храбром // Селиванов Ф. М. Русские народные духовные стихи. – Йошкар-Ола : Марийский ун-т, 1995. – С. 27–31.
35. Большой толковый словарь русского языка / Под. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.
36. Брутян, Г. А. Язык и картина мира / Г. А. Брутян // Научные доклады высшей школы. Сер. : Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 84–112.
37. Бузуев, О. А. Очерки по истории литературы русского зарубежья Дальнего Востока (1917–1945) / О. А. Бузуев. – М. : Прометей, 2000. – 124 с.

38. Бузуев, О. А. Поэзия Арсения Несмелова: Монография / О. А. Бузуев. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во ГОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре гос. пед. ун-т», 2004. – 113 с.
39. Бузуев, О. А. Творчество Валерия Перелешина : монография / О. А. Бузуев. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во ГОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре гос. пед. ун-т», 2003. – 145 с.
40. Буслакова, Т. П. Литература русского зарубежья : курс лекций. Учебное пособие / Т. П. Буслакова. – М. : Высшая школа, 2005. – 365 с.
41. Ван, Юйци. Поэтика названия сборника Юй Дафу «沉沦» (1921) как образ восприятия и самовосприятия / Ван Юйци // Гуманитарный вектор. 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 16–24.
42. Веселовский, А. Н. Судьба-доля в народных представлениях славян / А. Н. Веселовский // Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Сборник отделения русского языка и словесности. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1889. – Т. 46. – № 6. – С. 173–260.
43. Воркачев, С. Г. Идея патриотизма в национальном корпусе русского языка / С. Г. Воркачев // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 2(18). – С. 114–123.
44. Воркачев, С. Г. Лингвоидеологема «Родина» в научном дискурсе / С. Г. Воркачев // Грани познания : электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ. – 2014. – № 1(28). – С. 5–8.
45. Вспомнить нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / Сост. В. А. Суманосов. – Барнаул : Алтайский дом печати, 2015. – 554 с.
46. Голышева, Г. Э. Как рождается художественный образ?: анализ стихотворения Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять...» / Г. Э. Голышева // Русский язык в школе. – 2012. – № 4. – С. 23–27.
47. Горшенин, А. Дорога к дому / А. Горшенин // Сибирские огни. – 2011. – № 8.

48. Гребенюкова, Н. П. «Нам не рай завещан голубой...» (О творчестве Лариссы Андерсен) / Н. П. Гребенюкова // Записки Гродековского музея. – Хабаровск : Хабаровский краеведческий музей, 2004. – Вып. 7. – С. 55–61.
49. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
50. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 2000.
51. Дальние берега: Антология поэзии русского зарубежья / Сост. В. В. Кудрявцев. – Смоленск : Русич, 2006. – 607 с.
52. Державин, Г. Р. Стихотворения 1774–1816 гг. Подробный иллюстрированный комментарий / Г. Р. Державин. – М. : РГ-Пресс, 2021. – 256 с.
53. Есенин, С. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2 / С. Есенин. – М. : Правда, 1983. – 384 с.
54. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учеб. пособие / А. Б. Есин. – М. : Флинта ; Наука, 2000. – 248 с.
55. Жутикова, Н. К столетию со дня рождения А. Ачаира / Н. Жутикова, Е. Таскина // На сопках Маньчжурии. – Новосибирск. – 1996. – № 35.
56. За плотно закрытой дверью. Дело Алексея Грызова // Человек и закон. – 1992. – № 6–7.
57. Забияко, А. А. «Всё мнится мне, что я в России, а не маньчжурском городке...»: Россия и проблема русскости в творчестве харбинских поэтов / А. А. Забияко // Забияко А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Левашко, А. А. Хисамутдинов ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 155–180.
58. Забияко, А. А. «Дело о "Чураевском питомнике"»: (некоторые штрихи к известной истории харбинского литературного объединения) / А. А. Забияко // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 6. – С. 139–152.

59. Забияко, А. А. «Мои это годы, моя это жизнь и судьба!» (Жизнь и творчество поэта Николая Щеголева в контексте судьбы «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья) / А. А. Забияко // Щеголев Н. Сочинения. – М. : Водолей, 2014. – С. 238–310.

60. Забияко, А. А. «Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода / А. А. Забияко, К. А. Землянская // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 8–17.

61. Забияко, А. А. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина) : монография / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2008. – 428 с.

62. Забияко, А. А. Архив и архивные маргиналии Н. Щеголева как источник реконструкции жизни русской эмиграции в Харбине / А. А. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11 : Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 218–230.

63. Забияко, А. А. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов / А. А. Забияко // Забияко А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Лешко, А. А. Хисамутдинов ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 142–158.

64. Забияко, А. А. Движение «Переход в Гуаньдун» в русской и китайской литературоведческой парадигме XX–XXI в. / А. А. Забияко, Чжоу Синьюй, Лю Ши, Е Янян // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 14: Сборник материалов международной научной конференции «Дальневосточный фронт. Исторический форум» (г. Благовещенск, АмГУ, 21–25 сентября 2022 г.) / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2022. – С. 288–298.

65. Забияко, А. А. «Китеж, воскресаящий без нас...»: образ Родины в лирике дальневосточной эмиграции / А. А. Забияко, Фэн Ишань // Русская словесность. – 2023. – № 4. – С. 58–70.

66. Забияко, А. А. Лирика «Харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика : дис. доктора филол. наук : 10.01.01 / Забияко Анна Анатольевна. – М., 2007. – 480 с.
67. Забияко, А. А. Литературное кликушество: драма женской души и форма этнорелигиозной идентификации / А. А. Забияко // Религиоведение. – 2010. – № 1. – С. 157–167.
68. Забияко, А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина : монография / А. А. Забияко. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2016. – 437 с.
69. Забияко, А. А. Николай Щеголев: харбинский поэт-одиночка / А. А. Забияко // Новый Журнал. – Нью-Йорк, 2009. – № 256. – С. 310–324.
70. Забияко, А. А. Образ восприятия Китая и китайцев в культуре и литературе дальневосточной эмиграции / А. А. Забияко, Е. В. Сенина // Emigrantologia Słowian. – 2018. – Vol. 4. – P. 5–14.
71. Забияко, А. А. Образ восприятия Китая и китайцев в русской дореволюционной литературе и публицистике XX века / А. А. Забияко, Е. В. Сенина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. XV. – Вып. 4. – С. 212–219.
72. Забияко, А. А. Религиозная жизнь северо-маньчжурского города первой половины XX в. (Павел Шкуркин) / А. А. Забияко, Чжоу Синьюй, Лю Ши, Фэн Ишань, Цюй Чжи // Религиоведение. – 2022. – № 3. – С. 64–76.
73. Забияко, А. А. Религиозная жизнь Харбина первой половины XX в. в устных историях жителей города (по материалам Н. Н. Лалетиной) / А. А. Забияко, Цзюй Куньи // Религиоведение. – 2021. – № 4. – С. 78–94.
74. Забияко, А. А. Религиозные искания писателей дальневосточной эмиграции: метаморфозы этнокультурной идентификации / А. А. Забияко, О. Е. Цмыкал // Религиоведение. – 2018. – № 4. – С. 131–145.
75. Забияко, А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Левашко,

А. А. Хисамутдинов ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – 462 с.

76. Забияко, А. А. Синэстезия: метаморфозы художественной образности / А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2004. – 211 с.

77. Забияко, А. А. Сюжет о Николае Угоднику в фольклорных текстах жителей Харбина / А. А. Забияко, Цзюй Куньи // Религиоведение. – 2022. – № 1. – С. 35–51.

78. Забияко, А. А. Тропа судьбы А. Ачаира / А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2007. – 250 с.

79. Забияко, А. А. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности / А. А. Забияко, А. П. Забияко, Я. В. Зиненко, Чжан Жюань // Известия Иркутского государственного университета. – 2016. – Т. 17. – С. 109–125.

80. Забияко, А. А. Харбинский поэт Николай Щеголев: из истории русской эмиграции / А. А. Забияко // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 1(38). – С. 67–77.

81. Забияко, А. А. Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) / А. А. Забияко, О. Е. Цмыкал // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 45–56.

82. Забияко, А. П. История древнерусской культуры / А. П. Забияко. – М. : Интерпракс, 1995. – 300 с.

83. Забияко, А. П. Категории «свой» – «чужой» в этническом сознании / А. П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах : Вып. 5 : материалы III междунар. науч. конф. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2003. – С. 224–228.

84. Забияко, А. П. Легенды старого Харбина. Исторический путеводитель / А. П. Забияко, А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева, И. В. Киричков, Е. А. Конталева, О. Е. Цмыкал, С. С. Лешошко, Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Я. В. Зиненко, К. А. Землянская, В. Н. Абеленцев ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2022. – 186 с.

85. Забияко, А. П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации / А. П. Забияко // Забияко А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Левовошко, А. А. Хисамутдинов ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 3–14.
86. Забияко, А. П. Начала древнерусской культуры / А. П. Забияко. – М. : Пайдейя : Моск. учеб., 2002. – 478 с.
87. Забияко, А. П. Образ / А. П. Забияко // Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / Гл. ред. С. Я. Левит. – СПб., 1998. – С. 102.
88. Забияко, А. П. Порубежье / А. П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9 : Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия : сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2010. – С. 5–10.
89. Забияко, А. П. Порубежье как данность человеческого бытия / А. П. Забияко // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 26–36.
90. Забияко, А. П. Русские и китайцы: встреча на рубеже культур / А. П. Забияко // Исторический опыт освоения Дальнего Востока : материалы междунар. науч. конф. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2001. – Вып. 4. – С. 19–28.
91. Забияко, А. П. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А. П. Забияко, Р. А. Кобызов, Л. А. Понкратова ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ. – 412 с.
92. Забияко, А. П. Русские Трехречья: основы этнической самобытности : монография / А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Новосибирск : Изд-во Института Археологии, антропологии и этнографии РАН, 2017. – 350 с.
93. Забияко, А. П. Харбинский политехнический институт. От паровоза к космическому аппарату: история, достойная стать легендой / А. П. Забияко // Забияко А. П. Легенды старого Харбина. Исторический путеводитель / А. П. Забияко, А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева, И. В. Киричков, Е. А. Конталева, О. Е. Цмыкал,

С. С. Лешко, Цзюй Вэй, Цзюй Кунь, Я. В. Зиненко, К. А. Землянская, В. Н. Абеленцев ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2022. – С. 121–128.

94. Забияко, А. П. Этническое сознание и этнокультурные константы как фактор русско-китайских отношений / А. П. Забияко // Забияко А. П. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А. П. Забияко, Р. А. Кобызов, Л. А. Понкратова ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – С. 124–140.

95. Забияко, А. П. Религия славян / А. П. Забияко // История религии : в 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. И. Н. Яблокова. – М. : Высш. шк., 2004. – С. 236–286.

96. Забияко, А. А. Школьные легенды Харбина / А. А. Забияко, К. А. Землянская // Забияко А. П. Легенды старого Харбина. Исторический путеводитель / А. П. Забияко, А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева, И. В. Киричков, Е. А. Конталева, О. Е. Цмыкал, С. С. Лешко, Цзюй Вэй, Цзюй Кунь, Я. В. Зиненко, К. А. Землянская, В. Н. Абеленцев ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2022. – С. 115–120.

97. Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 6 : XIV – середина XV века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понько. – СПб. : Наука, 1999. – С. 106–119.

98. Зализняк, А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – С. 248–261.

99. Зализняк, А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.

100. Зализняк, А. Отражение «национального характера» в лексике русского языка / А. Зализняк, И. Б. Левонтина // Зализняк А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 307–335.

101. Зализняк, А. Преодоление пространства в русской языковой картине мира / А. Зализняк // Зализняк А. Ключевые идеи русской языковой картины мира

/ А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 96–109.

102. Зверев, О. В. Этническая картина мира как выражение менталитета этноса / О. В. Зверев // Вестник МГУ культуры и искусств. – 2011. – № 4. – С. 105–108.

103. Землянская, К. А. «Смерть под маской. Святочная быль» Венедикта Марта: беллетристический опыт советского писателя / К. А. Землянская // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8 : Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст : сборник научных работ / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2021. – С. 161–171.

104. Зеньковский, С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века / С. А. Зеньковский. – М. : Церковь, 1995. – 528 с.

105. Зиненко, Я. В. «Мы жили в Харбине, как при царской России»: социокультурные и этнокультурные процессы 10–50 гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов / Я. В. Зиненко, Цзюй Куньи // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11 : Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 363–371.

106. Зиненко, Я. В. Представление о родине в китайском культурном сознании 20–40-х гг. XX в. (на материале повести «Сказания о реке Хулань» Сяо Хун) / Я. В. Зиненко, Фэн Ишань // Китайская цивилизация в диалоге культур : материалы V Международной научно-практической конференции. – М. : Знание-М, 2022. – Вып. 3. – С. 98–102.

107. Золотых, Л. Г. Картина мира – Модель мира – образ мира: проблема соотношения категорий в аспекте идиоматики / Л. Г. Золотых // Гуманитарные исследования. – 2006. – № 3. – С. 46–51.

108. Зусман, В. Г. Диалог и концепция в литературе. Литература и музыка / В. Г. Зусман. – Нижний Новгород : Деком, 2001. – 168 с.

109. Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990): Аннотированная библиография (монографии, сборники статей, библиографические и справочные издания) / Отв. ред. Г. Н. Белова. – М. : Изд-во МГУ, 2002. – 96 с.
110. Ильин, И. А. Родина и мы / И. А. Ильин. – Смоленск : Посох, 1995. – 511 с.
111. Ильин, И. А. Собрание сочинений : В 10 т. Т. 6. Кн. 2 : О России; Русские писатели. Литература. Театр. Музыка; Художник и художественность; О русской культуре / И. А. Ильин. – М. : Русская книга, 1996. – 672 с.
112. Ильина, Н. Дороги и судьбы. Автобиографическая проза / Н. Ильина. – М. : Сов. писатель, 1985. – 560 с.
113. Капинос, Е. В. «Онегин» по-китайски: «Поэма без предмета» В. Перелешина / Е. В. Капинос // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства. Коллективная монография / Отв. ред. И. В. Силантьев, Е. В. Капинос, И. Е. Лоцилов. – СПб. : Алетейя, 2020. – С. 207–233.
114. Капинос, Е. В. Строфика А. Ачаира / Е. В. Капинос, И. С. Полторацкий // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства. Коллективная монография / Отв. ред. И. В. Силантьев, Е. В. Капинос, И. Е. Лоцилов. – СПб. : Алетейя, 2020. – С. 138–156.
115. Ким Чжон Хон. Японо-китайская война 1894–1895 гг. и судьба Кореи / Ким Чжон Хон // Вопросы истории. – 2005. – № 5. – С. 106–113.
116. Китай во второй половине XIV–XV в. // История Востока : в 6 т. Т. 2 / Гл. ред. Р. Б. Рыбаков. – М. : Восточная литература, 2000. – 716 с.
117. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии / Сост. С. Серебряный, П. Самасундарам. – М. : Худ. лит., 1977. – 928 с.
118. Коваль, Т. Образ родины в значении «Родина-мать»: патриотический дискурс / Т. Коваль // Общество и этнополитика : материалы Второй Международной научно-практической Интернет-конференции / Под ред. Л. В. Савинова. – Новосибирск, 2009. – С. 199–204.

119. Кодзис, Б. Литературные центры русского Зарубежья 1918–1933: Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание / Б. Кодзис. – Мюнхен : Изд. Отто Сагнер, 2002. – 318 с.
120. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб. : Юна, 2002. – 444 с.
121. Колосова, М. Господи, спаси Россию!: Стихи : Кн. 2. – Харбин : Тип. «Заря», 1930. – 82 с.
122. Колосова, М. Неужели? / М. Колосова. – Харбин, 1929.
123. Комарович, В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. / В. Л. Комарович // Труды Отдела древнерусской литературы. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. – Т. 16. – С. 84–104.
124. Конталева, Е. А. Особенности фронтальной ментальности в жизнестроительстве и творчестве русской эмиграции на северо-востоке Китая / Е. А. Конталева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13 : Народы и культуры Северо-Восточного Китая : сборник материалов международной научно-практ. конф. / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2020. – С. 402–409.
125. Конталева, Е. А. Религиозносинкретические основания ментальности русских эмигрантов (на примере художественно-этнографической прозы Н. А. Байкова и П. В. Шкуркина) / Е. А. Конталева // Религиоведение. – 2020. – № 3. – С. 45–54.
126. Конталева, Е. А. Религиозный синкретизм в культуре русской эмиграции в Харбине / Е. А. Конталева // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 306–317.
127. Крейд, В. Все звезды повидав чужие... [вступ. ст.] // Русская поэзия Китая: Антология / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. – М. : Время, 2001. – С. 5–38.
128. Крузенштерн-Петерец, Ю. В. Воспоминания / Ю. В. Крузенштерн-Петерец // Россияне в Азии. – 1999. – № 6. – С. 229–230.
129. Крупнов, Ю. Пути русского развития / Ю. Крупнов // Наследник. – 2010. – № 32. – Режим доступа : https://naslednick.ru/archive/rubric/rubric_367.html.

130. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков ; под ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
131. Кузмин, М. А. Биография Ахматовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://stihi-rus.ru/ahmatova1.htm>.
132. Куликова, Е. Ю. «Японские акварели» Виталия Рябинина: жанровые и строфические эксперименты / Е. Ю. Куликова // Сибирский филологический журнал. – 2021. – № 3. – С. 100–112.
133. Куликова, Е. Ю. Баллада об Азии (Анна Ахматова, «Из цикла “Ташкентские страницы”») / Е. Ю. Куликова // Русские поэты XX века: материалы и исследования. Анна Ахматова (1889–1966) / Отв. ред. Г. В. Петрова. – М. : Азбуковник, 2021. – С. 188–198.
134. Куликова, Е. Ю. Об ахматовской балладности в лирике А. Ачаира («Серебряная рыбка», «Призрак») / Е. Ю. Куликова // Во власти культуры и текста : сборник научных трудов к юбилею доктора филологических наук, профессора Г. П. Козубовской. – Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 2021. – С. 345–355.
135. Куликова, Е. Ю. Гумилевский след в повести шанхайского мариниста Б.Я. Ильвова «Летучий голландец» / Е. Ю. Куликова // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства. Коллективная монография / Отв. ред. И. В. Силантьев, Е. В. Капинос, И. Е. Лоцилов. – СПб. : Алетейя, 2020. – С. 257–267.
136. Лалетина (Николаева), Н. Н. «Жили... были... харбинцы». Воспоминания / Н. Н. Лалетина (Николаева). – Рига, 2021. – 395 с.
137. Лешко, С. С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века / С. С. Лешко ; отв. ред. Н. П. Крадин. – Хабаровск : Частная коллекция, 2003. – 176 с.
138. Лермонтов, М. Ю. Сочинения / М. Ю. Лермонтов. – М. : Худ. лит., 1934. – 699 с.
139. Линник, Ю. Валерий Перелешин / Ю. Линник // Новый журнал. – 1992. – № 189. – С. 227–256.

140. Литература русского зарубежья (1920–1990) : учебное пособие / Под общ. ред. А. И. Смирновой. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 640 с.
141. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / Т. 1 : Писатели русского зарубежья. – М. : РОССПЭН, 1997. – 511 с.
142. Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
143. Лурье, С. В. Историческая этиология / С. В. Лурье. – М. : Гаудеамус ; Академический Проект, 2004. – 624 с.
144. Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов ; под ред. Л. А. Новикова. – М. : Русский язык, 1984. – 384 с.
145. Мезин, Н. Харбинцы [Электронный ресурс] // Единение: газета русской общины Австралии с 1950 года. – Режим доступа : <https://www.unification.com.au/articles/1553809797/>.
146. Михальская, Н. П. Образ России в английской литературе IX–XIX веков / Н. П. Михайльская. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – 152 с.
147. Можаяев, А. Белый поэт Арсений Несмелов. По следу памяти (литературно-исторический очерк) / А. Можаяев // Новый берег. – 2008. – № 22.
148. Можарина, Ю. Н. Образ родины в публицистике и мемуаристике Б. Зайцева / Ю. Н. Можарина // Вестник ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 154–157.
149. Моисеева, Л. П. «Мы жили тогда на планете другой...» / Л. П. Моисеева // Общественные науки и современность. – 1997. – № 3. – С. 169–180.
150. Наливайченко, И. В. Образ родины как объект патриотизма / И. В. Наливайченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5(11). – Ч. 4. – С. 126–130.
151. Не склоним голову! (О Марианне Колосовой) // Вестник РОВС. – 2002. – № 3–4.

152. Неваленная, Т. А. Особенности мира женщины в поэзии русских поэтесс Харбина / Т. А. Неваленная // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2002. – Вып. 3. – С. 519–523.
153. Непомнин, О. Е. История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX в. / О. Е. Непомнин. – М. : Восточная литература, 2005. – 712 с.
154. Несмелов, А. Собрание сочинений : в 2 т. / А. Несмелов. – Владивосток : Рубеж, 2006.
155. Николина, Н. А. Образ Родины в поэзии А. Ахматовой / Н. А. Николина // Русский язык в школе. – 1989. – № 2. – С. 72–79.
156. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – М. : Мир и образование, 2020. – 1376 с.
157. Остров. – Шанхай : Дракон, 1944.
158. Перелешин, В. Два полустанка : фрагменты / В. Перелешин // Литературная учеба. – 1989. – № 6. – С. 110–119.
159. Перелешин, В. Русские дальневосточные поэты / В. Перелешин // Новый журнал. – 1972. – № 107. – С. 255–262.
160. Перелешин, В. Три родины. Стихотворения и поэмы / В. Перелешин. – М. : Престиж Бук, 2018. – Т. 1. – 608 с.
161. Петров, С. В Маньчжурии / С. Петров // Литература русских эмигрантов в Китае. – Пекин, 2005. – Т. 7. – С. 233.
162. Пигин, А. В. Древнерусская и фольклорная легенда в поэме Арсения Несмелова «Прощёный бес» / А. В. Пигин // Труды Отдела древнерусской литературы. – 2010. – № 61. – С. 606–618.
163. Плюханов, М. Б. Сюжеты и символы Московского царства / М. Б. Плюханов. – СПб. : Акрополь, 1995. – 336 с.
164. Повесть временных лет / Пер. с древнерус. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова, А. М. Введенского, Л. В. Войтовича. – СПб. : Вита Нова, 2012. – 512 с.
165. Поэты серебряного века [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://otherreferats.allbest.ru/literature/00091269_0.html.

166. Поэты Серебряного века. – М. : Терра, 1999. – 416 с.
167. Робинсон, А. А. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии / А. А. Робинсон. – М. : Наука, 1980. – 336 с.
168. Росов, В. «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира / В. Росов // Новый журнал. – Нью-Йорк, 2009. – № 256. – С. 239–263.
169. Рубцов, Н. М. Стихотворения / Н. М. Рубцов. – М. : Профиздат, 1998. – 304 с.
170. Русская поэзия Китая : антология / Сост. В. Крейд, О. М. Бакич. – М. : Время, 2001. – 718 с.
171. Рыбаков, Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1971. – 261 с.
172. Рябов, О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии / О. В. Рябов. – М. : Ладомир, 2001. – 202 с.
173. Сенина, Е. В. «Я скучаю по харбинской жизни»: социокультурные и этнокультурные процессы 1930–1950 гг. в сознании дальневосточных эмигрантов / Е. В. Сенина // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 7 : Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах, воспоминаниях: сборник научных работ / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2017. – С. 11–17.
174. Сенина, Е. В. Образ русских в романе Сяо Цзюня «Третье поколение» / Е. В. Сенина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12 : Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2017. – Вып 12. – С. 245–256.
175. Сенина, Е. В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Сенина Екатерина Владимировна. – М. : РУДН, 2018. – 246 с.

176. Сенина, Е. В. Образ России и русских в «Путевых заметках о новой России» Цюй Цюбо / Е. В. Сенина // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 4. – С. 158–166.
177. Середкина, Н. Н. Этническая картина мира в контексте современных социальных исследований / Н. Н. Середкина // Социодинамика. – 2014. – № 10. – С. 26–59.
178. Словарь славянской мифологии / Сост. И. А. Мудрова. – М. : Центрполиграф, 2010. – 240 с.
179. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 1 : XI–XII века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб. : Наука, 1997. – С. 26–63.
180. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 2003. – 824 с.
181. Стефаненко, Т. Г. Социальная психология этнической идентичности : дис. ... д-ра. психол. наук : 19.00.05 / Стефаненко Татьяна Гавриловна. – М., 1999. – 528 с.
182. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М. : Институт психологии РАН ; «Академический проект», 1999. – 320 с.
183. Таскина, Е. П. Литературное наследие русского Харбина / Е. П. Таскина. – Харбин. Ветка русского дерева. Проза. Стихи / Сост. Д. Г. Селькина, Е. П. Таскина. – Новосибирск : Новосибирское книжное изд-во, 1991.
184. Телия, В. Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина» / В. Н. Телия // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. – М. : Индрик, 1999. – С. 466–476.
185. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
186. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.

187. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – М. : Азъ, 1994. – 907 с.
188. Торопцев, С. А. Ли Бо: Земная судьба Небожителя / С. А. Торопцев. – М. : Молодая гвардия, 2014. – 304 с.
189. Трубачев, О. Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства / О. Н. Трубачев // Вопросы языкознания. – 1957. – № 2. – С. 86–96.
190. У, Хань. Орнитологические образы в русской и китайской поэзии первой трети XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / У Хань. – Волгоград, 2015. – 24 с.
191. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка : В 4 т. / Д. Н. Ушаков. – М. : Астрель ; АСТ, 2000.
192. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 / М. Фасмер ; пер. с нем. О. Н. Трубачева. – СПб. : Терра-Азбука, 1996. – 832 с.
193. Федотов, Г. Л. Сумерки отечества / Г. Л. Федотов // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры) : в 2 т. Т. 1. – СПб., 1991. – С. 324.
194. Фэн, Ишань. Образ Родины в лирике А. Ачаира / Фэн Ишань // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае / Отв. ред. Ли Яньлин. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 242–250.
195. Фэн, Ишань. Образ Родины в сознании А. Ачаира / Фэн Ишань // Молодежь XXI века: шаг в будущее : материалы XX региональной научно-практической конференции (г. Благовещенск, 23 мая 2019 г.) : в 3 т. Т. 1. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2019. – С. 168–170.
196. Фэн, Ишань. Образ родины в сознании китайского писателя Юй Дафу (на материале «Чэнь Лунь») / Фэн Ишань // Дальневосточный фронт. Исторический форум. К 150-летию А. Я. Гурова : материалы международной научно-практ. конф. (г. Благовещенск, Амурский государственный университет, 21–25 сентября 2022 г.). – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2022. – С. 304–313.

197. Фэн, Ишань. Образ родины в художественной картине мира дальневосточного поэта-эмигранта Алексея Ачаира / Фэн Ишань // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2020. – № 1. – С. 220–230.

198. Фэн, Ишань. Формирование понятия «родина» в этническом сознании китайцев (по материалам словарей и текстов классической литературы) / Фэн Ишань // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып.13 : Народы и культуры Северо-Восточного Китая : сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2020. – С. 237–246.

199. Хисамутдинов, А. А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии / А. А. Хисамутдинов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с.

200. Цветкова, М. В. Заглавие «Родина» в английской и русской поэтической традиции / М. В. Цветкова // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. О. Полякова. – Киров : Радуга-ПРЕСС, 2012. – С. 65–79.

201. Цзюй, Куньи. Образ Харбина в меморатах русских эмигрантов в Австралии / Цзюй Куньи // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13 : Народы и этнические культуры / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2020. – С. 391–401.

202. Цмыкал, О. Е. Восток в художественном сознании Лариссы Андерсен / О. Е. Цмыкал // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – № 4. – С. 237–243.

203. Цмыкал, О. Е. Художественный мир Лариссы Андерсен : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Цмыкал Ольга Евгеньевна. – Благовещенск, 2019. – 174 с.

204. Чернова, А. Е. Образ родины в русской литературе (на примере поэзии Николая Рубцова) / А. Е. Чернова. – Культурологический журнал. – 2017. – № 3. – Вып. 29. – С. 2–8.

205. Чикаева, Т. А. «Родина» как ключевое понятие национальной идеи / Т. А. Чикаева // Манускрипт. – 2018. – № 5(91). – С. 101–104.

206. Чикаева, Т. А. Родина и Чужбина в национальном менталитете / Т. А. Чикаева // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 120–123.
207. Шмелев, А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» / А. Д. Шмелев // Зализняк А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 25–36.
208. Шмелев, А. Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? / А. Д. Шмелев // Зализняк А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 17–24.
209. Шмелев, А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / А. Д. Шмелев, Т. В. Булыгина. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
210. Штейн, Э. Остров Ларисы / Э. Штейн. – Коннектикут : Апельсин, 1988.
211. Щеголев, Н. Победное отчаянье / Н. Щеголев. – М. : Водолей, 2014. – 352 с.
212. Щеголев, Н. Предисловие к сборнику «Остров» / Н. Щеголев / Публ. В. Синкевич // Новый журнал. – 2009. – № 256. – С. 335–339.
213. Эйхенбаум, Б. М. Мелодика русского лирического стиха / Б. М. Эйхенбаум // Анализ художественного текста (лирическое произведение) : хрестоматия. – М. : Изд-во РГГУ, 2004. – С. 46–58.
214. Энге. Кровь в жертву духам. Фотоочерк / Энге // Рубеж. – Харбин, 1935. – С. 17.
215. Эфендиева, Г. В. «Женская лира» русского Китая / Г. В. Эфендиева // Забияко А. А. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии : монография / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – С. 46–72.
216. Эфендиева, Г. В. Ларисса Андерсен: романтическая героиня Харбина / Г. В. Эфендиева // Новый журнал. – 2009. – № 256. – С. 264–277.

217. Эфендиева, Г. В. О последнем поколении харбинских лириков / Г. В. Эфендиева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 8 : От конфронтации к сотрудничеству : сборник материалов науч. школы и междунар. науч. конф. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2009. – С. 468–482.

218. Эфендиева, Г. В. Своеобразие патриотических мотивов в лирике А. Паркау / Г. В. Эфендиева // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века) : материалы междунар. науч. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2004. – С. 378–382.

219. Эфендиева, Г. В. Художественное своеобразие женской лирики восточной ветви русской эмиграции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Эфендиева Галина Владимировна. – М. : Изд-во МПГУ, 2006. – 31 с.

220. Masini, F. 现代汉语词汇的形成 : 19 世纪汉语外来词研究. 上海 : 汉语大词典出版社 1997. – 348 页. [Массини Ф. Формирование современного китайского словарного запаса: изучение заимствованных слов на китайском языке XIX века / Ф. Массини ; пер. Хуан Хэцина. – Шанхай : Изд-во китайских словарей, 1997. – 348 с.].

221. Zabiyako A A., Zinenko Ya. V., Yishan Feng, Xinyu Zhou, Shi Liu. Frontier as an artistic concept // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 102. – P. 1172–1179. –doi.org/10.15405/epsbs.2021.02.02.146.

222. Zabiyako, A. A. V. Han's Archive – A Source for Reconstruction of The Processes of Ethnocultural Identity of Russian Emigrants in China / A. A. Zabiyako, Ya. V. Zinenko, E. A. Kontaleva, O. E. Tsmikal // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2019. – Vol. 76. – P. 3433–3439. – doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.461.

223. 丁世良. 中国地方志民俗资料汇编 (东北卷) / 丁世良. – 北京 : 书目文献出版社, 1989. – 506 页. [Дин Шилян. Сборник китайских местных хроник и фольклорных материалов (Северо-восток) / Дин Шилян. – Пекин : Изд-во библиографической литературы, 1989. – 506 с.].

224. 三毛. 雨季不再来 / 三毛 // 三毛. 全集 异乡的赌徒. – 哈尔滨 : 哈尔滨出版社, 2003. – 页. 112–120 [Сан Мао. Сезон дождей больше не наступит / Сан Мао // Сан Мао. Полное собрание сочинений. – Харбин : Харбин Пресс, 2003. – С. 112–120].

225. 严昌洪. 辛亥革命与民初社会变迁 / 严昌洪 // 重庆师范大学学报 (哲学社会科学版). – 2012. – № 4. – 页. 5–11 [ЯньЧанхун. Революция 1911 года и социальные изменения в ранней Китайской республике / ЯньЧанхун // Журнал Чунцинского педагогического университета. Сер. : Философия и общественные науки. – 2012. – № 4. – С. 5–11].

226. 何新. 中外文化知识辞典 / 何新. – 哈尔滨 : 黑龙江人民出版社, 1989. – 1171 页. [Хэ Синь. Словарь китайских и иностранных культурных знаний / Хэ Синь. – Харбин : Хэйлунцзянское народное изд-во, 1989. – 1171 с.].

227. 侯建会. 祖国”概念刍议 / 侯建会 // 南师范学院学报. – 1998. – № 6. – 页. 37–39 [Хоу Цзяньхуй. Исследование концепции Родины / Хоу Цзяньхуй // Вестник вэйнаньского педагогического института. – 1998. – № 6. – С. 37–39].

228. 侯志平. 中国世界语人物志 / 侯志平. – 北京 : 中国世界语出版社, 2002. – 161 页. [Хоу Чжипин. Описание персонажей китайского эсперанто / Хоу Чжипин. – Пекин : Книги Китая на эсперанто, 2002. – 161 с.].

229. 关纪新. 满族对北京的文化奉献 / 关纪新 // 北京社会科学. – 2007. – № 3. – 页. 83–92 [Гуань Цзисинь. Культурный вклад маньчжуров в Пекин / Гуань Цзисинь // Пекинские социальные науки. – 2007. – № 3. – С. 83–92].

230. 关纪新. 老舍与满族文化 / 关纪新. – 沈阳 : 辽宁民族出版社, 2008. – 328 页. [Гуань Цзисинь. Лао Шэ и маньчжурская культура / Гуань Цзисинь. – Шэньян : Изд-во национальностей провинции Ляонин, 2008. – 328 с.].

231. 刘静. 《旅心》、《红纱灯》与日本文化 / 刘静 // 重庆师范大学学报 (哲学社会科学版). – 2011. – № 2. – 页. 17–20 [Лю Цзин. «Дрейфующее сердце», «Фонарь из красной пряжи» и японская культура / Лю Цзин // Журнал Чунцинского

педагогического университета. Сер. : Философия и общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 17–20].

232. 刘静. 穆木天文学起点与日本因素 / 刘静 // 重庆文理学院学报 (社会科学版). – 2010. – № 29(06). – 页. 28–30 [Лю Цзин. Отправная точка творчества Му Мутяня и японский фактор / Лю Цзин // Журнал Чунцинского университета искусств и наук. Сер. : Общественные науки. – 2010. – № 29(06). – С. 28–30].

233. 叶渭渠, 唐月梅. 20 世纪日本文学史. – 青岛 : 青岛出版社, 1999. – 361 页. [Е Вэйцю, Тан Юмэй. История японской литературы в XX веке. – Циндао : Циндао Пресс, 1999. – 361 с.].

234. 叶渭渠. 川端康成评传 / 叶渭渠. – 北京 : 中国社会科学出版社, 1989. – 252 页. [Е Вэйцюй. Комментарий к Кавабате Ясунари / Е Вэйцюй. – Пекин : Китайская пресса по социальным наукам, 1989. – 252 с.].

235. 叶渭渠. 日本文学思潮史 / 叶渭渠. – 北京 : 经济日报出版社, 1997. – 407 页. [Е Вэйцюй. История японской литературной мысли / Е Вэйцюй. – Пекин : Экономическая ежедневная пресса, 1997. – 407 с.].

236. 吕叔湘. 现代汉语词典 / 吕叔湘、丁声树. – 北京 : 商务印书馆, 1978. – 1564 页. [Люй Шусян. Современный китайский словарь / Люй Шусян, Дин Шэншу. – Пекин : Коммерческая типография, 1978. – 1564 с.].

237. 吕智敏. 文艺学新概念辞典 / 吕智敏. – 北京 : 文化艺术出版社, 1990. – 412 页. [Люй Чжимин. Словарь новых концепций в литературе и искусстве. – Пекин : Культура и искусство, 1990. – 412 с.].

238. 周蒙. 杜甫诗选读 / 周蒙, 冯宇. – 哈尔滨 : 黑龙江人民出版社, 1980. – 228 页. [Чжоу Мэн. Избранные стихотворения Ду Фу / Чжоу Мэн, Фэн Юй. – Харбин : Народное изд-во Хэйлуцзян, 1980. – 228 с.].

239. 姚大力. “回回祖国”与回族认同的历史变迁. – 姚大力: 中国学术, 2004. – 46 页. [Яо Дали. «Родина народности Хуэй»: исторические изменения в идентичности народности Хуй / Яо Дали. – Шанхай : Китайская академия, 2004. – 46 с.].

240. 姚润南. 故乡, 是一首凄婉的歌谣—读萧红《呼兰河传》 / 姚润南 // 读与写 (教育教学刊). – 2018. – № 15(01). – 页. 125–126 [Яо Жуньнань. Родина – это грустная и эвфемистическая баллада. Чтение «Сказания о реке Хулань» Сяо Хун / Яо Жуньнань // Чтение и письмо. Сер. : Образование и педагогика. – 2018. – № 15(01). – С. 125–126].

241. 姜公韬. 中国通史·明清史·第五章明清之际 / 姜公韬. – 北京 : 九州出版社, 2010. – 224 页. [Цзян Гунтао. Всеобщая история Китая. История династий Мин и Цин / Цзян Гунтао. – Пекин : Изд-во «Цзичжоу», 2010. – 224 с.].

242. 孙中山全集 / 中国社会科学院近代史研究所中华民国史研究室等合编. – 北京 : 中华书局, 1982 [Полное собрание сочинений Сунь Чжуншань / Под ред. Исследовательского бюро истории Китайской Республики Института современной истории Китайской академии социальных наук. – Пекин : Книжная компания «Чжунхуа», 1982].

243. 孙先庆. 穆木天的文学思想 / 孙先庆 // 松辽学刊 (社会科学版). – 1991. – № 3. – 页. 77–82 [Сунь Сяньцин. Литературная мысль Му Мутяня / Сунь Сяньцин // Журнал Сунляо. Сер. : Социальные науки. – 1991. – № 3. – С. 77–82].

244. 季永海. 从接触到融合 / 季永海 // 满语研究. – 北京 : 人民出版社, 2004. – 页. 24–55 [Цзи Ионхэй. Из контакта до слияния / Цзи Ионхэй // Изучение маньчжурского языка. – Пекин : Народное изд-во, 2004. – С. 24–55].

245. 季红真. 萧红传 / 季红真. – 北京: 十月文艺出版社, 2008. – 410 页. [Цзи Хунчжэнь. Биография Сяо Хун / Цзи Хунчжэнь. – Пекин : Октябрьское лит.-худ. изд-во, 2008. – 410 с.].

246. 宋丽娜. 论东北沦陷时期的爱国抗日文化运动 / 宋丽娜, 金梦兰 // 沈阳航空工业学院学报. – 2005. – № 6. – 页. 7–9 [Сун Лина. О патриотическом антияпонском культурном движении в период оккупации Северо-Восточного Китая / Сун Лина, Цзинь Мэнлань // Журнал Шэньянского института авиационной промышленности. – 2005. – № 6. – С. 7–9].

247. 宋希仁. 伦理学大辞典 / 宋希仁, 陈劳志, 赵仁光. – 长春: 吉林人民出版社, 1989. – 1220 页. [Сун Сижэнь. Словарь этики / Сун Сижэнь, Чэнь Лаочжи, ЧжаоЖэньгуан. – Чанчунь : Изд-во «Цзилинь», 1989. – 1220 с.].

248. 崔洪男. 关于韩中两国花文化的象征意义 / 崔洪男 // 哈尔滨职业技术学院学报. – 2014. – № 5. – 页. 151–152 [Цуй Хуннань. О символическом значении цветочной культуры в Корее и Китае / Цуй Хуннань // Журнал Харбинского профессионально-технического колледжа. – 2014. – № 5. – С. 151–152].

249. 廖宗麟. 甲午清廷备战内幕述评 / 廖宗麟 // 广西社会科学. – 1986. – № 4. – 页. 228–245 [Ляо Цзунлинь. Комментарий к внутренней истории подготовки к суду Цин в период Цзяу / Ляо Цзунлинь // Социальные науки Гуанси. – 1986. – № 4. – С. 228–245].

250. 张占斌. 毛泽东选集 大辞典 / 张占斌, 蒋建农. – 太原: 山西人民出版社, 1993. – 1436 页. [Чжан Чжаньбинь, Цзян Цзяньнун. Большой словарь избранных произведений Мао Цзэдуна / ЧжаньбиньЧжан, Цзяньнун Цзян. – Тайюань : Народное изд-во Шаньси, 1993. – 1436 с.].

251. 张畅. 共同的怀乡母题不同的文学书写 / 张畅 // 集美大学学报 (哲学社会科学版). – 2012. – № 15(02). – 页. 99–104 [Чжан Чан. Общие мотивы ностальгии и разные литературные произведения / Чжан Чан // Журнал Университета Цзимей. Сер. : Философия и общественные науки. – 2012. – № 15(02). – С. 99–104].

252. 张筱翎. 老舍著作中的异国形象分析 / 张筱翎 // 湖北经济学院学报 (人文社会科学版). – 2018. – № 2. – 页. 97–99 [Чжан Сяолин. Анализ образа чужбины в произведениях Лао Шэ / Чжан Сяолин // Журнал Хубэйского университета экономики. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 2. – С. 97–99].

253. 教育部. 语文七年级下册. – 北京 : 人民教育出版社, 2016. – 169 页. [Филология : учебник : 7 класс / Под ред. Вэнь Жумин. – Пекин : Народная пресса, 2016. – 169 с.].

254. 新华字典. – 北京 : 商务印书馆, 2001. – 1390 页. [Словарь иероглифов Синьхуа. – Пекин : Коммерческая пресса, 2001. – 1390 с.].

255. 方克立. 中国哲学大辞典 / 方克立. – 北京: 中国社会科学出版社, 1994. – 802 页. [Фан Кэли. Словарь китайской философии / Фан Кэли. – Пекин : Китайское изд-во социальных наук, 1994. – 802 с.].

256. 方志平. 中国传统文化对郁达夫的影响 / 方志平 // 武汉大学学报 (哲学社会科学版). – 2004. – № 4. – 页. 557–561 [Фан Чжипин. Влияние традиционной китайской культуры на Юй. Дафу / Чжипин Фан // Журнал Уханьского университета. Сер. : Философия и социальные науки. – 2004. – № 4. – С. 557–561].

257. 曾华鹏, 范伯群. 郁达夫小说与传统文化 / 曾华鹏, 范伯群 // 中国现代文学研究丛刊. – 1988. – № 4. – 页. 24–39. – [Цзэн Хуапэн. Романы Юй Дафу и традиционная культура / Цзэн Хуапэн, Фань Бочун // Серия исследований современной китайской литературы. – 1988. – № 4. – С. 24–39].

258. 李军. 20 世纪以来的“闯关东”移民 / 李军, 胡鹏 // 回顾与评述. – 2016. – № 4. – 页. 103–114 [Ли Цзюнь. Мигранты в движении «Прорыв в Гуаньдун» / Ли Цзюнь, Ху Пен // Ретроспектива и комментарий. – 2016. – № 4. – С. 103–114].

259. 李华兴. 近代中国百年史辞典 / 李华兴. – 杭州 : 浙江人民出版社, 1987. – 773 页. [Ли Хуасин. Словарь столетней истории периода новой истории Китая / Ли Хуасин. – Ханчжоу : Чжэцзянское народное изд-во, 1987. – 773 с.].

260. 李夫生, 薛其林. 敢为人先: 辛亥长沙精神. – 湖南 : 教育出版社, 2011. – 218 页. [Ли Фушэн, Сюэ Цилян. Не бойтесь быть первым, дух Синьхай Чанша / Ли Фушэн, Сюэ Цилян. – Хунань : Образование и пресса, 2011. – 218 с.].

261. 李峰. 舒婷诗歌中的多义化母亲形象 / 李峰 // 文史杂志. – 2006. – № 4. – 页. 62–64 [Ли Фэн. Полисемия образа матери в стихах Шу Тина / Ли Фэн // Литературно-исторический журнал. – 2006. – № 4. – С. 62–64].

262. 李彧钦. 电视剧《闯关东》的社会学解读 / 李彧钦 // 中国特色社会主义 : 理论·道路·事业. – 2008. – № 2. – 页. 484–488 [Ли Юйцин. Социологическая интерпретация телесериала «Прорыв в Гуаньдун» / Ли Юйцин // Социализм с китайской спецификой: теория, методология, практика. – 2008. – № 2. – С. 484–488].

263. 李重华. 《呼兰河传》 导读新论 / 李重华 // 大庆社会科学. – 2011. – № 1. – 页. 149–153 [Ли Чжунхуа. Новый взгляд на роман «Сказание о реки Хулань» / Ли Чжунхуа // Социальные науки Дацина. – 2011. – № 1. – С. 149–153].
264. 李长虹. 萨满文化精神与东北作家群的小说创作 / 李长虹 // 东疆学刊. – 2007. – № 4. – 页. 23–27 [Ли Чанхун. Дух шаманской культуры и творчество группы писателей Северо-Восточного Китая / Ли Чанхун // Журнал Дунцзян. – 2007. – № 4. – С. 23–27].
265. 李韬瑾. 郁达夫日本留学的经历对小说《沉沦》的影响 / 李韬瑾 // 青年与社会. – 2013. – № 12. – 页. 305–306 [Ли Таоцзинь. Влияние опыта учебы Юй Дафу в Японии на роман «Чэнь Лунь» / Ли Таоцзинь // Молодежь и общество. – 2013. – № 12. – С. 305–306].
266. 杨义. 叩问作家心灵 / 杨义. – 北京：中国社会科学出版社, 2000. – 200 页. [Ян И. Спросите душу писателя / Ян И. – Пекин：Китайская социальная наука, 2000. – 200 с.].
267. 杨慧和. 中华民族共有的最高诗情 – “祖国母亲”考辨 / 杨慧和. 王向峰 // 社会科学辑刊. – 2017. – № 1. – 页. 220–225 [Ян Хуй. Высшая поэзия, которой владеет китайская нация – «Родина-мать» текстовое исследование / Ян Хуй, Ван Сянфэн // Социальные науки. – 2017. – Вып. 1. – С. 220–225].
268. 杨晓安. “九一八”事变 / 杨晓安 // 疏导. – 1995. – № 1. – 页. 5–7 [Ян Сяоань. Инцидент «18 сентября» / Ян Сяоань // Пути открытия. – 1995. – № 1. – С. 5–7].
269. 林贤治. 漂泊者萧红 / 林贤治. –北京：人民文学出版社, 2009. – 312 页. [Линь, Сяньчжи. Странник Сяо Хун / Линь Сяньчжи. – Пекин：Изд-во народной литературы, 2009. – 312 с.].
270. 段从学. 呼兰河传的“写法”与“主题” / 段从学 // 中国现代文学研究丛刊. – 2014. – № 7. – 页. 1–13 [Дуань Цунсюэ. Образы и тематика «Сказания о реке Хулань» / Дуань Цунсюэ // Серия исследований современной китайской литературы. – 2014. – № 7. – С. 1–13].

271. 段雨霖.“闯关东”与东北文化流变 / 段雨霖, 高志伟, 康香莹, 张婷 // 青年文学家. – 2017. – № 17. – 页. 36–37 [Дуань Юлинь. Движение «Прорыв в Гуаньдун» и северо-восточные культурные изменения / Дуань Юлинь, Гао Чживэй, Кан Сяньбин, Чжан Тин // Молодой литератор. – 2017. – № 17. – С. 36–37].

272. 民族知识词典 / 主编徐万邦, 王齐国; 宋全, 刘军等. – 山东: 济南出版社, 1995. – 650 页. [Словарь этнических понятий / Под. ред. Сюй Ванбан, Ван Циго, Сун Цюань, Лю Цзюнь. – Шаньдун: Издательский дом Цзинань, 1995. – 650 с.].

273. 汉语大辞典 / 罗竹风主编. – 上海: 汉语大辞典出版社, 1993. – 1352 页. [Большой китайский словарь / Под ред. Ло Чжужфэн. – Шанхай: Изд-во китайских словарей, 1993. – 1352 с.].

274. 沐祥. 端木蕻良的生活与创作 / 沐祥 // 驻马店师专学报 (社会科学版). – 1987. – № 2. – 页. 3–12. [Бянь Сян. Жизнь и творчество Дуаньму Хунляна / Бянь Сян // Журнал Педагогического колледжа Чжумадянь. Сер.: Общественные науки. – 1987. – № 2. – С. 3–12].

275. 海风. 祖国的形象 / 海风 // 价值和市场. – 1998 年. – № 10. – 页. 1 [Хай, Фэн. Образ родины / Хай Фэн // Цена и рынок. – 1998. – № 10. – С. 1].

276. 潘祥辉. “祖国母亲”: 一种政治隐喻的传播及溯源 / 潘祥辉 // 人文杂志. – 2018. – № 1. – 页. 92–102 [Пан Сянхуэй. Родина-мать: Распространение и след политической метафоры / Пан Сянхуэй // Гуманитарный журнал. – 2018. – № 1. – С. 92–102].

277. 王中忱. 日本中介与穆木天的早期文学观杂考 / 王中忱 // 励耘学刊 (文学卷). – 2006. – № 1. – 页. 214–225 [Ван Чжунчэнь. Разное текстовое исследование ранних литературных представлений о японском посреднике и Му Мутяне / Ван Чжунчэнь // Ученая периодика Ли Юнь. Сер.: Литература. – 2006. – № 1. – С. 214–225].

278. 王丽. 清末民初黑龙江地区汉族生活民俗 / 王丽. – 呼和浩特: 内蒙古大学, 2006. – 56 页. [Ван Ли. Народные обычаи ханьцев в провинции Хэйлуцзян во

время поздней династии Цин и ранней Китайской Республики / Ван Ли. – Хух-Хото : Университет Внутренней Монголии, 2006. – 56 с.].

279. 王之春. 清朝柔远记 / 王之春. – 知纯: 中华书局, 1986. – 1 版. – № 107. – 页. 113 [Ван Чжичунь. Записки об усмирении окраин династией Цин / Ван Чжичунь. – Чжичунь : Книжная компания Чжунхуа, 1986. – Вып. 107. – 532 с.].

280. 王劲松. 抗战初期左翼文化活动与萧红、白朗的发轫 / 王劲松 // 重庆师范大学学报 (社会科学版). – 2018. – № 5. – 页. 48–59 [Ван Цзиньсун. Левая культурная деятельность и Сяо Хун в ранний период антияпонской войны / Ван Цзиньсун // Журнал Чунцинского педагогического университета. – 2018. – № 5. – С. 48–59].

281. 王培元. 论东北作家群 / 王培元 // 中国现代文学研究丛刊. – 1992. – № 1. – 页. 303–304 [Ван Пэйюань. О группе писателей Северо-Востока / Ван Пэйюань // Серия исследований современной китайской литературы. – 1992. – № 1. – С. 303–304].

282. 王培元. 论东北作家群 / 王培元 // 学术月刊. – 1991. – № 5. – 页. 60–66 [Ван Пэйюань. О группе писателей Северо-Востока / Ван Пэйюань // Академический ежемесячник. – 1991. – № 5. – С. 60–66].

283. 王子龙. 试析二十世纪"京津"与"东北"满族文学差异--以老舍与端木蕻良笔下女性形象为中心 / 王子龙 // 呼伦贝尔学院学报. – 2012. – № 20(04). – 页. 54–56 [Ван Цзилун. Анализ различий в литературе XX века «Пекин-Тяньцзинь» и «Северо-восток» Маньчжурии – в центре внимания женские образы, описанные Лао Шэ и Дуаньму Хунляном / Ван Цзилун // Журнал Университета Хулунбуир. – 2012. – № 20(04). – С. 54–56].

284. 王德胜主编. 中国中学教学百科全书政治卷 / 王德胜主编. – 沈阳 : 沈阳出版社, 1990. – 435 页. [Ван Дэшэн. Методика преподавания в китайской средней школе / Ван Дэшэн. – Шэньян : Изд-во «Шэньян», 1990. – 435 с.].

285. 王成滨. 母体文化与日本文学对郁达夫小说创作的影响 / 王成滨, 张云云 // 名作欣赏. – 2020. – № 8. – 页. 65–66 [Ван Чэнбинь. Влияние материнской культуры и японской литературы на создание романа Юй Дафу / Ван Чэнбинь, Чжан Юньюнь // Оценка шедевров. – 2020. – № 8. – С. 65–66].

286. 王桂青. 《生死场》“自然”网络中的群体生命形态 / 王桂青, 姚若冰 // 东岳论丛. – 2012. – № 9. – 页. 59–61 [Ван Гуйцин. Типология сюжетов в цикле «Природа» – «Поле жизни и смерти» / Ван Гуйцин, Яо Жобин // Сборник рассуждения Дун Юэ. – 2012. – № 9. – С. 59–61].

287. 王欣睿. «闯关东» 文学研究 / 王欣睿. – 长春: 吉林大学, 2016. – 175 页. [Ван Синьжуй. Изучение литературы движения «Прорыв в Гуаньдун» / Ван Синьжуй. – Чанчунь : Цзилиньский университет, 2016. – 175 с.].

288. 王诗客. «汉语新诗中祖国母亲隐喻的多维度研究 : 博士学位论文. – 杭州: 浙江大学, 2012. – 204 页. [Ван Шикэ. Многомерное исследование метафоры «Родина-мать» в новых китайских стихах : дис. ... доктора филол. наук / Ван Шикэ. – Ханчжоу : Чжэцзянский университет, 2012. – 204 с.].

289. 现代俄汉双解词典 / 张建华编. –北京 : 外语教学与研究出版社, 1992. – 1304 页. [Новый русско-китайский словарь / Под ред. Чжан Цзяньхуа. – Пекин : Иностранские языки, 1992. – 1304 с.].

290. 田承军. 清代东北地区的碧霞元君庙 / 田承军 // 泰安师专学报. – 2002. – № 1. – 页. 18–21 [Тянь Чэнцзюнь. Храм Бессмертная фея Бися на северо-востоке Китая во времена династии Цин / Тянь Чэнцзюнь // Журнал Тайаньского педагогического колледжа. – 2002. – № 1. – С. 18–21].

291. 石春雨. 论《沉沦》中郁达夫的祖国情怀 / 石春雨 // 文学教育(下). – 2017. – № 4. – 页. 16–17 [Ши Чуньюй. О чувствах Родины Юй Дафу в «Чэнь Лунь» / Ши Чуньюй // Литературное образование. – 2017. – № 4. – С. 16–17].

292. 石秀峰. 民国. 礼俗志 / 石秀峰 // 盖平县志. – 2002. – 卷. 10. – № 1. – 页. 18–21 [Ши Сюэфэн. Китайская Республика. Хроника обрядов и обычаев / Ши Сюэфэн // Хроника округа Гайпин. – 2002. – Т. 10. – № 1. – С. 18–21].

293. 穆木天. 我与文学 // 见陈淳. 选编 穆木天文学评论选集 / 见陈淳、刘象愚. – 北京: 北京师范大学出版社, 2000. – 页. 427 [Му Мутянь. Я и литература // Чэнь Чунь. Избранные произведения литературной критики Му Мутяня / Чэнь Чунь, Лю Сяньюй. – Пекин : Изд-во Пекинского педагогического ун-та, 2000. – С. 427].

294. 穆木天. 我的文艺生活 / 穆木天 // 蔡清富. 穆木天诗文集 / 蔡清富, 穆立立. – 长春 : 时代文艺出版社, 1985. – 199 页. [Му Мутянь. Моя литературная жизнь / Му Мутянь // Цай Цинфу. Сборник стихов и очерков Му Мутяня / Цай Цинфу, Му Лили. – Чанчунь: Изд-во литературы и искусства, 1985. – 199 с.].

295. 穆木天. 我的诗歌创作之回忆 / 穆木天 // 见陈淳. 选编 穆木天文学评论选集 / 见陈淳、刘象愚. – 北京: 北京师范大学出版社, 2000. – 页. 418 [Му Мутянь. Воспоминание о моём поэтическом творчестве / Му Мутянь // Чэнь Чунь. Избранные произведения литературной критики Му Мутяня / Чэнь Чунь, Лю Сяньюй. – Пекин : Изд-во Пекинского педагогического университета, 2000. – С. 418].

296. 穆木天. 我的诗歌创作之回顾—诗集流亡者之歌代序 / 穆木天 // 现代. – 1934. – № 4 [Му Мутянь. Воспоминание о моём поэтическом творчестве: сборник «Песнь изгнанников» // Современность. – 1934. – № 4].

297. 穆木天. 谭诗-寄给郭沫若的一封信 / 穆木天 // 穆木天文学评论选集. – 北京 : 北京师范大学出版社, 2000. – № 3. – 页. 140 [Му Мутянь. О поэзии – письмо Го Можо / Му Мутянь // Избранные произведения литературной критики Му Мутяня. – Пекин : Изд-во Пекинского педагогического университета, 2000. – Вып. 3. – С. 140].

298. 章有义. 中国近代农业史资料 / 章有义. – 北京 : 三联书店, 1995. – 638 页. [Чжан Юи. Материалы сельскохозяйственной истории Китая в новой истории: В 3 т. Т. 2 / Чжан Юи. – Пекин : Книжный магазин Сяньлянь, 1995. – 638 с.].

299. 章绍嗣. 试论“东北作家群” / 章绍嗣 // 武汉教育学院学报 (哲学社会科学版). – 1992. – № 2. – 页. 29–35 [Чжан Шаоши. О «группе писателей Северо-Востока» / Чжан Шаоши // Журнал Уханьского института образования Сер. : Философия и социальные науки. – 1992. – № 2. – С. 29–35].

300. 端木蕻良. 我的创作经验 / 端木蕻良 // 万象. – 1944. – № 5 [Дуаньму Хунлян. Мой творческий опыт / Дуаньму Хунлян // Природа жизни. – 1944. – № 5].

301. 端木蕻良. 土地的誓言 / 端木蕻良 // 时代文学. – 1941. – № 5. – 页. 6–8 [Дуаньму Хунлян. Клятва земли / Дуаньму Хунлян // Время литературы. – 1941. – № 5. – С. 6–8].

302. 端木蕻良. 大地的海 / 端木蕻良. – 上海 : 新文艺出版社, 1957. – 266 页. [Дуаньму Хунлян. Земное море / Дуаньму Хунлян. – Шанхай : Изд-во новой литературы и искусства, 1957. – 266 с.].

303. 端木蕻良. 我控诉, 为了三千万被侮辱和损害的人民 / 端木蕻良 // 新华日报. – 1946. – № 4 [Дуаньму Хунлян. Я подаю в суд на 30 миллионов человек, которые подверглись оскорблениям и причинению вреда / Дуаньму Хунлян // Синьхуа. – 1946. – № 4].

304. 索荣昌. 丰富的蕴涵有益的探索—穆木天早期象征派诗和他的《苍白的钟声》 / 索荣昌 // 名作欣赏. – 1989. – № 6. – 页. 20–24 [Суо Жунчан. Обширная коннотация, полезные исследования – ранние символические стихи Му Мутяня и его «Бледные колокола» / Суо Жунчан // Оценка шедевров. – 1989. – № 6. – С. 20–24].

305. 聂进. 文学·女人·祖国—读桑逢康的《郁达夫传》 / 聂进 // 中学语文. – 2001. – № 11. – 页. 62–63 [Не Джин. Чтение Сан Фэнкан «Биография Юй Дафу» / Не Джин // Китайский язык в средней школе. – 2001. – № 11. – С. 62–63].

306. 范立君. 闯关东历史与文化研究 / 范立君. – 北京 : 社会科学文献出版社, 2016. – 232 页. [Фань Лицзюнь. Исследование истории и культуры движения «Прорыв в Гуаньдун» / Фань Лицзюнь. – Пекин : Изд-во по общественным наукам, 2016. – 232 с.].

307. 荣孟源. 五四运动 / 荣孟源 // 历史教学. – 1952. – № 12. – 页. 28–33 [Жун Мэньюань. Движение четвертого мая / Жун Мэньюань // Преподавание истории. – 1952. – № 12. – С. 28–33].

308. 荣孟源. 五四运动 / 荣孟源 // 历史教学. – 1952. – № 12. – 页. 28–33 [Жун Мэньюань. Движение четвертого мая / Жун Мэньюань // Преподавание истории. – 1952. – № 12. – С. 28–33].
309. 莫珊珊. 试论萧红《呼兰河传》中的“家园”书写 / 莫珊珊 // 名作欣赏. – 2017. – № 12. – 页. 69–70 [Мо Шаньшань. Воплощение образа родины в «Сказании о реке Хулань» Сяо Хун / Мо Шаньшань // Интерпретация шедевров литературы. – 2017. – № 12. – С. 69–70].
310. 莫珊珊. 试论萧红《呼兰河传》中的“家园”书写 / 莫珊珊 // 名作欣赏. – 2017. – № 12. – 页. 69–70 [Мо Шаньшань. Обсуждение образа Родины в «Сказании о реке Хулань» Сяо Хун / Мо Шаньшань // Оценка шедевров. – 2017. – № 12. – С. 69–70].
311. 萧军. 八月的乡村 / 萧军. – 广州：花城出版社, 2016. – 308 页. [Сяо Цзюнь. Деревня в Августе / Сяо Цзюнь. – Гуанчжоу：Изд-во «Хуачжэн», 2016. – 308 с.].
312. 萧军. 绿叶的故事 / 萧军. – 兰州：甘肃人民出版社, 1983. – 191 页. [Сяо Цзюнь. История зеленого листа / Сяо Цзюнь. – Ланьчжоу：Народное изд-во Ганьсу, 1983. – 191 с.].
313. 萧红. 呼兰河传 / 萧红. – 长春：时代文艺出版社, 2019. – 193 页. [Сяо, Хун. Сказание о реке Хулань / Сяо Хун. – Чанчунь：Время литературы и искусства, 2019. – 193 с.].
314. 覃治华. 浅谈东北作家群 / 覃治华 // 参花(下). – 2014. – № 7. – 页. 159–160 [Цинь Чжихуа. Разговоры о Северо-восточной писательской группе / Цинь Чжихуа // Женьшень. – 2014. – № 7. – С. 159–160].
315. 解燕, 马功文. 三毛作品中的异国形象与自我形象 // 铜陵职业技术学院学报. – 2009. – № 8(03). – 页. 54–56. – DOI:10.16789/j.cnki.1671-752x.2009.03.026 [Се Янь, Ма Гунвэнь. Образ чужбины в произведениях Сан Мао // Тунлинский профессионально-технический колледж. – 2009. – № 8(03). – С. 54–56].

316. 许慎. 说文解字 / 许慎. – 北京 : 联合出版公司, 2014. – 510 页. [Сюй Шен. Происхождение китайских иероглифов / Сюй Шен. – Пекин : Совместная издательская компания, 2014. – 510 с.].
317. 谭静. 试析三毛作品中的异国形象 / 谭静 // 安徽文学. – 2007. – № 2. – 页. 148–149 [Тань Цзин. Анализ образа чужбины в произведениях Сань Мао / Тань Цзин // Аньхойская литература. – 2007. – № 2. – С. 148–159].
318. 赵寿莲. 清末留日热潮出现的原因及其影响 / 赵寿莲 // 学术论坛. – 1997. – № 6. – 页. 84–88 [Чжао Шоулянь. Причина и влияние всплеска обучения в Японии в период поздней династии Цин / Чжао Шоулянь // Академический форум. – 1997. – № 6. – С. 84–88].
319. 辞源. – 北京 : 商务印刷馆, 1988. – 1970 页. [Этимологический словарь. – Пекин : Коммерческая типография, 1988. – 1970 с.].
320. 郁达夫. 五六年来创作生活的回顾 / 郁达夫 // 郁达夫. 第七卷. – 广州 : 花城出版社, 1983. – 文集. – 180 页. [Юй Дафу. Воспоминание о творческой жизни за последние пять-шесть лет / Юй Дафу // Юй Дафу. Собрание сочинений. – Гуанчжоу : Изд-во «Хуачэн», 1983. – Т. 7. – 180 с.].
321. 郁达夫. 沉沦. – 北京 : 中国画报出版社, 2015. – 262 页. [Юй Дафу. Чэнь Лунь. – Пекин : Китайское иллюстрируемое изд-во, 2015. – 262 с.].
322. 郭勇. 郁达夫与日本“私小说”及“唯美主义”文学 / 郭勇 // 宁波大学学报 (人文科学版). – 1999. – № 4. – 页. 22–27, 44 [Гуо Юн. Юй Дафу и японские «Частные романы» и «Эстетическая литература» / Гуо Юн // Журнал Университета Нинбо. Сер. : Гуманитарные науки. – 1999. – № 4. – С. 22–27, 44].
323. 钟耀群. 端木蕻良与萧红 / 钟耀群. – 北京 : 中国文联出版公司, 1998. – 153 页. [Чжун Яоцюнь. Дуаньму Хунлян и Сяо Хун / Чжун Яоцюнь. – Пекин : Изд. компания Китайской федерации литературных и художественных кружков, 1998. – 153 с.].

324. 钱理群. 中国现代文学三十年 / 钱理群, 温儒敏, 吴福辉. – 北京 : 北京大学出版社, 1998. – 667 页. [Цянь Лицюнь. Тридцать лет современной китайской литературы / Цянь Лицюнь, Вен Жумин, Ву Фухуэй. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 1998. – 667 с.].

325. 闻立鹏. 闻一多与《七子之歌》 – 纪念父亲百年诞辰 / 闻立鹏 // 新文化史料. – 1999. – № 4. – 页. 11–13 [Вэнь Липэн. «Вэнь Идо и “Песня семи сыновей”»: в память об отце в день его столетия / Вэнь Липэн // Новая культурная история. – 1999. – № 4. – С. 11–13].

326. 阎崇年. 北京满族的百年沧桑 / 阎崇年 // 北京社会科学. – 2002. – № 1. – 页. 15–33 [Ян Чуньянь. Сто лет перипетий маньчжурского Пекина / Ян Чуньянь // Пекинские социальные науки. – 2002. – № 1. – С. 15–33].

327. 陈淳. 穆木天与象征主义全 / 陈淳 // 全球化时代的世界文学与中国. – 北京 : 北京师范大学出版社, 2010. – 页. 367–379 [Чэнь Чунь. Му Мутянь и символизм / Чэнь Чунь // Мировая литература и Китай в эпоху глобализации. – Пекин : Изд-во Пекинского педагогического университета, 2010. – С. 367–379].

328. 陈继会. 中国乡土小说史. – 合肥 : 安徽文艺出版社, 1999. – 490 页. [Чэнь Цзихуэй. История китайских сельских романов / Чэнь Цзихуэй. – Хэфэй : Аньхойская литература и искусство, 1999. – 490 с.].

329. 靳春泓. 浅析清末留日热潮形成的原因 / 靳春泓 // 西安电子科技大学学报 (社会科学版). – 2003. – № 1. – 页. 78–82 [Цзинь Чуньхун. Анализ причин подъема обучения в Японии в период поздней династии Цин / Цзинь Чуньхун // Журнал Сидянского университета. Сер. : Общественные науки. – 2003. – № 1. – С. 78–82].

330. 马戎. 民族社会学—社会学的族群关系研究 / 马戎. – 北京 : 北京大学出版社, 2004. – 705 页. [Ма Жун. Этническая социология и социологические исследования этнических отношений / Ма Жун. – Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2004. – 705 с.].

331. 高丙中. 中国民俗概论 / 高丙中. – 北京 : 北京大学出版社, 2009. – 357 页. [Гао Бинчжун. Введение в китайский фольклор / Гао Бинчжун. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 2009. – 357 с.].

332. 高晓燕. 试论东北边疆地区城市发展特点 / 高晓燕 // 学习与探索. – 1993. – № 2. – 页. 118–125 [Гао Сяоянь. Особенности развития городов в северо-восточном пограничном районе / Гао Сяоянь // Учеба и исследование. – 1993. – № 2. – С. 118–125].

333. 魏源. 圣武记叙 / 魏源. –北京, 1842. – 628 页. [Вэй Юань. Рассказ Шэн У Цзи / Юань Вэй. – Пекин, 1842. – 628 с.].